

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ФРАЗЕОЛОГИИ

Владимир 2019

УДК 81'373.72

ББК 81.053.6

X91

Автор-составитель Т. Н. Федуленкова

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор
зав. кафедрой перевода и прикладной лингвистики
Высшей школы социально-гуманитарных наук
и международной коммуникации Северного (Арктического)
федерального университета имени М. В. Ломоносова
А. М. Поликарпов

Доктор филологических наук, профессор,
почетный работник высшего профессионального образования РФ
зав. кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации
Пятигорского государственного университета
Т. А. Ширяева

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Хрестоматия по фразеологии / авт.-сост. Т. Н. Федуленкова ;
X91 Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во
ВлГУ, 2019. – 176 с. – ISBN 978-5-9984-1040-6.

Представлены выдержки избранных трудов и отдельные работы отечественных лингвистов по наиболее актуальным вопросам современной теории фразеологии.

Адресована студентам, обучающимся по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика», изучающим дисциплины «Фразеология современного английского языка», «Проблемы общей фразеологии», «Проблемы типологии фразеологии», и специалистам в области фразеологии и семасиологии, преподавателям, аспирантам и студентам филологических специальностей.

Рекомендовано для развития профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС ВО.

Библиогр.: 77 назв.

УДК 81'373.72

ББК 81.053.6

ISBN 978-5-9984-1040-6

© ВлГУ, 2019

Язык, важнейшее и удивительно совершенное средство человеческого общения, средство обмена мыслями...

В. Д. Аракин

Вопрос о фразеологии как о лингвистической дисциплине зарубежными учеными не ставится. Этим и объясняется отсутствие в английском языке названия для данной дисциплины.

А. В. Кунин

ПРЕДИСЛОВИЕ

История отечественной фразеологии еще не написана, хотя уже имеются обобщающие труды в этой области, многочисленные статьи, параграфы диссертационных исследований, главы монографий¹. Шагами на пути к созданию такой истории могут послужить книги, популяризирующие наиболее интересные и значимые работы в области фразеологической науки.

Предлагаемая читателю-филологу книга включает ряд избранных трудов по фразеологии видных представителей современной лингвистики: А. В. Кунина, Г. И. Краморенко, В. П. Жукова, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, Е. В. Ивановой, Н. Л. Шадрина, В. И. Зимина, Т. Н. Федуленковой, В. Н. Телии, Н. Ф. Алефиренко и других ученых-фразеологов – работ, которые выдержали испытание печатным словом и временем и в течение длительного периода характеризуются высоким рейтингом цитирования.

¹ Алехина А. И. Идиоматика современного английского языка. Минск : Вышэйш. шк., 1982 ; Алефиренко Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. М. : ЭЛПИС, 2008 ; Багаутдинова Г. А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. Казань, 2006 ; Добровольский Д. О. Основы структурно-типологического анализа фразеологии современных германских языков (на материале немецкого, английского и нидерландского языков) : дис. ... д-ра филолог. наук. М., 1990 ; Телия В. Н. Что такое фразеология. М. : Наука, 1966 ; Федуленкова Т. Н. Фразеология и типология: к типологической релевантности фразеологии // Филологические науки. 2005. № 1. С. 74 – 80.

Отрывки из научных трудов, вошедших в книгу, отражают наиболее актуальные проблемы современной фразеологии как отрасли языкознания, а именно:

- проблему фразеологического уровня в языке,
- проблему соотношения языковой мотивировки фразеологического значения и фразеологической абстракции,
- проблему варианта и тождества во фразеологии,
- проблему взаимоотношения слов-сопроводителей и контекста,
- проблемные вопросы дистрибуции фразеологических единиц,
- проблемы роли образа в семантической структуре фразеологизма,
- проблемы перевода фразеологических единиц,
- проблемы типологической релевантности фразеологии,
- проблемы системности и функциональности фразеологии библейского происхождения,
- проблему сопряжения в провербиальных знаках когнитивного и языкового начал и постижения конвергентной сущности провербиального кода,
- проблемы методологии исследования фразеологического состава языка в контексте культуры и некоторые другие.

Весьма нелегко избежать субъективизма в отборе и оценке работ, извлечения из которых публикуются в данном издании. Составитель стремился к тому, чтобы, публикуя извлечения из наиболее содержательных, на свой взгляд, работ известных российских лингвистов-фразеологов, дать возможно более полное представление о разработке соответствующей проблемы в истории фразеологии как отрасли языкознания.

Отмечающая основные вехи в истории развития фразеологической науки, данная книга адресована прежде всего студентам, обучающимся по направлению подготовки 45.03.02 – Лингвистика, специалистам по общей и сопоставительной фразеологии и переводу, а также может послужить пособием для других студентов филологических факультетов в качестве настольной книги молодого лингвиста.

*Н. В. Поцелуева,
Т. Н. Федуленкова*

Тема 1. СЛОВА-СОПРОВОДИТЕЛИ И КОНТЕКСТ (по А. В. Кунину)

Природа компонентов фразеологических единиц (ФЕ) представляет предмет острой дискуссии¹. Лингвисты придерживаются по этому вопросу диаметрально противоположных точек зрения. Одни не считают компоненты ФЕ словами, так как их лексические значения, по мнению этих ученых, растворяются в целостном значении фразеологизма. Такой точки зрения придерживаются О. С. Ахманова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, Т. З. Черданцева и др.

Многие лингвисты считают, что компоненты ФЕ сохраняют признаки словности (В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, Н. Н. Амосова, В. Л. Архангельский, И. И. Чернышева, Д. Н. Шмелев и др.).

Мы не собираемся разбирать взгляды этих ученых, так как это уже сделано в ряде работ². В трактовке компонентов ФЕ мы исходим из высказывания В. В. Виноградова: «Степень тесноты, замкнутости и слитности фраз, характер образности, а вследствие этого, и степень несамостоятельности словесных компонентов фраз могут быть очень разными»³. Действительно, различная степень словности – характерная черта компонентов ФЕ.

В. П. Жуков⁴ и А. И. Молотков⁵ считают, что фразеологизм выступает по отношению к другим словам внешнего контекста как семантически цельная, неделимая единица языка.

¹ Голикова Ж. А. Образование фразеологических единиц на основе переменных словосочетаний (На материале глагольных фразеологических единиц и переменных словосочетаний современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1974 ; Воронина А. З. Глагольные фраземы в аспекте номинации (На материале фразеологических единиц типа «глагол + существительное» в современном английском языке) : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1979 ; Митина Т. В. Семантическая значимость компонентов фразеологических единиц современного немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1980.

² См., например: Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. № 5.

³ Там же.

⁴ Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М. : Просвещение, 1978.

⁵ Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л. : Наука, 1977.

А как же быть с ФЕ, некоторые компоненты которых имеют буквальное значение и могут функционировать в качестве отдельного члена предложения? Мы имеем в виду ФЕ типа *бояться как черт лапана, спать без задних ног* и т. п. С одной стороны, эти обороты нельзя исключать из состава русской фразеологии, с другой же – наличие в них компонентов с буквальным значением не дает возможности рассматривать их как ФЕ. Вот тут и приходит на помощь теория «слов-сопроводителей», разработанная В. П. Жуковым. Под словами-сопроводителями понимают слова с буквальным значением, составляющие обязательное фразеологическое окружение. Слова-сопроводители выполняют «функцию семантических конкретизаторов, контекстных уточнителей»¹.

При слове-сопроводителе возможен пропуск фразеологизма. После слов-сопроводителей, когда они служат членами предложения, можно поставить грамматический вопрос. Кроме этого круг слов-сопроводителей постепенно расширяется, что расшатывает стабильность фразеологического контекста. На основании этих наблюдений В. П. Жуков делает вывод, что «слова-сопроводители, обладая лексико-семантической и грамматической самостоятельностью, несмотря на различную степень слитности с фразеологизмом, не являются структурным элементом фразеологизмов, не входят в их компонентный состав»².

А. И. Молотков придерживается таких же взглядов, но не пользуется термином «слова-сопроводители», а говорит, что эти слова «неотделимы от самого фразеологизма в любых случаях его употребления, хотя они и не входят в его компонентный состав. Они постоянно сопутствуют фразеологизму, без них невозможно включение фразеологизма в контекст. Эти слова правильно будет назвать обязательным словесным определением фразеологизма»³.

Таким образом, «слова-сопроводители», хотя и представляют собой элементы обязательного фразеологического окружения, рассматриваются как слова свободного употребления, не входящие в компонентный состав фразеологизма. Имеются в виду слова *гнуть, дрожать, жить, знать, слышать, спать, хватиться, ясно* в составе

¹ Жуков В. П. Указ. соч.

² Там же.

³ Молотков А. И. Указ. соч.

ФЕ *гнуть в три погибели, дрожать как овечий хвост, жить как кошка с собакой, знать как свои пять пальцев, слышать краем уха, спать без задних ног, спать мёртвым сном, ухватиться обеими руками, ясно как Божий день*. Все эти ФЕ за вычетом «глаголов-сопроводителей», т. е. *в три погибели, как овечий хвост, без задних ног* и других, В. П. Жуков относит к первой группе наречных фразеологизмов, а также обороты, сочетающиеся не с одним глаголом, а с ограниченным числом глаголов-сопроводителей, например: *беречь (хранить) как зеницу ока, держаться (висеть) на честном слове, обсуждать (разбирать, расхваливать) на все лады* и др.

В другую группу объединяют наречные фразеологизмы, обладающие семантической самостоятельностью и вследствие этого сочетающиеся с большим количеством разнородных по значению глаголов свободного употребления, например: *без дальних слов, в два счета, одним росчерком пера, с глазу на глаз* и др. Выделение второй группы вполне правомерно и не вызывает никаких возражений. Этого нельзя сказать о теории «слов-сопроводителей». Мы считаем, что «слов-сопроводителей» в понимании В. П. Жукова в языке не существует. Попытаемся доказать это положение.

1. Утверждение, что «слова-сопроводители» – это слова свободного употребления, является *contradictio in adjecto*.

Слова свободного употребления потому так и называются, что им свойственна относительно свободная сочетаемость. Их же корреляты, т. е. соотносимые с ними «слова-сопроводители», обладают только внутренней сочетаемостью, предельно узкой. Выход за рамки этой сочетаемости возможен только при окказиональном употреблении фразеологизма.

Возможны и другие ограничения. Ср.: *перебиться* – *перебиваться*, но ФЕ *перебиваться с хлеба на воду* употребляется только в несовершенном виде. Глагол свободного употребления, например, может относиться к существительным как в единственном, так и во множественном числе. Однако во фразеологизме этот глагол относится только к существительному во множественном числе (*ухватиться обеими руками*). Число подобных ограничений можно было бы продолжить. Н. Н. Амосова называет экзоэлементами то, что В. П. Жуков считает словами-сопроводителями.

Разбирая подобные компоненты в составе английских фразеологизмов, Н. Н. Амосова вполне справедливо замечает: «В силу этого такой элемент, по сути дела, неотделим от фразеологизма... Реально употребляются не сочетания *cats and dogs, through one's hat* и т. п., а сочетания *to rain cats and dogs, to talk through one's hat*. Этот необходимый элемент является строго фиксированным, хотя и относительно самостоятельным»¹. Далее Н. Н. Амосова подчеркивает, что экзоэлементы «образуют с этой единицей фразеологическое целое, постоянный контекст»², т. е. являются компонентом ФЕ. Без «слов-сопроводителей» невозможно использование подобных оборотов в контексте.

2. Так называемые слова-сопроводители во всех словарях русского языка, фиксирующих фразеологизмы, приводятся как их составная часть, т. е. их компоненты. Исключения из этого правила приводят к неправильной фиксации фразеологизма. Например, ФЕ *бояться как чёрт ладана* фиксируется в данной форме, т. е. как глагольный фразеологизм, в ряде словарей³. Однако в словаре А. И. Молоткова оборот фиксируется как наречный фразеологизм *как чёрт ладана* (очень сильно бояться кого-нибудь или чего-нибудь)⁴.

В русском языке не существует фразеологизмов *без задних ног* (в значении «крепко»), *как овечий хвост, как свои пять пальцев, как кошка с собакой, как чёрт ладана* и т. п. Это глагольные фразеологизмы.

3. Рассмотрение частей глагольных фразеологических оборотов как наречных фразеологизмов неправомерно и потому, что без «слов-сопроводителей» эти обороты часто предстают переменными сочетаниями слов, употребляющимися в своих буквальных значениях, например *как овечий хвост, обеими руками* и другие или бессмысленными сочетаниями слов, например: *во все глаза, без задних ног, как чёрт ладана* и др.

¹ Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Л. : ЛГУ, 1963.

² Там же.

³ Михельсон М. И. Опыт русской фразеологии : сб. образных слов и иносказаний. Петербург : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1903 – 1904 ; Словарь современного русского литературного языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1957 ; Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : ОГИЗ, 1934 ; Словарь русского языка. М. : Изд-во АН СССР, 1958.

⁴ Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова. М., 1978.

Аналогичные явления наблюдаются и в оборотах других структурных типов: так ФЕ *денег куры не клюют* без слова *денег* распадается и превращается в переменное предложение.

Не следует забывать, что существуют и двухкомпонентные ФЕ типа *бешеные деньги*, *золотая свадьба* и многие другие. В подобных оборотах ФЕ без компонента с буквальным значением распадается и превращается в слово.

Приведенная нами аргументация доказывает, что слова-сопроводители не являются словами свободного употребления, а входят в состав фразеологизмов, т. е. являются их компонентами. Во всех представленных выше примерах «слово-сопроводитель» – это единственный элемент обязательного фразеологического окружения. Каким образом рассматривать те случаи, когда в обороте имеются два или более «слов-сопроводителей»? Иногда они являются синонимами, например: *беречь (или хранить) как зеницу ока*, *глядеть (смотреть) во все глаза*, *как свинья в апельсине копать (разбираться)*, *погибнуть (пропасть) ни за понюшку табаку* и др.

Все эти фразеологизмы представляют собой фразеологические варианты, которые «характеризуются абсолютным тождеством сигнификативно-денотативного и коннотативного аспекта значения и взаимозаменяемостью в контексте»¹. ФЕ существует в единстве своих вариантов. Таким образом, в подобных случаях нет никаких оснований выделять «слова-сопроводители» и наречные фразеологизмы.

Вся теория «слов-сопроводителей» построена на отрицании словности компонентов ФЕ, на забвении очень глубоких мыслей, высказанных В. В. Виноградовым по этому поводу.

Позиция В. П. Жукова в данном вопросе является противоречивой. С одной стороны, словная природа компонентов ФЕ отрицается, а с другой – частично признается.

«Под фразеологизмом в дальнейшем изложении понимается устойчивая и воспроизводимая отдельно оформленная единица языка, состоящая из компонентов, наделенная целостным (или реже частично целостным) значением и сочетающаяся с другими словами»². Если фразеологизм состоит из компонентов, лишенных основных признаков слова, то и фразеологизм не может обладать частично целостным значением.

¹ Стебелькова Н. А. Варьирование и структурно-семантические аспекты тождества фразеологической единицы : дис. ... канд. филолог. наук. М., 1979.

² См.: Виноградов В. В. Указ. соч.

С одной стороны, фразеологизмы имеют целостное значение, так что составляющие компоненты как бы растворяются в общем смысле фразеологизма. С другой стороны, компоненты многих фразеологизмов часто не полностью утрачивают связь с одинаково звучащим словом свободного употребления.

В одной из статей В. П. Жукова высказывается совершенно правильная мысль о том, что «у разных типов фразеологизмов наблюдается разная степень сближения (или удаления) компонентов со словом»¹.

По поводу этого высказывания А. З. Воронина вполне справедливо замечает: «В данном высказывании В. П. Жукова содержится глубокая и плодотворная мысль о необходимости дифференцированного подхода к компонентам фразеологизма, об учете разной степени словности компонентов, что приближает его к сторонникам словного подхода к компонентам и, в первую очередь, заставляет усомниться в несоизмеримости компонентов фразеологизма со словом. Позиции сторонников несловной трактовки компонентов во многом определяются как ее противоречивостью, так и отсутствием достаточно убедительной аргументации в пользу выдвигаемых положений»².

К сожалению, в трактовке «слов-сопроводителей» В. П. Жуков отошел от своей позиции, изложенной в указанной выше статье. Однако признание В. П. Жуковым, что фразеологизмы могут обладать частично-целостным значением, дает основание для сближения наших позиций, так как, начиная с 1964 г., мы определяли фразеологическую единицу как раздельнооформленную единицу языка с полностью или частично переосмысленным значением. В наших работах иногда менялась формулировка, но суть определения фразеологизма оставалась неизменной. ФЕ с частично-целостным (или, по нашей терминологии, с разделительно целостным) значением – не такое уж редкое явление в языке. К этому типу относятся, например, целые разряды фразеологизмов – адъективные и глагольные компаративные обороты.

Наше рассмотрение проблемы «слов-сопроводителей» показало, что «слов-сопроводителей» в понимании В. П. Жукова во фразеологии не существует. То, что называется «словами-сопроводителями», – это обладающие буквальным значением компоненты фразеологизмов с частично (или разделительно) целостным значением. Термин «слова-

¹ Жуков В. П. Указ. соч.

² Воронина А. З. Указ. соч.

сопроводители» целесообразно оставить за словами, с которыми преимущественно сочетаются данные фразеологизмы. Подобные слова еще не имеют специального названия.

Преимущественная сочетаемость – это сочетаемость ФЕ с каким-либо словом или с узким кругом слов, с которыми благодаря частому употреблению она образует новую ФЕ, не теряя при этом своей самостоятельности. Примером может служить интенсификатор *as the day is long* – «чрезвычайно, исключительно». Эта ФЕ может употребляться с самыми различными прилагательными (*cheerful* – «веселый», *harmless* – «безвредный», *honest* – «честный» и др.). Ни с одним из прилагательных, с которыми сочетается этот интенсификатор, он не образует устойчивого компаративного оборота. Единственным устойчивым сочетанием является сравнение (*as*) *happy as the day is long* – «бесконечно счастлив, рад-радешенек», что подтверждается как фиксированием его в словарях и справочниках, так и приводимыми ниже примерами:

Mrs. Ilane must have been as happy as the day is long especially as her own boy was growing up strong and well. (Bennet A., *The City of Pleasure*, part III, ch. XXIX). – Вероятно, миссис Айлан была бесконечно счастлива, так как её сын рос хорошим и здоровым мальчиком.

Аналогичным образом наречная ФЕ *like a house on fire* – «быстро, легко, отлично, душа в душу», употребляющаяся с рядом глаголов, преимущественно сочетается с глаголом *to get on*. Обе ФЕ фиксируются в словарях.

Фразеологическим единицам часто свойственна преимущественная сочетаемость не с одним словом, а с рядом слов. Например, *bad* или *ill* преимущественно сочетаются с глаголами *breed* или *stir up*. Словари фиксируют как ФЕ *bad blood* – «вражда, враждебные отношения», так и ФЕ *breed (make или stir up) bad blood* – «вызывать вражду, создавать враждебные отношения».

Мы рассмотрели теорию слов-сопроводителей. Произведенный анализ показывает, что она нуждается в коренном пересмотре.

Кунин А. В. Слова-сопроводители и контекст // Фразеология и контекст. Куйбышев : Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1982. С. 3 – 9.

Тема 2. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ В ИДИОМАТИКЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

(по Г. И. Краморенко)

Проблема фразеологических вариантов – одна из новых и актуальных в современной лингвистике. Интерес к ней со стороны исследователей ряда языков не случаен. Подготовленный всем ходом предыдущих исследований о структуре и семантике фразеологических единиц, образных и необразных, он возник в связи с проблемой синонимии во фразеологии, в связи с изучением особенностей функционирования фразеологических единиц в языке и впервые был поставлен и разработан на материале английского языка¹.

В результате ряда проведенных исследований были установлены основные отличия фразеологических синонимов от фразеологических вариантов в языке.

Фразеологические синонимы – это совпадающие по значению самостоятельные фразеологические единицы, различающиеся по своей структуре, лексическому составу и образу (*дать стрекача, пуститься наутёк, смазать пятки* – «удрать»; *jm unter die Arme greifen, jm auf die Beine helfen* – «помочь кому-либо»; *auf der Bärenhaut liegen, die Hände in den Schoß legen* – «бездельничать» и пр.).

Фразеологические варианты не только совпадают по значению, но и имеют общность в структуре, образе, лексическом составе, раз-

¹ Впервые вопрос о структурных вариантах одной и той же фразеологической единицы был поставлен в статье А. В. Кунина «Некоторые вопросы английской фразеологии» (Англо-русский фразеологический словарь. М. : ГИИНС, 1955), позднее появилась диссертация Э. С. Паулаускене «Варианты фразеологических единиц в современном английском языке».

В немецком языке фразеологической вариации посвящены статьи: Чернышева И. И. «Идиоматика современного немецкого языка и ее обогащение» // Проблемы изучения языка. М. : Изд-во ВПШ и АОН, 1957 ; *Ее же*. Некоторые особенности фразеологии современного немецкого языка // Принципы научного анализа языка. М. : Изд-во ВПШ и АОН, 1959 ; *Ее же*. Явления синонимии и полисемии во фразеологии немецкого языка // Иностранные языки в школе. 1960. № 6 ; диссертация А. П. Хазанович «Синонимия во фразеологии современного немецкого языка» (III глава) и др.

личаясь, в основном, лексическим оформлением одного-двух компонентов, например:

den Mund / das Maul / die Klappe / die Fresse / den Rand (и т. д.) *halten* – «(за)молчать»;

in der Klemme sein / sitzen / stecken – «быть в затруднительном положении»;

frei / frisch von der Leber weg reden – «откровенно высказаться» и др.

Создаются такие фразеологические варианты вариацией (взаимозаменой) компонентов – существительных, глаголов и других частей речи в составе фразеологизмов¹.

Изучение фразеологических вариантов связано с постановкой важнейших вопросов фразеологии. Это вопросы о путях обогащения, совершенствования и развития фразеологического состава языка, о системной связи фразеологических единиц в языке, о соотношении устойчивости и изменчивости во фразеологии.

В связи с недостаточной изученностью этого вопроса в немецком языке исследование проблемы фразеологической вариации связано прежде всего с задачей тщательного изучения и систематизации огромного фразеологического богатства, накопленного словарями и широко представленного в художественной литературе и публицистике.

Материалом исследования послужили, в первую очередь, произведения современных немецких писателей², в которых широко представлена разговорно-обиходная речь (*Umgangssprache*) и материалы прессы.

Для анализа отбирались прежде всего экспрессивные фразеологические единицы с более или менее яркой стилистической характеристикой³, преимущественно образные (с прозрачным или затемнен-

¹ В специальной литературе существует несколько терминов для обозначения фразеологических вариантов, например: «структурные синонимы» (А. В. Кунин, И. И. Чернышева), «одноструктурные синонимические варианты» (А. В. Кунин), «варианты фразеологических единиц» (Э. С. Паулаускене), «фразеологические синонимы» и «синонимические варианты» (А. П. Хазанович). Различия в терминологии объясняются постоянно происходящим уточнением объекта исследования, более углубленным подходом к изучению данного явления в отдельных языках.

² Г. Фаллада, Л. Фейхтвангер, Г. Манн, Б. Келлерман, А. Зегерс, В. Бредель, Э. М. Ремарк, Э. Штриттматтер, Б. Апиц, В. Нойхаус, Э. Кестнер и др.

³ В словарях многие из таких оборотов сопровождаются пометами «U», «ugs» (= *umgangssprachlich*), «vulg(är)», «grob», «derb»; «разг.», «груб.», «прост(оречн.)» и пр.

ным образом), относящиеся к группе идиоматичных фразеологических единиц¹.

В качестве справочной литературы были использованы такие словари середины XX века, как «Stilduden», «Der Sprachbrockhaus», «Немецко-русский фразеологический словарь» Л. Э. Биновича, «Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund» под редакцией А. Шермера, словари Л. Макензена и так далее и для сравнения несколько словарей XIX – начала XX века².

В данной работе мы попытались решить следующие задачи: а) показать богатство и разнообразие проявления фразеологической вариации существительных и глаголов в идиоматике немецкого языка; б) выяснить, в каком взаимоотношении находятся варьируемые компоненты и какие изменения вносятся этой вариацией во фразеологическую единицу в целом; в) определить, что содействует наличию и широкому распространению фразеологических вариантов в языке; г) уточнить, в каких условиях возможен тот или иной вид вариации; д) определить, какова связь между традиционной устойчивостью и традиционной же изменчивостью состава фразеологизмов; е) выяснить, имеет ли фразеологическая вариация системный характер и в каком отношении она находится к проблеме расширения и совершенствования фразеологического состава языка. < ... >

I. Вариация компонентов-существительных в составе фразеологических единиц.

I.1. Синонимические отношения варьируемых компонентов.

В создании фразеологических вариантов к обороту *den Mund halten* – «(за)молчать, не проболтаться» участвует до полутора десятка существительных-синонимов к компоненту *Mund* с одним предметно-логическим содержанием и разной или сходной стилистической характеристикой: *das Maul, die Fresse, die Klappe, der Schnabel, die Schnauze, der Rand, die Flappe, der Sabbel, die Gusche, das Maulwerk* и пр.

Многие из них – слова *диалектальные* по происхождению, часть из которых уже утратила свой диалектальный характер (например,

¹ См., например, определение термина «идиоматика». И. И. Чернышева Указ. соч. С. 70 и автореферат диссертации А. П. Хазанович «Синонимия во фразеологии современного немецкого языка», с. 5.

² Tetzner Fr. Deutsches Sprichwörterbuch. Leipzig, 1895 ; Genthe A. Deutsches Slang. Straßburg : Trübner, 1892 ; Hekel S. Wie der Deutsche spricht. Leipzig, 1896 и др.

Maul), однако некоторые слова до сих пор сохраняют свой локальный, местный колорит, употребляясь по преимуществу в диалектально-окрашенной разговорно-обиходной речи (*Flappe, Sabbel, Gusche* и др.).

Яркая стилистическая окраска этих варьируемых существительных-синонимов (пометы в словарях: *ugs, grob, derb* и пр.) передается всему обороту в целом, раздвигая шкалу стилистических оттенков оборота от литературно-разговорного (*Mund*) до грубого, вульгарного (*Fresse, Sabbel* и др.). Всё это оказывает влияние на сферу, частоту и характер употребления фразеологических вариантов с этими словами в разговорно-обиходной речи.

Именно влиянием диалектов можно объяснить наличие большого числа фразеологических вариантов в немецкой разговорно-обиходной речи.

Нижненемецкими по происхождению являются существительные *die Pelle; der Flunsch, die Schippe, die Schnute; Krakeel, Stunk, Radau* и другие – члены синонимических пар и рядов с доминантами *Haut, Grimasse (Gesicht), Krach* в оборотах:

aus seiner Haut / Pelle nicht (heraus) können – «быть не в состоянии поступить иначе»;

ein Gesicht (eine Grimasse) / einen Flunsch / eine Schnute / Schippe machen / ziehen – «скорчить недовольное (презрительное и т. д.) лицо»;

(jm) Krach / Krakeel / Stunk / Radau machen – «устраивать скандал» и пр.

Взаимозамена стилистических синонимов подобного рода допустима во фразеологизмах, где потенциально возможны колебания в пределах определенной шкалы стилистических оттенков, и используется она в основном для передачи субъективного отношения говорящего к называемому действию.

Кроме диалектов, важную роль в создании фразеологических вариантов в разговорно-обиходной речи играют и существительные из жаргонной и профессиональной лексики, специфическим свойством которых является участие в создании параллельных ярко экспрессивных фразеологических вариантов – «двойников» к стилистически нейтральным и необразным оборотам типа:

Hunger haben – Kohldampf haben;

Wut haben – Rochus haben;

Unsinn reden – Blech / Kohl / Stuß reden;

Glück haben – Schwein haben;

Unglück haben – Pech haben и пр.¹

Некоторые из фразеологических вариантных оборотов с такими словами приходили в обиход не сразу: в роли посредников выступали различные жаргоны и диалекты².

Сфера происхождения оборотов с такими словами чаще всего ограничивает их употребление рамками преимущественно фамильярной и грубой разговорно-обиходной речи; часть из них ограничена в употреблении также социально или территориально.

I.2. Метонимические отношения разного рода у варьируемых компонентов – существительных. В метонимическом отношении *целое – его часть* находятся существительные типа *Hand – Finger; Finger – Nagel; Bein – Sohle; Leib – Pelle; Kopf – Hirn – Schädel* и другие в оборотах:

jm in die Hände / Finger geraten – «попасться в лапы кому-нибудь»;

es brennt jm auf den Fingern / Nägeln – «кому-либо не терпится»;

sich auf die Beine / Sohlen machen – «отправиться в путь»;

jm auf den Leib / die Pelle rücken – «насесть на кого-либо»;

sich den Kopf / das Hirn zergrübeln / zermartern – «ломать себе голову» и пр. Например: *Schon in Westberlin geriet er in die Hände westlicher Geheimdienste* («Junge Welt», 22.1.58).

Возможность взаимозамены существительных типа *Hand – Finger* объясняется тем, что слова могут вызывать более широкие представления, чем позволяет заложенное в них (узкое) содержание: *Finger* – важнейшая часть целого (*Hand*), участвующая в действии. Происходящая при такой замене конкретизация, детализация образа обычно влечет за собой некоторое усиление экспрессивности всего фразеологизма.

¹ Пополнение этой группы фразеологизмов идет также за счет отдельных существительных из диалектов и разговорно-обиходной речи (*Dusel / Glück haben; es ist jm Wurst / Piepe / Schnuppe; Dampf / Angst haben; Oper / Unsinn reden* и др.).

² Так, например, оборот *Kohldampf haben* в XIX веке употреблялся не только в воровском жаргоне, но и в лексике солдат и ремесленников, а затем получил распространение в разговорно-обиходной речи.

Главную роль в сохранении общего значения играет глагольная конструкция словосочетания: значение остается неизменным, так как *неизменным* остается представление, связанное с глаголом.

В метонимическом отношении находятся также *конкретные – абстрактные* существительные типа *Auge – Blick; Kopf – Willen; Kopf – Sinn; Herz – Seele; Brust – Seele* и другие в оборотах:

sein(e) Auge(n) / seinen Blick richten / heften auf etw, jn – «взглянуть на что-либо, кого-либо»;

jm in den Kopf / Sinn kommen – «приходить кому-либо в голову, на ум»;

seinen Kopf / Willen durchsetzen – «настоять на своем»;

wie ein Stein liegt jm etw auf dem Herzen / auf der Seele (Brust) – «что-то угнетает кого-то».

Связь по смежности наблюдается у компонентов-существительных типа *Kopf – Hals – Kragen – Krawatte; Wickel – Schlips – Kragen* и прочих в оборотах:

es geht um js Kopf, Hals und Kragen / um die Krawatte; jn beim Wickel / Kragen / Schlips (и т. д.) *haben* и др.

Вариация метонимически связанных слов наблюдается прежде всего там, где у существительных нет (или недостаточно) общеизвестных синонимов (*Auge, Blick, Finger, Bein, Sohle, Herz, Leib, Willen* и пр.) и где сам оборот достаточно экспрессивен и подвижен в лексическом и стилистическом отношении, чтобы иметь возможность несколько видоизменять свою семантико-стилистическую характеристику путем дальнейшей детализации образа (типа *Hand – Finger*) либо, наоборот, путем более или менее полного устранения первоначально яркого образа (типа *Kopf – Sinn*). Именно в этой связи невозможна вариация синонимичных и метонимичных слов *Hand – Finger – Pfote; Gesicht – Fratze – Miene* в оборотах *in Gottes Hand stehen, den Tatsachen ins Gesicht schlagen* и некоторых других.

1.3. Тематическое родство варьируемых компонентов-существительных.

При отношении тематического родства в вариации существительных участвуют слова, принадлежащие к одной лексической группе. Сюда относятся видовые и родовидовые названия из различных сфер жизни:

– названия из области гастрономии: *aus jm Gulasch / Hackfleisch / Frikassee machen; jn zu Mus / Brei hauen;*

– названия одежды: *jm den Rock / Frack / Kittel / die Jacke ausklopfen;*

– названия живых существ (птиц, насекомых и т. д.): *Mücken / Motten / Grillen im Kopf haben; Spatzen / Tauben / Vögel unterm Hut haben;*

– названия из области растительного мира: *in die Wicken / Binsen; Linsen / Erbsen / Nüsse / Pilze / Fichten gehen;*

– названия предметов обихода, музыкальных инструментов: *ins Glas / in die Kanne geguckt haben; nach js Geige / Pfeife tanzen* и т. д.

Благодаря яркой экспрессивности большинство из этих фразеологических вариантов сохраняется в языке, благополучно уживаясь рядом друг с другом, и используется говорящими, чтобы разнообразить форму выражения своих мыслей и более точно передавать субъективное отношение к происходящему.

Однако не все варианты остаются в языке, часть из них может оттесняться на задний план или постепенно исчезать из употребления¹.

Продуктивность отдельных структур, привычность их значений в языке, с одной стороны, и наличие какого-то количества родственных слов – с другой, содействуют пополнению фразеологического состава за счет новых фразеологических оборотов, образуемых по аналогии².

Фразеологические варианты при всем их сходстве нельзя механически приравнивать друг к другу: у них есть свои особенности в функционировании в языке в связи с другими фразеологическими единицами. Тот или иной вид и характер вариации определяется языковыми потребностями и необходимостью координации отдельных оборотов в языке. Например, глаголы *fallen, laufen (jm in die Hände fallen / laufen / geraten / kommen)* не употребительны с вариантом *jm in (zwischen) die Finger geraten / kommen*; глагол *fallen* не употребляется

¹ Последнее можно иногда установить при сравнении данных старых и новых словарей. Например, *sich zwischen zwei Stühle / Bänke / Sessel setzen* (Tetzner Fr. Op. cit. S. 44, 427).

² Ср. модели типа: *in der (Brühe) sitzen* – «быть в неприятном положении»; *(Grillen) im Kopf haben* – «быть странным»; *in die (Wicken) gehen* – «погибать»; *jm den (Rock) ausklopfen* – «избивать кого-нибудь» и пр.

в обороте того же значения *jm in die Arme laufen / geraten*, так как существительное *Arm* в Sg. есть оборот с другим значением: *jm in den Arm fallen* – «броситься на кого-либо; помешать кому-либо». В обороте со значением «взглянуть на кого-либо, что-либо» – *sein(e) Auge(n) auf jn etw richten / heften* не употребителен глагол *werfen* (как в обороте *einen Blick auf etw werfen / richten / heften / schnellen* и пр.), так как в языке существует оборот с устойчивой формой *ein Auge auf jn geworfen haben* – «влюбиться в кого-нибудь» и др.

Постепенно происходящее разграничение, уточнение отдельных семантико-стилистических функций, сферы и частоты употребления фразеологических вариантов приводит к тому, что устраняется возможность простого дублирования ФЕ в языке. Взаимно уточняя и дополняя друг друга, ФЕ-варианты, создаваемые вариацией существительных, содействуют обогащению и совершенствованию фразеологического состава языка в целом.

II. Два типа глагольной вариации – одноплановая и разноплановая.

II.1. Одноплановая глагольная вариация.

При глагольной вариации, называемой в данной работе *одноплановой*, остаются неизменными структура фразеологизма, его семантика, образ и лексико-грамматическая характеристика варьируемых глаголов в отношении их переходности – непереходности, предельности – неопредельности¹.

В этой связи рассматривалась отдельно глагольная вариация интранзитивных глаголов (движения и состояния) и транзитивных глаголов разного рода, в том числе в конструкциях каузативного характера (типа *jn in die Klemme bringen / treiben*).

Семантические отношения варьируемых компонентов-глаголов менялись в зависимости от лексико-грамматических свойств самих глаголов.

В группе интранзитивных глаголов варьируемые глагольные компоненты в основном не являются синонимами вне контекста, в

¹ Предел – это семантическая, лексическая категория, свойство глагола включать в свою семантику отношение к заключенному в нем пределу, границе действия; в связи с этим различаются глаголы предельные (типа *kommen, bringen, legen*) и неопредельные (типа *haben, sein, sitzen*), включающие или не включающие в себя понятие предела, момента пресечения действия. См.: Натанзон М. Д. Относительное употребление времен в современном немецком языке. М., 1948 и Ромм З. М. Категория вида и семантика глагольных приставок в современном немецком языке. М., 1951 и др.

своем свободном значении, но они имеют определенную общность в семантике в связи с их принадлежностью к группам глаголов движения: *gehen, fahren, fliegen, springen, laufen, kriechen, kommen, geraten*, например, в оборотах типа *ein Gedanke geht / fährt / schießt / jagt / fliegt / flitzt / fegt jm durch den Kopf; jm in die Hände geraten / fallen / laufen / kommen* и так далее и состояния: *sein, stehen, sitzen, liegen, stecken, bleiben, hängen, sich befinden* в оборотах типа *in der Klemme sein / sitzen / stecken / sich befinden; am Ruder sein / stehen / bleiben* и пр.

В группе транзитивных глаголов варьируемые глагольные компоненты чаще, чем в других случаях, могут быть по отношению друг к другу синонимами с одним или близким предметно-логическим содержанием и одинаковой или различной стилистической характеристикой (*die Suppe ausessen / ausfressen / auslöffeln müssen; Blech / Kohl reden / quatschen; Wind von etw bekommen / kriegen; jn, etw im Auge behalten / haben* и т. д.), но во многих случаях они тоже не являются синонимами в своем свободном значении: *keinen Finger rühren / krümmen; etw an den Tag bringen / legen / ziehen; jn auf die Straße setzen / werfen / jagen; ein Gesicht ziehen / machen / schneiden* и т. д.

В таком случае речь идет о традиционной, фразеологически обусловленной связи варьируемых глагольных компонентов в тех или иных оборотах немецкого языка.

При употреблении интранзитивных глаголов, называющих отдельные виды движения и состояния в образных, экспрессивных фразеологических единицах, действие дополнительно характеризуется с точки зрения особенностей его протекания; указывается, как, каким образом, при каких обстоятельствах происходит действие. При этом одновременно обычно усиливается общая экспрессивность оборотов в целом. Сравните, например:

1. *Schulmeister, Kindermädchen! ging es ihm durch den Kopf...* 72 F. 2 WW.

2. *Mein Gott, mein Gott... schoss es Radioff durch den Kopf.* 47 NG.

Сходную функцию имеют и транзитивные глаголы. Среди них встречаются и синонимы. Так, в оборотах каузативного характера (типа *jn in die Klemme bringen*) глаголы *ziehen, zerren (etw ans Licht stellen / ziehen / heraufzerren), reißen, schleudern, werfen (jn aus seiner (der) Bahn bringen / reißen / schleudern / werfen)* указывают на энергичность, быстроту, интенсивность действия со стороны лица-деятеля.

Еще отчетливее звучит побуждение, принуждение к действию в варианте с глаголом **zwingen** (*jn in seinen Bann ziehen / zwingen*); активное воздействие субъекта на объект в вариантах с глаголом **treiben** (*jn in die Klemme bringen / treiben*); специфическое значение сохраняет глагол **locken** – «обманным путем заставить кого-либо совершить действие» (*jn ins Netz führen / locken*) и т. д.

Вариация некоторых интранзитивных и транзитивных глаголов представлена в целом ряде оборотов сходной структуры, а вид изменений, связанный с их употреблением в языке, имеет устойчивый характер. Так, **geraten** по сравнению с более универсальным по семантике и употреблению глаголом **kommen** специализировал свое значение для выражения произвольности, стихийности действия со стороны лица – субъекта действия. Глагол **halten** по сравнению с **haben** тоже сохраняет свою специфику, указывая на активность лица – субъекта действия, на бóльшую интенсивность, энергичность действия; **bleiben** по сравнению с **sein** употребляется для передачи бóльшей длительности действия во времени, настойчивости, упорства лица-деятеля (*jm auf den Fersen sein / bleiben*); с употреблением глагола **stecken** связано обычно усиление общей экспрессивности оборотов (конструкции типа «in + Dat. + sein»). Всему обороту передаются обычно стилистические различия глаголов-синонимов (*quatschen – reden; fressen – essen*).

Однако употребление тех или иных глаголов в каждом отдельно взятом случае зависит от целого ряда причин: конструкции, семантики оборота, образа, определенной подвижности лексического состава и грамматической формы компонентов оборота, семантики его отдельных компонентов. Так, глагол **schneiden** не употребителен с существительными *der Flunsch, die Schippe, die Schnute*; **schlagen** – с существительными *der Krakeel, der Stunk, der Radau* и прочими; употребление зависит от грамматических свойств варьируемых глаголов (например, от способности глагола **halten** в отличие от **haben** образовывать форму *Passiv* для указания на подчеркнутую зависимость в действии одного лица от другого) и пр.

Определенное влияние на бóльшую употребительность одного из варьируемых глаголов оказывает связь оборота, включающего такой глагол, с другими структурно-родственными фразеологическими

единицами (*auf der Lauer liegen / sitzen / sein – sich auf die Lauer legen; auf der Straße sitzen / liegen – jn auf die Straße setzen / werfen* и пр.)¹.

Следовательно, одноплановая глагольная вариация является:

1) традиционно существующим в языке средством уточнения объективных особенностей протекания действия в отношении степени интенсивности, быстроты действия, его целенаправленности или непреднамеренности, случайности, активности или пассивности лица в действии и пр.;

2) средством выражения субъективного отношения говорящего к называемому конкретному действию, его субъективной оценки и эмоций.

II.2. Разноплановая глагольная фразеологическая вариация.

Разноплановая глагольная вариация – особое явление в языке, позволяющее объединять и связывать вместе обороты с общностью в лексическом составе, значении, образе и структуре (в большей или меньшей степени).

Варьируемые глагольные компоненты различаются по глагольным категориям переходности – непереходности, предельности – не-предельности, обозначению ими действия или состояния.

Следует рассматривать отдельно разноплановую вариацию:

А) внутри групп *транзитивных* глаголов и внутри групп *интранзитивных* глаголов

Б) и между группами транзитивных и интранзитивных глаголов.

А. Транзитивные глаголы, участвующие в разноплановой вариации, различаются по обозначению ими действия – состояния, предельности – не-предельности:

а) *Wind von etw bekommen – Wind von etw haben* :: «узнать что-либо – знать что-либо»;

die Augen aufmachen / auf tun / auf sperren – die Augen auf haben, auf halten, offen halten :: «насторожиться – быть настороже»;

lange Finger machen – lange Finger haben :: «воровать – быть вором»;

б) *jn in die Mache nehmen – jn in der Mache haben* :: «взять в оборот – бить / ругать кого-либо»;

jn in die Tasche stecken – jn in der Tasche haben :: «подчинить кого-либо – держать кого-либо в своем подчинении»;

¹ Поэтому глаголы *liegen, sitzen* не употребляются, например, в оборотах *auf dem Kopf stehen, auf freiem Fuß sein, wieder auf den Beinen sein* и пр.

jn, etw ins Auge fassen – *jn, etw im Auge behalten/ haben* :: «внимательно взглянуть на кого-либо, что-либо – смотреть на кого-либо, что-либо»;

в) *jm Krach machen / schlagen* – *Krach haben mit jm* :: «учинить ссору, скандал – быть в ссоре с кем-либо»;

jm freie Hand lassen / geben – *freie Hand haben* :: «дать кому-либо свободу действия – иметь свободу действия»;

jm etw (jn) in die Hände geben / legen / spielen – *etw (jn) in den Händen / in der Hand haben* и т. д.

Например: *Der Redner trat bis an den Rand der Tribüne vor. ...Lissy fasste ihn schärfer ins Auge.* 193 Lissy.

Degreif ging schräg, um seinen Schüler im Auge zu behalten. 233 Tot.

Обороты с глаголами *bekommen, aufmachen, nehmen, fassen, stecken* и с каузативными глаголами *legen, setzen, stellen* и прочими используются (в совокупности с различными контекстуальными средствами) для выражения (какого-либо) действия в отношении к его пределу, для передачи каких-то отдельных моментов в его протекании (начала – конца, завершенности – незавершенности, однократности – многократности действия); соотносительные с ними обороты с глаголом *haben* служат для передачи длительного, неопредельного действия или состояния, являющегося обычно следствием, результатом достижения действием своего предела; это также указание на постоянство какого-либо признака, свойства.

Б. Связь транзитивных – интранзитивных глаголов, различающихся по предельности – неопредельности, в конструкциях с предложно-обстоятельственной группой в качестве их общего семантического стержня, можно представить в обобщенном виде схемой разноплановой вариации глаголов типа *bringen – kommen – sein – haben*:

	Непереходность	Переходность
Предельность	<p>kommen</p> <p>1. ans Ruder kommen</p> <p>2. in js Bann geraten</p>	<p>bringen</p> <p>1. jn ans Ruder bringen</p> <p>2. jn in seinen Bann ziehen</p>
Неопредельность	<p>sein</p> <p>1. am Ruder sein</p> <p>2. in js (seinem) Banne sein</p>	<p>haben</p> <p>1. -----</p> <p>2. jn in seinem Banne halten / haben</p>

Заполнение всей схемы целиком или только ее части зависит от ряда структурно-семантических причин, от конструкции, образа, семантики оборота и склонности его к подобной вариации, от числа лиц, участвующих в действии, их роли (активной или пассивной) в действии.

Все четыре глагола принимают участие в вариации обычно там, где в действии (с *kommen*), кроме субъекта, участвует еще одно лицо, выражаемое объектом в *Dat.* (*jm in die Hände geraten / laufen / fallen*), или определением в родительном падеже (*in die Hände der Gendarmerie*), притяжательным местоименном (*in js Hände / jm in die Hände geraten / kommen / fallen / laufen – in js Händen sein; jm etw, jn in die Hände geben / legen / spielen – jn (etw), in seinen Händen haben / halten / behalten*). Следует добавить, что в отдельных случаях в разноплановую вариацию этих глаголов подключаются транзитивные глаголы, находящиеся, например, с компонентом схемы – глаголом *haben* – в отношениях типа: *bekommen – haben, nehmen – haben (etw, jn in die Hand (Hände) nehmen / bekommen – etw, jn in den Händen haben)*. Это свидетельствует о разветвленности и взаимосвязи разноплановой глагольной вариации разных видов и типов.

Во многих случаях во фразеологической вариации принимают участие по 2 – 3 глагола из этой схемы: *kommen – bringen, bringen – sein* (подвид: *setzen – sitzen, legen – liegen*), *bringen – kommen – sein*. Например:

jn aus dem Konzept bringen – aus dem Konzept kommen :: «привести кого-либо в замешательство – прийти в замешательство»¹;

bei jm in die Kreide kommen / geraten – bei jm in der Kreide sein / stehen / stecken :: «попасть кому-либо в должники – быть чьим-либо должником»;

etw ins Lot bringen – im Lote sein :: «привести в порядок – быть в порядке»;

etw aufs Spiel setzen – auf dem Spiel stehen :: «поставить что-либо – быть поставленным на карту»;

¹ Немецкие словари отмечают близость предельных глаголов *kommen – bringen*, которые отличаются друг от друга только по своей транзитивности – интранзитивности; так, в словаре Г. Пауля прямо говорится, что *bringen* функционирует как каузатив к глаголу *kommen* (Paul H. Deutsches Wörterbuch. Halle (Saale). 1956. S. 108).

jn wieder auf die Beine bringen – *wieder auf die Beine kommen* – *wieder auf den Beinen sein* :: «вылечить кого-либо – вылечиться, выздороветь»;

jn aus dem Häuschen bringen – *aus dem Häuschen geraten* / *kommen* – *aus dem Häuschen sein* :: «вывести кого-либо из себя – выйти из себя / быть вне себя»;

jn auf freien Fuß setzen / *auf freien Fuß kommen* – *auf freiem Fuß sein* :: «выпустить кого-либо на свободу – выйти на свободу / быть на свободе».

Например:

• ...«*Ich habe den Mann wieder auf freien Fuß gesetzt, Herr Obergruppenführer!*» 202 F. Jsa.

• *So kamen Quangels wieder auf freien Fuß, sehr zu ihrer eigenen Überraschung...* 323 F. Jsa.

• (Речь идет об одном фашистском палаче). *Lebt er noch und wo? Ist er womöglich auf freiem Fuß?* («Neues Deutschland», 10.06.58).

При этом фразеологические обороты с глаголом *bringen* можно рассматривать как варианты каузативного характера к оборотам с глаголом *kommen*, тем более что в научной литературе принято считать предельный глагол *bringen* каузативом к предельному глаголу *kommen*¹:

jn in die Patsche bringen – *veranlassen, erwirken, machen, dass er ja in die Patsche kommt*;

etw ans Licht bringen – *etw ans Licht kommen lassen* и т. д.

Реальное существование в языке такой схемы глагольной вариации не подлежит сомнению. Это подтверждается многочисленными примерами, зарегистрированными словарями, и постоянным возникновением по аналогии подобных форм от других оборотов, еще не нашедших отражения в словарях.

Очевидно, что разноплановая вариация – это способ, средство немецкого языка для выражения глагольных категорий аспекта (пре-

¹ В эту схему (вернее, ее часть) укладываются не только образные и экспрессивные обороты немецкого языка, но и необразные, неэмоциональные обороты типа *etw. zum Ausdruck bringen* – *zum Ausdruck kommen* – «лексические единства», по терминологии Б. В. Замарина, см. его диссертацию «Роль глаголов типа *kommen* и *bringen* в образовании фразеологических единиц в немецком языке». М., 1956.

дельности – неопределенности и непереходности – переходности, каузативности, побудительности), к тому же с определенной тенденцией к типологизации схем, моделей разноплановой глагольной вариации.

В совокупности фразеологические варианты составляют серии взаимосвязанных фразеологических единиц, способных отразить во всей полноте процесс протекания действия со всеми этапами и моментами его протекания, рассмотреть действие с точки зрения того или иного лица, принимающего участие в действии, выяснить активную или пассивную роль субъекта – объекта действия и пр.

Одноплановая глагольная вариация обычно сопровождает разноплановую вариацию, придавая ей особый колорит.

Одноплановая, или лексико-фразеологическая, семантико-стилистическая и разноплановая, или лексико-грамматическая, глагольные вариации – это два основных типа глагольной вариации в языке, взаимно связанные и взаимно дополняющие друг друга. Они характерны для многих образных и экспрессивных фразеологических единиц немецкого языка.

III. Семантико-дифференцирующая роль фразеологической вариации в многозначных и разнозначных фразеологических единицах.

Сложным и мало разработанным вопросом фразеологии немецкого языка является вопрос об изменчивости семантики фразеологических единиц в процессе их употребления в речи, вопрос о многозначности фразеологизмов¹. Тем большее значение приобретает изучение условий, в которых наблюдается изменение семантики фразеологизмов.

Изменения в семантике фразеологических единиц часто протекают без какого-либо изменения в их лексическом составе. Роль разграничителя, уточнителя значения играет контекст, ситуация, заранее известная говорящему.

Образные фразеологические единицы в зависимости от ситуации могут менять свою отнесенность к различным сторонам и сферам

¹ В отношении немецкого языка этот вопрос был впервые поставлен в статье Л. Э. Биновича «О многозначности идиом». См.: Бинович Л. Э. О многозначности идиом // Иностранные языки в школе. 1952. № 5.

человеческой жизни и деятельности (физическое действие или состояние субъекта, его душевное, моральное состояние, его материальное, хозяйственное, общественное положение и т. д.), например:

der Boden schwebt unter js Füßen – «у него закружилась голова; его положение пошатнулось» (физическое состояние – материальное или общественное положение лица);

In der Klemme sein, sitzen – «быть в затруднительном положении» (материальные затруднения – сложная жизненная ситуация) и др.

В связи с дополнительной конкретизацией и детализацией условий и характера протекания действия по-разному осмысливается образ, например в обороте с общим значением *быть на ногах* – ***auf den Beinen sein***:

- ***Am Sonntag waren alle zeitig auf den Beinen***. 201 Ali.
- (Об активисте) ***Tag und Nacht war er auf den Beinen...*** 130 NG.
- «...***Über eine Woche sind wir auf den Beinen***. ***Wir kommen aus Ohrdruf, aus Mühlhausen,...***» 483 AN.

Значения: 1) проснуться, встать с постели («***außer Bett sein***» – ***Körper***); 2) работать, трудиться («***tätig***» – ***Mackensen***); 3) быть в пути («***unterwegs***» – ***Körper, Mackensen, Sprachbrockhaus***) сосуществуют как бы параллельно в общем широком, недифференцированном – вне контекста – значении этого оборота, реализуясь, однако, лишь в соответствующих контекстах.

Такой же характер семантики у оборота ***den Mund aufreißen*** – «хвастать; грубо кричать на кого-либо, ругаться; жаловаться, выражать недовольство» и пр.

В подобных примерах не всегда можно с уверенностью определить, имеем ли мы дело с самостоятельными, устойчивыми значениями оборота или с его ситуативными употреблениями, поскольку эти значения выступают нередко слитно, недостаточно четко в языке и далеко не всегда регистрируются словарями. Их выявление зависит, в первую очередь, от контекста.

Но в ряде случаев в существовании устойчивых значений сомневаться не приходится: в оборотах еще ощутим перенос, переосмысление, обобщение первоначального значения необразных или

образных фразеологических единиц; отдельные значения поддерживаются вариацией существительных, глаголов и т. п. Например:

jm einen Wink geben – а) «дать знак кому-нибудь; дать знать»; б) *jm einen (freundschaftlichen) Wink, Tip geben* – «дать совет кому-либо»;
Krach machen – а) «шуметь»; б) «скандалить» (*Krach mit jm haben*);
auf den Beinen sein – а) «проснуться»; б) (*wieder*) *auf den Beinen sein* – «быть здоровым» (*kommen – bringen – sein*);
jn in die Tasche stecken – а) «подчинить кого-либо» (*stecken – haben*); б) «превзойти кого-либо» и т. д.

Уточнение значений оборота облегчается с изменением семантической природы субъекта или объекта действия в отношении их конкретности – абстрактности, одушевленности – неодушевленности¹, например:

auf den Beinen sein: *jd* – «проснуться» (и пр.); *etw das ganze Dorf* – «быть встревоженным»;

auf die Beine stellen: *jn* – «вырастить, довести до самостоятельности кого-либо»; *etw (die Regierung* и др.) – «организовывать»;

in der Tasche haben; *jn* – «держат кого-либо в подчинении, в своих руках»; *etw (den Sieg)* – «обеспечить себе что-либо, иметь гарантированным что-либо»;

auf den Kopf stellen (das Haus), alles – «перевернуть всё (в доме) вверх дном»; *die Tatsachen* – «извратить факты».

Определенную роль играет здесь и глагольная вариация: (*in der Tasche*) *haben / stecken*; (*alles auf den Kopf*) *stellen / stehen* и т. д.

Особое значение имеет фразеологическая вариация при дифференциации значений разных фразеологических единиц, обычно сопровождаемая лексическими, грамматическими и синтаксико-конструктивными отличиями. Такими отличиями могут быть разница в управлении, предложном и

¹ В частности, подобным образом, путем расширения границ своей сочетаемости с существительными, многие обороты расширили сферу своего употребления, придя из профессиональной лексики в общий обиход, например: *otdelat' pod opex* (столяр.) – «сильно избить, отругать кого-либо»; *unter Dach und Fach bringen* – (строит.), «подвести под крышу (здание)»; *перен.* «завершить, закончить что-либо»; *ins Schlepptau nehmen* – (судоход.) «брать на буксир»; *jn ins Schlepptau nehmen* – *перен.* «брать кого-либо на буксир, помогать отстающему» и т. д.

В общем обиходе они употребительны во втором своем значении.

беспредложном, разная направленность действия, форма числа у существительных и времени у глаголов, расширение или сужение состава компонентов, введение отрицания, закрепление оборотов в устойчивых синтаксических формах и пр.¹ Например:

а) *jm (süße) Augen (Äugelchen) machen* – «кокетничать, строить глазки»;

б) *(große) Augen machen (bekommen)* – «удивляться»;

а) *(keinen) Mumm (Mark / Schmalz / Schneid / Kraft) in der Knochen haben* – (не) быть здоровым, сильным, энергичным;

б) *keinen (rechten / richtigen) Mumm zu / für etw haben* – «не чувствовать интереса, склонности, призвания к чему-либо»;

а) *wie vor den Kopf geschlagen sein* – «как громом пораженный»;

б) *jn vor den Kopf stoßen (schlagen)* – «обидеть, оскорбить кого-либо, неприятно поразить, взволновать, рассердить кого-либо».

Таким образом, в языке происходит постоянный процесс координирования и дифференциации фразеологических единиц путем уточнения грамматических, синтаксико-конструктивных и лексических форм оборотов, что активно поддерживается различиями во фразеологической вариации отдельных компонентов.

Следует особо подчеркнуть роль самых незначительных изменений в составе фразеологических единиц². Они могут привести к обра-

¹ Особое значение приобретает фразеологическая вариация при омонимии или многозначности компонентов-существительных в составе разных фразеологических единиц. Например: а) *in die Falle (Klappe, ins Belt) gehen, sich hauen* – ложиться спать; б) *(jm) in die Falle gehen* – «идти в ловушку» (разноплановая вариация глаголов *gehen* – *locken* – *sitzen*); в) *Dampf (Feuer) hinter die Sache machen* – «торопить, ускорять какую-либо работу»; г) *(jm) Dampf machen* – «устраивать скандал кому-нибудь (или: рассердить, обидеть, оскорбить кого-либо)» и т. д.

Разноплановая вариация разграничивает значения оборотов: а) *(weich, warm) in der Wolle sitzen* – «жить в довольстве, хорошо»; б) *in die Wolle geraten* – «вспылить, разгорячиться» (или: *jn die Wolle bringen* – «привести в ярость кого-либо»). Все три формы глагольной вариации *bringen* – *kommen* – *sein* не приводятся словарями для каждого из этих оборотов.

² В некоторых работах по структурным (или фразеологическим) вариантам этому моменту не уделялось должного внимания; говорилось о том, что изменения грамматических форм отдельных компонентов, вариация предлогов, перестановка компонентов и прочее не влияют на значение фразеологических единиц: они остаются тождественными друг другу (Паулаускене Э. С. Указ. соч. С. 11).

зованию новых значений, размежеванию отдельных фразеологических единиц и отразиться на особенностях фразеологической вариации.

В заключение следует отметить, что фразеологическая вариация существительных и глаголов представлена в немецком языке очень широко и имеет свои определенные формы и закономерности.

Во-первых, исследование *вариации существительных* показывает, что варьируемые компоненты обычно находятся между собой в отношениях синонимических, метонимических и в отношении тематического родства. Вариация существительных способствует изменению фразеологических единиц в семантико-стилистическом отношении. Фразеологические варианты возникают не только в разговорно-обиходной речи, но и в диалектах, жаргонной и профессиональной лексике, откуда они затем приходят в общий обиход, позволяя ярче выразить отношение говорящего к происходящему, его субъективную оценку действия.

Такая вариация, однако, имеет традиционный характер, поскольку говорящие используют преимущественно готовые формы, приемы и средства фразеологической вариации.

Во-вторых, исследование *глагольной вариации* показывает, что существуют два основных типа глагольной вариации: *одноплановая*, или лексико-фразеологическая, семантико-стилистическая и *разноплановая*, или лексико-грамматическая вариации.

Одноплановая глагольная вариация уточняет объективные особенности протекания действия в каждом конкретном случае и выражает субъективное отношение говорящего к называемому действию.

Разноплановая вариация – это способ, средство выражения категорий аспекта (предельности – непредельности) и способа протекания действия (Aktionsart) в немецком языке и категорий переходности – непереходности, каузативности, побудительности.

Разноплановые варианты показывают действие в двух его аспектах (безотносительно к конкретному действию).

Одноплановая вариация дополняет разноплановую вариацию в семантико-стилистическом отношении.

В этой связи многие фразеологические единицы существуют не обособленно друг от друга, а входят во фразеологический состав языка в составе целых *групп* или *серий* фразеологических единиц с общей

лексической частью, общим образом и общностью в значении (разноплановые фразеологические варианты).

Одноплановая и разноплановая вариации глаголов – это два типа изменений, характерных для многих образных и экспрессивных фразеологических единиц немецкого языка.

Применение каждого типа глагольной фразеологической вариации обусловлено особенностями фразеологических единиц – в отношении их структуры, степени их идиоматичности, прозрачности образа, степени экспрессивности, а также в зависимости от лексико-грамматических свойств самих слов, существительных и глаголов, принимающих участие в вариации, и их соотношения между собой.

В-третьих, в распространении фразеологической вариации в языке важную роль играет аналогия. Это проявляется в том, что:

а) по уже существующим в языке типичным *моделям* создаются новые фразеологические единицы, новые фразеологические варианты и целые фразеологические серии;

б) по аналогии используются *средства* фразеологической вариации (синонимические, метонимические пары и ряды, глаголы определенной семантики и пр.), расширяющие границы своего употребления на всё новые фразеологические единицы разной или одной определенной структуры (*Mund – Maul; kommen – geraten, haben – halten*). Поэтому возможно появление в языке целых групп фразеологических единиц с одинаковыми коррелятивными компонентами (*Hand – Finger, Haut – Pelle, bringen – kommen – sein* и пр.).

Противоположной тенденцией является тенденция к *специализации*, дифференциации типов и видов фразеологической вариации, тенденция к расхождению, размежеванию значений и форм одной и разных фразеологических единиц. Это влечет за собой расхождения в оформлении лексического состава и структуры оборотов, сообщая им необходимое семантико-стилистическое и структурное своеобразие, и тем самым приводит к количественному и качественному обогащению фразеологии немецкого языка.

В-четвертых, фразеологическая вариация играет важную роль в *семантической* дифференциации фразеологических оборотов, выявляя значения одной фразеологической единицы и поддерживая расхождения значений разных фразеологических единиц, совпадающих в

какой-то мере по своему лексическому составу и структуре. При размежевании и омонимизации фразеологических единиц, которые совпадают случайно, в большей или меньшей мере, по своему лексическому составу и семантической структуре, большое значение приобретают *грамматические и синтактико-конструктивные* изменения во фразеологических единицах, что активно поддерживается различиями во фразеологических вариациях отдельных компонентов.

В-пятых, многообразие связей фразеологических единиц друг с другом говорит о системности в строении фразеологического состава языка в целом и о системности изменений, которые наблюдаются в нем в отношении отдельных оборотов той или иной структуры.

Все это позволяет сделать вывод о том, что фразеологическая вариация является одним из путей пополнения и совершенствования фразеологического состава языка в целом.

Источники и их условные сокращения

Ali – Krause H. Alibaba und die Hühnerfee. Berlin, 1960.

AN – Aplitz B. Nackt unter Wölfen. Halle (Saale), 1959.

F. Jsa – Fallada H. Jeder stirbt für sich allein. Berlin, 1956.

F. 2 WW – Fallada H. Wolf unter Wölfen, Bd. 2. Berlin, 1954.

Lissy. – Weiskopf F. C. Lissy oder Die Versuchung. Berlin, 1958.

NG – Neuhaus W. Gestohlene Jugend. Berlin, 1959.

Tot. – Seghers A. Die Toten bleiben jung. Moskau, 1951.

Краморенко Г. И. Фразеологические варианты в идиоматике современного немецкого языка : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1962.

**Тема 3. СПОСОБ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ АППЛИКАЦИИ
И КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА
К вопросу о системных связях лексики и фразеологии
(по В. П. Жукову)**

Фразеологический материал в настоящее время исследуется различными способами: трансформационным, дистрибутивным и связанным с ним приёмом анализа по окружению, контекстологическим, приёмом семантической идентификации и связанным с ним приёмом синонимического сопоставления, а также методами внутриязыкового и межъязыкового перевода, приёмом моделирования, внутриккомпонентных связей и т. д.¹ <...>

Оправданным, с нашей точки зрения, является приём фразеологической аппликации, под которым понимается наложение фразеологизма на эквивалентное переменное словосочетание, если оно налицо.

При такого рода наложении общее (целостное) значение фразеологизма сравнивается, соотносится с лексическим значением слов, входящих в одноимённое свободное словосочетание. Попутно отметим, что в русском языке насчитывается до 1500 фразеологизмов, совпадающих по своей звуковой оболочке со свободными словосочетаниями (В. В. Истомина, 1968) (*бить в цель, брать на буксир, вариться в собственном соку, висеть на волоске, выворачивать наизнанку, гнить на корню, есть и пить с одной ложки с кем-либо, сматывать удочки, сменить пластинку* и др.).

Приведём в качестве примера глагольный фразеологизм *лежать на боку*. Общее значение этого фразеологизма «бездельничать» семантически не соотносится с глаголом *лежать* – «находиться в горизонтальном положении, быть распростёртым», предлогом *на*, упо-

¹ См. об этом более подробно: Архангельский В. Л. Проблема устойчивости фразеологических единиц и их знаковые свойства // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц : материалы межвуз. симпозиума. – Тула : ТулГПУ, 1968. – С. 21 – 29.

требляемым для обозначения характера действия, особенностей его протекания и существительным *бок* – «правая или левая часть туловища от плеча до бедра». Только что названные слова обладают указанными лексическими значениями в составе свободного словосочетания *лежать на боку*.

При наложении фразеологизма на свободное словосочетание возможен положительный и отрицательный эффект: положительный – в случае наличия переменного словосочетания одинакового лексического состава, отрицательный – в случае отсутствия такого словосочетания.

При отсутствии эквивалентного словосочетания приходится общее значение фразеологизма соотносить со всей системой значений слов свободного употребления. Сюда же могут быть отнесены и фразеологизмы, которые внешне совпадают со свободным словосочетанием, но на его фоне не дают метафорического эффекта. Таков, например, фразеологизм *отбивать хлеб у кого-либо*, совпадающий по своему лексическому составу с переменным словосочетанием *отбивать хлеб* (ср.: «Бедняки отбивали хлеб у кулаков»). В составе этого переменного словосочетания глагол *отбивать* имеет значение «силой, с боем отнимать что-либо», а слово *хлеб* означает «зерно». Разбираемый фразеологизм употребляется со значением «лишать кого-либо заработка». Такое значение не могло возникнуть на основе только что названного переменного словосочетания, так как именной компонент (*хлеб*) семантически связан не с прямым, а с переносным значением этого слова – «средства к существованию, заработок» (Д. Н. Ушаков, 1938, т. II: 894).

Сравним общее (целостное) значение анализируемого фразеологизма с частными значениями слов свободного употребления *отбивать* и *хлеб*. Слову *отбивать* известны следующие значения: 1) встречным ударом отражать что-либо; 2) силой отнимать что-либо; 3) отстранять, отдалять кого-нибудь от чего-либо; 4) ударами отделять что-либо прикрепленное, 5) ударами отламывать; 6) ударами выпрямлять; 7) ударами повреждать; 8) заглушать действие чего-либо; 9) мерно, ритмично ударять; 10) обозначить на поверхности линию;

11) выделять путём обмера. Слову *хлеб* присущи, например, такие значения: 1) продукт, выпекаемый из муки; 2) зерно, которое перемалывается в муку; 3) *перен.* пища, пропитание; 4) *перен.* средства к существованию.

Общее значение этого фразеологизма «лишать кого-либо заработка» соотносится по смыслу со 2-м значением слова *отбивать* и с 4-м значением слова *хлеб*. При этом глагол *лишать* (в составе словосочетания *лишать заработка*) и глагол *отбивать* во 2-м значении, равно как существительные *заработок* и *хлеб* в 4-м значении не совпадают, а лишь соотносятся по значению: сопоставляемые пары слов лишены взаимозаменяемости. В предложениях типа «Я ездил с абреками отбивать русские табуны» (Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени. Бэла) глагол *отбивать* нельзя без ущерба для смысла заменить глаголом *лишать*.

Вся задача приёма фразеологической аппликации, направленного в сторону семантики, сводится к тому, чтобы установить, не употребляется ли тот или иной компонент фразеологизма в своих обычных системных значениях (прямом, переносном и др.) и нельзя ли приравнять по смыслу слово свободного употребления к тем или иным компонентам анализируемого фразеологизма. Если при этом компоненты фразеологизма охвачены сплошной десемантизацией, то общее (целостное) значение фразеологизма передаётся такими словами, которые не входят и не могут входить в состав исследуемого фразеологизма в качестве его компонентов. Например, смысл фразеологизма *плевать в потолок* может быть передан так: «бездельничать», «ничего не делать», «лежать на боку», «гонять лодыря». Ни одно из этих слов и словосочетаний, передающих смысловой объём разбираемого фразеологизма, не входит в анализируемый отрезок речи. Это в свою очередь означает, что ни одно из слов, образующих этот фразеологизм, не употреблено в каком-либо из своих возможных значений. Налицо равномерная десемантизация компонентов.

Приём фразеологической аппликации часто уточняет погрешности метода синонимического сопоставления. Так, И. С. Торопцев в одной из работ 1970 г., используя (и в целом довольно успешно) при-

ём синонимического сопоставления, причисляет образование *бить по карману* – «лишать средств, причинять убыток» к свободному словосочетанию на том основании, что компонент *бить* синонимизируется с глаголами *опустошать*, *причинять ущерб*, а *карман* – со словом *средств*. Но с этим нельзя согласиться, так как в смысловой структуре глагола *бить* нет этого значения. Соответствующее образование возникло в результате метафоризации в подходящей для переосмысления ситуации переменного словосочетания такого же лексического состава. В составе одноимённого переменного словосочетания (объекта метафоризации) слова *бить* и *карман* употреблены в своих прямых, исходных значениях. Слову *карман* нельзя приписать значение «средства» ввиду бессмысленности такого словосочетания. У слова возникает переносное значение (с точки зрения собственно языковой ситуации) чаще всего тогда, когда оно (слово) вступает в непосредственную связь с другим каким-либо словом неконкретного или собирательного значения (ср.: *жевать резинку* и *жевать фразу*). Это означает, что в данном словесном окружении глагол *бить* и существительное *карман* не могут получить переносного значения.

Путём наложения фразеологизма на однозвучное переменное словосочетание, а также в результате соотношения общего (целостного) значения фразеологизма с системой значений производящих слов свободного употребления удаётся:

а) анализировать не только собственно фразеологизмы, но и явления, смежные с фразеологией (так называемые совмещённые фразеологизмы, фразеологические сочетания, пословицы, поговорки, крылатые выражения и т. д.);

б) установить границы собственно фразеологизма, отделить его от слов-сопроводителей типа *беречь как зеницу ока*, *кричать благим матом*, *приставать как банный лист* и т. д. Границей собственно фразеологизма на уровне словосочетаний, по нашему мнению, следует признать фразеологическое сочетание, а на уровне предложения – пословицы и поговорки (кроме пословичных фразеологизмов типа *Игра не стоит свеч*, *Нашла коса на камень*) и крылатые изречения. Составные термины и названия типа *пастушья сумка*, если они обра-

зованы в результате метафоризации переменных словосочетаний такого же состава, также целесообразно включить в разряд фразеологизмов;

в) определить варианты свойства многих фразеологизмов. Наблюдения показывают, что явление вариантности в основном присуще таким фразеологизмам, которые ещё не утратили своей семантической соотнесённости со словами свободного употребления. При этом чем теснее спаяны компоненты в семантическом отношении, тем устойчивей, неизменней компонентный состав того или иного фразеологизма, и наоборот;

г) выявить степень семантической целостности, сплочённости фразеологизмов. С этой точки зрения выделяются фразеологизмы с целостным немотивированным (типа *собаку съел, умыть руки*), целостным мотивированным (типа *выносить сор из избы, держать камень за пазухой*) и общим мотивированным аналитическим значением (типа *поднимать голос* – «решительно высказывать своё мнение»);

д) выявить устойчивость фразеологических единиц, под которой мы понимаем меру, степень семантической спаянности компонентов. Исходя из такого понимания, фразеологизмы с целостным немотивированным значением типа *умывать руки* обладают большей устойчивостью, чем фразеологизмы с целостным мотивированным типа *держат камень за пазухой*, а эти последние, в свою очередь, имеют бóльшую устойчивость, чем фразеологизмы с общим мотивированным семантическим значением типа *поднимать голос*;

е) обнаружить явление неравномерной фразеологизации, когда один компонент выполняет смыслообразующую функцию, а другой (или другие) компонент лишён какой-либо смысловой содержательности (ср.: *на скорую руку*, где смыслообразующую функцию выполняет компонент *скорый*). Смыслообразующий компонент является носителем смыслового центра фразеологизма.

Методом наложения удаётся установить, что компоненты фразеологизма несоизмеримы со словом в семантическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом отношении, равно как и фразеологизм в целом не эквивалентен слову.

Предложенный метод может быть использован не только в синхронном плане, но и в рамках диахронии. Этот метод тем надёжнее, чем лучше и достовернее разработана прежде всего в лексикографическом отношении система значений, подзначений и оттенков значений слова.

Так как предлагаемая ниже классификация строится на основе метода фразеологической аппликации, то разряды и рубрики в этой классификационной схеме должны определённым образом отражать как различный характер удалённости того или иного фразеологизма от исходных, производящих, мотивирующих словосочетаний (если они налицо), так и различную степень удалённости компонентов фразеологизма от соответствующих слов свободного употребления (если нельзя образовать эквивалентного свободного словосочетания).

Все фразеологизмы русского языка с рассматриваемой позиции можно разграничить на два больших типа: а) на фразеологизмы, которые в синхронном плане могут быть противопоставлены переменным словосочетаниям такого же лексического состава (аплицируемые, налагаемые фразеологизмы), и б) фразеологизмы, которые с точки зрения современного языкового состояния не могут быть наложены на эквивалентные переменные словосочетания (неаплицируемые, неналагаемые фразеологизмы). Между выделенными типами имеются промежуточные образования, отнесение которых к строго определённому типу затруднительно.

В пределах каждого из этих типов, в свою очередь, можно обнаружить несколько разновидностей.

Среди аплицируемых фразеологизмов выделяется два фразеологических разряда. К первому разряду относятся фразеологизмы, которые на фоне переменных словосочетаний такого же состава не дают метафорического эффекта, например: *заварить кашу, в сорочке родился, собаку съел, перемывать косточки, умывать руки, скакать в крапиву, лить колокола, отливать пули, подложить свинью, посыпать голову пеплом, подводить под монастырь, крапивное семя* и т. д.

Подобные фразеологизмы утратили внутреннюю форму, тот образ (реальный или нереальный), который положен в основу их наиме-

нования, поэтому они обладают целостным немотивированным значением. Процесс семантического угасания компонентов внутри соответствующих фразеологизмов протекал более или менее равномерно, с одинаковым охватом всех непосредственно составляющих элементов (знаменательных и служебных). Аналогичные фразеологизмы с целостным немотивированным значением могут быть квалифицированы как идиоматические единства.

Ко второму, весьма многочисленному и продуктивному разряду относятся фразеологизмы, которые на фоне свободных словосочетаний такого же лексического состава дают метафорический эффект, например: *бить по карману, брать на буксир, брать за горло, брать быка за рога, вить верёвки, гладить по головке, дышать на ладан, закидывать удочку, пускать корни; вдоль и поперёк, от зари до зари, с пеной у рта; белая ворона, мыльный пузырь, ворона в павлиньих перьях, кожа да кости, ни рыба ни мясо; глаза на лоб лезут (у кого-либо), небо с овчинку показалось (кому-либо), руки чешутся (у кого-либо) и др.*

Соответствующие фразеологизмы наделены целостным мотивированным значением и могут быть определены как метафорические единства.

Компоненты в составе подобного рода фразеологизмов и слова в составе эквивалентных словосочетаний, вопреки мнению многих исследователей, несоизмеримы прежде всего в семантическом отношении: слова в структуре переменного словосочетания имеют строго закреплённое речевым узусом конкретное (первично-номинативное) лексическое значение. В противоположность этому однозвучные компоненты подвергаются десемантизации, как бы обесмысливаются¹. В результате такого семантического угасания компонентов формируется сложнечленимая семема, т. е. качественно новый лингвистический знак. При этом «внесистемное значение» каждого компонента, если оно может быть выявлено методом внутриязыкового перевода (ср.: *не делать погоды* – «не иметь значения»), всегда отвле-

¹ Явление, при котором слова преобразуются в структурные элементы, Э. Х. Ротт остроумно называет монемностью, являющейся сущностным признаком фразеологизма. См. его диссертацию (Э. Х. Ротт, 1969. С. 139).

чённее системного, узуального значения. Эта закономерность не знает исключений, по крайней мере, в рамках исследуемого разряда фразеологических единиц.

Из сказанного вытекает также, что компоненты соответствующих фразеологизмов не могут вступать в омонимические отношения с отдельными словами. Омонидами могут быть слова с отдельным самостоятельным лексическим значением. Компоненты подобного рода фразеологизмов не удовлетворяют такому требованию, ибо лишены отдельного лексического значения.

Разновидностью выделенного разряда служат фразеологизмы типа *влиять хвостом, загребать жар чужими руками, замазывать глаза, золотить пилюлю, мелко плавать, отогреть змею на груди, перегибать палку; жирный кусок, золотые руки, ноль без палочки, обстрелянная птица, стреляный воробей* и др.

Подобные фразеологизмы легко противопоставляются переменному словосочетанию и вследствие этого осознаются как метафора. Вместе с тем общее значение аналогичных фразеологизмов сближается или совпадает по смыслу с переносным значением слова в свободном употреблении (ср., например, фразеологизм *перегибать палку* – «впадать в ненужную крайность в делах, поступках и т. п.» и глагол переносного значения *перегибать* – «допускать перегиб, неумеренность, крайность в чём-либо»).

Процесс образования фразеологизмов, как показывают факты, протекает совершенно независимо от появления в слове переносного значения, одинаковым образом, и переносные значения в словах появляются независимо от формирования фразеологизмов. Дело в том, что переносное значение часто возникает тогда, когда слово с конкретным смыслом сочетается с каким-либо другим словом неконкретного или собирательного значения. Например, глагол *жевать*, сочетаясь со словами неконкретного содержания, приобретает переносный смысл «долго и нудно обсуждать одно и то же»: «Нельзя жевать (в пьесах) всё один и тот же тип, один и тот же город, один и тот же турнюр» (Чехов А. П. Письмо А. Н. Плещееву, 4 окт. 1888).

В составе переменного словосочетания *жевать мочало* глагол непосредственно сочетается с именем существительным конкретного, первичного значения, ибо слово *мочало* однозначно и не располагает отвлечённым значением. Стало быть, для глагола *жевать* нет объективных лексико-семантических условий получить переносное значение. По аналогии со словами свободного употребления должны действовать и компоненты данного фразеологизма, который образован в результате метафоризации разбираемого переменного словосочетания. Отсюда компоненты в составе подобных фразеологизмов соотносятся со словами конкретного, а не производно-переносного значения.

Многие, однако, фразеологизмы с точки зрения современного языкового состояния не могут быть наложены на свободное, переменное словосочетание. В кругу неаплицируемых (неналагаемых) фразеологизмов можно, в свою очередь, обнаружить несколько разрядов.

Прежде всего выделяются фразеологизмы, содержащие о своём составе различного рода фонетические, лексические и грамматические архаизмы¹.

Фразеологизмы этого разряда неоднородны по своему составу: а) отдельные фразеологизмы сплошь состоят из лексических архаизмов (*благим матом, вкупе и влюбё, опочить в бозе, семо и овамо*), б) значительная часть фразеологизмов включает лишь отдельные неупотребительные или вымершие лексические некротизмы (*бить баклуши, во всю ивановскую, за тридевять земель, точить лясы, у чёрта на куличках*), в) многие фразеологизмы полностью или частично охвачены грамматической архаизацией (*во вся тяжкая, ничтоже сумняшеся, отверзошася хляби небесные, прильпе язык к гортани, очертя голову, спустя рукава*) и т. д.

Особое место занимают фразеологизмы, лексико-грамматическое перерождение которых не завершилось. Так, у фразеологизма *как пить дать* (ср.: *как рукой сняло*) глагольный компонент частично изменяется по лицам и родам (*как пить дадут, как пить даст, как пить дала*), т. е. не окончательно утратил согласовательные связи с субъек-

¹ По подсчётам Р. Н. Попова (1970), в русском языке насчитывается свыше 700 фразеологических единиц с архаичными элементами в структуре.

том действия: – *Всё заберут в лапы, Ермилыч, как пить дадут* (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб); – *А то, того гляди, лиходеи какой высмотрит, накроет сонного, как пить даст* (В. Я. Шишков. Таёжный волк); *Приплыла наутро щука, как пить дала* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Карась-идеалист). Подобного рода архаизацией охвачены фразеологизмы глагольного происхождения, перешедшие в разряд адвербиальных фразеологических единиц (*во что бы то ни стало, как ни в чём не бывало, как следует, раз плюнуть, рукой подать* и др.).

Поскольку главной приметой фразеологизмов рассматриваемого разряда является наличие в их составе архаических элементов, которые во многом способствуют идиоматизации фразеологической единицы, то подобного рода фразеологизмы с целостным немотивированным и – реже – мотивированным значением могут быть отнесены к категории архаизированных единств.

Отдельные лингвисты справедливо отмечают, что соответствующие фразеологизмы подвергаются нормализующему воздействию современной языковой системы. Так, одни фразеологизмы с архаичным составом компонентов приобретают дистантный и инверсионный характер расположения своих компонентов; другой части фразеологизмов присуще явление лексической, словообразовательной и лексико-фонетической вариантности (*как зеницу ока (глаза), с головы до ног (до пят), от младых (молодых) ногтей; бряцать оружием – бряцание оружием*); у третьей категории фразеологизмов архаичные компоненты, застывшие в какой-либо форме, приобретают парадигматическую активность, подвергаются «выравниванию» (ср.: *опочить в бозе и опочить в боге, прильпе язык к гортани и прилип язык к гортани*); компоненты многих фразеологизмов могут поясняться, распространяться другими словами (Ф. М. Янковский, 1969; Р. Н. Попов, 1970) (чаще местоименного характера) и т. д.

Подобные изменения, вызванные нормализующим воздействием языковой системы, её «давлением», явственно отражают противоречивое взаимодействие аналитических и синтетических тенденций во фразеологизме, причём аналитические тенденции обусловлены расчленённым строением фразеологизма и характеризуют его форму;

напротив, синтетические тенденции вызваны семантической целостностью фразеологической единицы и характеризуют её содержание.

До тех пор, пока между формой и содержанием поддерживается неустойчивое равновесие, т. е. пока не нарушается семантическое тождество фразеологизма, никакие изменения на парадигматической или синтагматической оси, вопреки мнению некоторых фразеологов, не свидетельствуют о словесных свойствах компонента. Подобные изменения, охватывающие один или несколько компонентов, характеризуют динамичность формы конкретно данного фразеологизма в целом. Так, идиома *бить баклуши* допускает изменение порядка следования своих компонентов (ср.: *баклуши бить*), а фразеологизм *так себе* не допускает их перестановки. Делать какой-либо вывод о том, что в первом фразеологизме словесные свойства компонентов проявляются ярче, чем во втором, нельзя. Всё дело в том, что первый фразеологизм образован по модели глагольных словосочетаний, которые свободно допускают на уровне языковой нормы перестановку своих компонентов.

Но иногда даже простая перестановка компонентов может разрушить смысловое единство фразеологизма. При такой перестановке компоненты переходят в слова, а фразеологизм – в свободное словосочетание (ср.: *ноль внимания* и *внимания ноль*).

По этим же мотивам многие глагольные фразеологизмы оценочного значения типа *стоять одной ногой в могиле* не могут быть употреблены в конкретном (актуальном) настоящем или в форме повелительного наклонения, ибо в соответствующих грамматических формах они трансформируются в буквальное, свободное словосочетание.

Таким образом, изучение вопроса о нормализующем воздействии языковой системы на структуру фразеологизма помогает выявить синтагматическую и парадигматическую активность фразеологической единицы. Семантические же свойства компонентов могут быть исследованы методом фразеологической аппликации, т. е. в результате соотношения, соизмерения общего значения фразеологизма с системой значений слов свободного употребления, нередко входящих в одноимённое словосочетание переменного характера. При этом по

мере того как компонент фразеологизма подвергается конкретизации, т. е. в той или иной степени обнаруживает свои словесные свойства и качества, что свидетельствует о нарушении неустойчивого равновесия между формой и содержанием, фразеологическая единица разрушается или, по крайней мере, находится на грани разрушения. Это в конечном итоге означает, что компонент фразеологизма несоизмерим со словом.

Следующий разряд образуют фразеологизмы, в составе которых один из компонентов является смыслообразующим, а другой (или другие) нет. Смыслообразующий компонент семантически соотносится (но не совпадает!) с соответствующим словом свободного употребления. К этой категории можно причислить фразеологизмы типа *на широкую руку* – «щедро, с размахом», *под весёлую руку* – «в состоянии радостного возбуждения», *с пустыми руками* – «ничего не имея», *на живую руку* – «наспех, плохо, кое-как», *на большую ногу* – «богато, роскошно», *на дружеской ноге* – «в близких, приятельских отношениях», *по пьяной лавочке* – «в нетрезвом виде», *с (от) младых ногтей* – «с раннего возраста», *из первых рук* – «непосредственно» и т. д.

Смыслообразующие компоненты обнаруживают разную степень смысловой и лексико-грамматической соотнесённости со словами свободного употребления. В составе одних фразеологизмов компоненты соотносятся по смыслу, но расходятся в лексико-грамматическом отношении. Таковы фразеологизмы *живой рукой*, *живым манером*, где форма творительного падежа имени существительного как слабоуправляемая падежная форма способствует адвербиализации фразеологизма и, следовательно, предсказывает лексико-грамматическое значение наречности, тогда как определение, стоящее при этом творительном, выполняет смыслообразующую функцию и не совпадает с соответствующим прилагательным в лексико-грамматическом отношении.

В составе других фразеологизмов типа *на живую руку*, *по пьяной лавочке*, *под весёлую руку*, *под горячую руку* и других подобные компоненты, сохраняя смысловую соотнесённость со словами свободного употребления, в то же время обнаруживают специфическую

валентность, т. е. не повторяют сочетательных свойств соответствующих слов в их свободном употреблении.

Смыслообразующий компонент внутри анализируемого разряда фразеологизмов является носителем смыслового центра¹ и вместе с тем показателем неравномерной лексикализации фразеологической единицы. Такие фразеологизмы относятся к категории фразеологических единств с общим мотивированным полуаналитическим значением.

Наряду с только что названным разрядом выступает и другой, более аналитический разряд фразеологизмов. У такого рода фразеологизмов каждый компонент является смыслообразующим, а весь фразеологизм обладает общим (глобальным) аналитическим значением. Несмотря на аналитический строй значения таких фразеологизмов, каждый компонент в отдельности не передаёт того, что они выражают совместно. Здесь можно говорить лишь о семантической соотнесённости, а не о семантическом тождестве компонента и однозвучного слова свободного употребления. Вследствие этого соответствующие фразеологизмы и слова свободного употребления, семантически соотносительные с компонентами таких фразеологизмов, не взаимозаменяемы: фразеологизм обладает своеобразным семантическим остатком по сравнению с каждым отдельно взятым словом в его свободном употреблении. Любопытно при этом отметить, что компоненты фразеологизма, если принимать во внимание их некоторую смысловую самостоятельность, по сравнению с подобными словами обладают большей степенью отвлечённости. Например, слово *загубить* в свободном значении выражает идею смерти, гибели; в составе же фразеологизма *загубить* чей-либо *век* и под его влиянием соответствующие компоненты непосредственно не передают этой идеи.

Фразеологизмы, входящие в состав этого сравнительно малочисленного и периферийного разряда, условимся именовать фразеологическими единствами с общим мотивированным аналитическим значением. Сюда можно причислить фразеологизмы типа *отбивать*

¹ См. : Жуков В. П. О смысловом центре фразеологизма // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. М. ; Л. : Наука, 1964. С. 140 – 149.

хлеб («лишать заработка»), *находить общий язык*, *поднимать голос*, *добывать хлеб*, *загубить чей-либо век*, *падать духом* и т. д.

Так в составе фразеологизма *поднимать голос* («решительно высказывать своё мнение») каждый из компонентов семантически связан с одноимёнными словами свободного употребления: компонент *поднимать* соотносится по смыслу со значением этого слова «вызывать появление чего-либо, быть причиной какого-либо действия, состояния»: «Измена Миронова снова поднимала споры об отношении к бывшим офицерам царской армии» (Федин К. А. Необыкновенное лето), а компонент *голос* соотносится по смыслу со значением того же слова «суждение, высказывание, мнение»: «На другой день не получилось известия из армии, и общий голос стал тревожен» (Толстой Л. Война и мир).

Таким образом, приём фразеологической аппликации позволяет по-новому классифицировать фразеологический материал и вместе с тем обнаружить скрытые лексико-семантические процессы синтетического и аналитического характера, протекающие внутри каждого фразеологического разряда.

Жуков В. П. Системность русского языка : сб науч. работ. Новгород : ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1973. С. 125 – 137.

Тема 4. ЯЗЫКОВАЯ МОТИВИРОВКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ АБСТРАКЦИЯ

(по А. М. Мелерович)

Семантика языковых знаков мотивируется различными лингвистическими факторами. Соответственно, в ряд исследований выделяются разные виды языковой мотивировки значения¹.

Мотивировка значения ФЕ получает обычно более четкое выражение по сравнению с мотивировкой значения слов. Это обусловлено структурой фразеологизмов. Ф. де Соссюр отмечает, что «мотивированность языковых знаков всегда тем полнее, чем легче синтагматический анализ и очевиднее смысл единиц низшего порядка»².

Инвариантное фразеологическое значение может мотивироваться рядом лингвистических факторов: исходным значением словесного комплекса, явившегося базой фразеобразования; лексическими значениями слов, входящих в состав ФЕ; звуковым составом и морфологической структурой отдельных компонентов ФЕ; вещественным содержанием корневых морфем лексических компонентов; типовым значением синтаксической конструкции³.

Например, в ФЕ *голова садовая, реветь белугой* компоненты *садовая, белугой* семантически не соотносятся с соответствующими словами свободного употребления. Но благодаря своей грамматической оформленности и живым синтаксическим связям они соотносятся с определенными частями речи и выполняют функцию определителей при именах и глаголах. Ассоциируясь с частью фразеологического значения, связанной с качественной характеристикой, данные

¹ См., например: Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М. : Наука, 1977. С. 271 ; Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. V. М. : Прогресс, 1970. С. 255 ; Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969. С. 70.

² Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М. : СОЦЭКГИЗ, 1933. С. 127.

³ См. подробнее: Мелерович А. М. К проблеме мотивированности семантики фразеологизмов // Вопросы русского языка. Ярославль : [б. и.], 1975. С. 53.

компоненты осмысливаются как синонимы слов, с которыми при свободном употреблении в синонимические отношения не вступают. Так, компонент *садовая* в ФЕ *голова садовая* воспринимается как синоним слова *глупая*. Компонент *белугой* передает интензивность проявления состояния. В этих случаях имеет место грамматическая мотивация, обусловленная соотносительностью компонентов ФЕ с определенными частями речи и их синтаксическими связями в составе устойчивых словосочетаний.

В зависимости от характера связи фразеологического значения с семантикой мотивирующих слов и словесных комплексов возможна мотивировка двоякого рода: прямая, непосредственная, и косвенная, опосредованная.

При прямой мотивировке фразеологическое значение включает исходные лексические значения составляющих слов, но является более широким по сравнению со смысловым содержанием, непосредственно выражаемым сочетанием данных слов (*народная стройка, высшее образование, пишущая машинка* и т. п.).

Значение ФЕ с косвенной мотивировкой связывается со значением одноименных переменных сочетаний через образ (*последняя спица в колеснице, выбрасывать за борт, гладить против шерсти*).

У ФЕ, обладающих прямой мотивировкой, внутренняя форма включается в состав фразеологического значения. У ФЕ с косвенной мотивировкой фразеологическое значение и внутренняя форма совпадают лишь в некоторых элементах, находясь в отношении пересечения.

Внутренняя форма ФЕ и языковая мотивировка фразеологического значения представляют собой важнейшие аспекты семасиологической связи фразеологического значения с материальной формой ФЕ – содержательный и формальный.

При трактовке внутренней формы как смыслового содержания, положенного в основу фразеологического значения и объективированного по отношению к нему в звуковой форме ФЕ, мотивировка фразеологического значения может быть определена как способ выражения внутренней формы ФЕ.

Отражение объективной действительности средствами языка базируется на обобщении и абстрагировании семантики языковых единиц от многообразия свойств единичных предметов и явлений. Различные типы языковых значений по-разному участвуют в формировании и выражении мыслительного содержания. В семантике языковых единиц разных уровней проявляются различные типы языковой абстракции.

Для обоснования фразеологического значения как самостоятельной семантической категории необходимо выявить особенности фразеологической абстракции.

Фразеологическая абстракция является специфическим для ФЕ выражением закономерного абстрагирования фразеологического значения в процессе его становления и функционирования от семантики языковых элементов, образующих материальную форму ФЕ.

В соответствии с семантическими категориями, свойственными языковым элементам, служащим строительным материалом ФЕ, можно выделить следующие основные типы фразеологической абстракции: 1) абстракция от лексических и грамматических значений компонентов ФЕ; 2) абстракция от исходного значения сочетания слов, являющегося базой фразообразования; 3) абстракция от типового значения синтаксической конструкции. Каждый тип фразеологической абстракции может иметь разные степени полноты.

Абстракция от значений слов, входящих в состав ФЕ, с наибольшей полнотой обнаруживается в тех случаях, когда фразеологическое значение одновременно абстрагируется от вещественных значений, выражаемых корневыми морфемами, и от лексико-грамматических значений слов-компонентов (*кот наплакал, кровь с молоком, без году неделя* и т. п.).

Неполная абстракция от лексических значений компонентов ФЕ обнаруживается в следующих случаях: 1) если фразеологическое значение абстрагировано от вещественных значений корневых морфем компонентов, но категориально-грамматическое значение ФЕ мотивировано лексико-грамматическим значением слова, являющегося грамматически опорным в составе словосочетания, по структурной схеме которого образована ФЕ (*лясы точить, лить колокола, крае-*

угольный камень, отставной козы барабанищик); 2) если фразеологическое значение абстрагировано от лексико-грамматического значения слова, являющегося опорным в составе словосочетания – генетической основы ФЕ, но в некоторой степени мотивировано вещественным значением корневых морфем отдельных компонентов (компонента). Примеры: *малая толика, мелкая сошка, на скорую руку*.

ФЕ, значение которых основывается на целостном или частичном переосмыслении (переносе значения) словесных комплексов, могут обладать различной степенью абстракции от исходных значений данных сочетаний и отдельных слов. Степень абстракции определяется структурой внутренней формы, характером мотивировки фразеологического значения¹.

Абстракция от типового значения синтаксической конструкции, являющейся структурным каркасом ФЕ, свойственна многим фразеологизмам. Она характерна для фразеологических сращений и фразеологических единств, значение которых абстрагируется от отношений между лексическими компонентами в исходных сочетаниях слов. Так, ФЕ *разводить турусы на колесах, бить баклуши, перемывать косточки* абстрагированы от объектных отношений между образующими их словами, а ФЕ *стать в тупик, сводить в могилу* абстрагированы от локального значения структурной схемы словосочетания.

ФЕ со структурой предложения могут в разной мере абстрагироваться от семантики своей структурной схемы. Абстракция оказывается наиболее полной в тех случаях, когда ФЕ со структурой предложения соотносятся в функционально-семантическом плане со словами или функционируют в качестве нечленимых предложений (*насколько хватает глаз, во что бы то ни стало, в чем мать родила, давай бог ноги, вот это да!* и под.).

По степени абстрагирования от семантики структурной схемы предложения в направлении возрастания абстракции могут быть расположены следующие типы устойчивых фраз (УФ):

¹ О типах фразеологической абстракции см.: Мелерович А. М. К вопросу о языковых формах выражения фразеологической абстракции // Вопросы русского языка. Проблемы лексики и синтаксиса. Вып. XI. Ярославль : [б. и.], 1976. С. 46 – 55 ; *Ее же*. О некоторых особенностях фразеологического значения // Лингвистический сборник МОПИ. Вып. 2. Ч. 1. М. : [б. и.], 1973. С. 66 – 67.

1. УФ, в которых модально-временные отношения и пропозитивная номинация мотивированы структурной схемой (мотивировка пропозитивной номинации может быть более или менее четкой). Данные УФ подразделяются на два подтипа по признаку стабильности/изменяемости модально-временного плана:

а) УФ, структура которых допускает видоизменение модально-временных отношений при стабильности пропозитивной номинации. Ср., например, ФЕ *игра не стоит свеч* с аналогичной ей по синтаксической структуре и семантически эквивалентной речевой единицей *затраченные усилия не оправдываются полученными результатами*.

Смотрите также парадигматические формы этой УФ в контекстах, в которых изменены модально-временные отношения: *Я брошу всю мою агентуру на то, чтобы выследить ее связи... **Игра будет стоить свеч*** (Герман Ю. Дорогой мой человек); *Но, полагая, что здесь **игра стоит свеч**, русские пошли на риск, и это было оправдано* (Дангулов С. Кузнецкий мост); *Крохин заметно растерялся... задумался, как будто решал, **стоит ли игра свеч***. (Черненко М. Кухтеринские миллионы).

б) УФ, в структуре которых закрепился определенный модально-временной план и пропозитивная номинация. Ср., например: *на чужой каравай рот не разевай* – «не зарься, не рассчитывай на чужое»; *видна птица по полету* – «человек распознается по его поступкам, действиям»; *семь раз отмерь, один раз отрежь* – «многократно, тщательно проверь, рассчитай и только после этого осуществляй задуманное».

2. УФ, в которых модально-временные отношения и пропозитивная номинация (или только пропозитивная номинация) не мотивированы структурной схемой. Данные ФЕ также подразделяются на два подтипа аналогично устойчивым фразам первой группы:

а) УФ, в которых модально-временные отношения **могут** видоизменяться. Ср., например: *небо с овчинку показалось (кому-либо)* – «стало плохо, страшно (кому-либо)». Ср. парадигматические формы этой УФ в контексте: *Знаешь, если брать на себя все грехи нашего суетного мира, то **небо с овчинку покажется*** (Безуглов А. Инспектор милиции); *... иной раз **небо с овчинку кажется*** (Вьюрков А. Рассказы о старой Москве).

б) УФ, в грамматической структуре которых закрепился определенный модально-временной план. Сравним следующие УФ и синонимичные им речевые единицы: *бабушка надвое сказала* – «неизвестно, совершится ли предполагаемое, желаемое»; *ищи ветра в поле* – «невозможно найти что-либо утраченное, желаемое».

Проявляясь в различных формах и в разной степени, фразеологическая абстракция отражает определенные стадии в формировании и развитии фразеологического значения, а также особенности семантической структуры разнотипных ФЕ в синхронии.

Как правило, фразеологическая абстракция не является полной и всесторонней. В семантической структуре ФЕ создается особая комбинация различных видов мотивировки значения и разнообразных форм его абстрагирования от семантики образующих ФЕ языковых элементов. Абстракция и мотивировка фразеологического значения находятся в обратной зависимости: наличие определенного типа мотивировки свидетельствует об отсутствии или неполноте соответствующего типа фразеологической абстракции, и наоборот – чем полнее фразеологическая абстракция, тем слабее мотивировка соответствующего типа.

Соотношение в семантической структуре ФЕ, с одной стороны, внутренней формы, мотивировки фразеологического значения и, с другой – фразеологической абстракции обнаруживает противоречивый характер взаимодействия между планом содержания и планом выражения ФЕ; отношения между ними базируются на антиномии мотивированности и произвольности, условности.

Своеобразие фразеологической абстракции и мотивированности фразеологического значения обусловлено особенностями процесса фразеологизации, соотношением ФЕ с единицами других уровней, их местом в системе языка.

Фразеологизироваться могут лишь такие словесные комплексы (как образные синтагмы, так и сочетания с прямой мотивировкой значения), которые способны к обобщенному употреблению, абстрагированию от единичной ситуации.

Например, метонимические конструкции, которые создаются для обозначения единичных предметов путем указания на их связь с элементами определенной ситуации, вне этой связи не существуют. Они

не способны обобщать и абстрагироваться от контекста, в котором употребляются в функции окказиональных номинаций. Следовательно, они не могут и фразеологизироваться. Приведем примеры: *Из дома напротив с собакой / в деревню уехал* (о мальчике, у которого есть собака); *Дайте / во что завернуть* (о бумаге).

От рассмотренных окказиональных номинаций следует отличать наименования, которые могут быть абстрагированы от единичных явлений и отнесены к целым рядам однородных предметов и явлений.

Многократное воспроизведение словесных комплексов в различных контекстах с абстрагированным от единичных ситуаций, типизированным значением – важнейший признак и условие их фразеологизации. Основные показатели фразеологизации словесного комплекса – закрепление его в системе языка в функции обозначения того или иного класса явлений и обусловленная этим стабилизация его значения и формы, его устойчивость и семантическое преобразование¹.

Изучение механизма формирования фразеологического значения, свойств его мотивированности и абстракции в соотношении с семантикой составляющих фразеологизм языковых элементов – необходимый этап в установлении зависимости между структурой плана содержания и плана выражения ФЕ.

Мелерович А. М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка. Ярославль : Яросл. гос. пед. ин-т, 1979. С. 28 – 35.

¹ См.: Мелерович А. М. О формировании и функционировании идиоматических конструкций // Проблемы лексикологии современного русского языка. Вып. X. Ярославль : [б. и.], 1975. С. 3 – 15.

Тема 5. ЗНАКОВЫЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

(по А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко)

Фразеологические единицы обладают многоярусной семантической структурой, образуемой разнородными элементами. В семантической структуре ФЕ своеобразно преломляется семантика слов, морфем и синтаксических конструкций.

В целом ряде работ семантическая структура фразеологической единицы рассматривается главным образом как система ее значений¹. При этом основное внимание уделяется выявлению характера отношений между отдельными значениями многозначной ФЕ. Трактовка семантической структуры многозначной единицы только как совокупности ее значений, «лексико-семантических вариантов»² приводит к отрыву содержания от формы его выражения.

Исследование семантической структуры многозначной единицы должно базироваться на анализе структуры отдельных ее значений, что вытекает из одного из категориальных признаков ФЕ – её раздельнооформленности. Обобщение результатов этого анализа позволяет установить закономерные соотношения между содержанием и формой каждой моносемемы и многозначной единицы в целом.

При исследовании семантической структуры ФЕ мы исходим из общности основных типов семантических элементов в структуре единиц языковой номинации разных уровней. <...> номинативная функция языковых единиц определяется как их способность обозначать элементы внеязыковой действительности. Согласно данному пониманию, к номинативным средствам языка принадлежат не только знаменательные слова, но все те элементы языковой системы, которые

¹ См., например: М. И. Сидоренко, 1969 ; В. И. Зимин, А. В. Никитин, 1971 ; Е. Б. Хатунцева, 1972.

² См., например: И. В. Арнольд, 1973.

служат для обозначения объектов, связей, качеств, отношений. «В принципе все формы языковой фиксации какого-либо факта или явления мира могут квалифицироваться как явление номинации», – справедливо подчеркивал Г. В. Колшанский¹.

Такая трактовка языковой номинации позволяет рассматривать номинативную функцию как глобальное свойство ФЕ, поскольку в их значении тем или иным образом отражаются различные элементы действительности. При этом, разумеется, номинативная функция ФЕ не только специализирует фразеологическое значение как значение особого типа, но и во многом обеспечивает постоянное взаимодействие фразеологизмов с единицами других языковых уровней (Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Золотых, 2000, 2004; В. М. Мокиенко, 2004). Выявление особенностей номинативной структуры ФЕ на таком межуровневом фоне ведет к определению их места в системе языковых знаков, способствует раскрытию природы фразеологического значения и установлению семантической специфики ФЕ в этой системе.

По определению Н. Ф. Алефиренко, «сущность фразеологического уровня языка заключается в том, что его объекты, будучи органично-целостной подсистемой в системе языка, характеризуются, в отличие от их конститuentов (элементов более низких уровней языковой структуры), неаддитивными особенностями, обусловленными эволюционно-эмергентными процессами фразеологических единиц»². В этом несколько усложненном терминологически определении, собственно, эксплицирована идея Б. А. Ларина о «добавочности смысла» фразеологии. Основная специфика фразеологического уровня по сравнению с другими определяется как такой «добавочностью», так и структурно-семантическими ограничениями, вытекающими из компликативной сущности ФЕ. Такая компликативность порождена внутренней динамичностью фразеологической системы, регулируемой оппозициями, имеющими системный и универсальный характер

¹ Колшанский Г. В. Лингво-гносеологические основы языковой номинации // Языковая номинация. Общие вопросы. С. 121.

² Алефиренко М. Ф. Теоретичні питання фразеології. Харків : Изд-во при Харьк. гос. ун-те, 1987. С. 15.

(В. М. Мокиенко, 1980). Ряд таких «энергетических» поляризаций во фразеологии велик, но не бесконечен. Их выявление, иерархизация и объективный анализ необходимы для дальнейшего постижения знаковой специфики столь непостижимого в своей противоречивости языкового уровня, как фразеология.

Глубокий анализ фразеологических знаков современного русского языка дан был еще в работах В. Л. Архангельского (1972; 1978). Определяя ФЕ как постоянную комбинацию словесных знаков, В. Л. Архангельский представляет значение ФЕ в виде системы лингвистических и экстралингвистических отношений и подразделяет последние на денотативные и десигнативные (сигнификативные)¹.

Важно четко дифференцировать денотаты и сигнификаты языковых знаков. Рассматривая денотат как предмет мысли, получивший наименование, необходимо отличать его от сигнификата как понятия о предмете мысли².

Представляется правомерным противопоставление понятия как абстракции, являющейся результатом логического процесса, предмету мысли как абстракции, возникшей непосредственно в практической деятельности на основе чувственных данных и являющейся более или менее ясным, нерасчлененным образом – представлением³.

Исходя из данного понимания предмета мысли, мы рассматриваем денотаты языковых знаков как общие представления, обычно более обобщенные и абстрактные, чем наглядно-чувственные образы материальных предметов. Иногда эти представления приближаются к

¹ Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1964. С. 213 – 214.

² Ср. определение сигнификата словесного знака как понятия, являющегося отражением существенных признаков единичного предмета или класса предметов, а денотата – как типового представления предмета реальной действительности, подпадающего под понятие, выражаемое данным знаком (А. А. Уфимцева, 1976).

³ См.: Е. К. Войшвилло, 1967, 108 – 109. Четкая дифференциация этих категорий проводится Л. О. Резниковым: «... И такие понятия-слова, как “мысль”, “чувство”, “желание” и т. п., имеют свой предмет, ибо сознанию, действительно, объективно присущи такие формы. Когда мы думаем о них, они выступают как предметы нашей мысли, которые отнюдь не следует смешивать с мыслью о них. Поэтому и слова, выражающие соответствующие мысли (понятия), обозначают и наименовывают их предметы (каковы бы они ни были), а не мысли о них» (1958).

наглядно-чувственным образам единичных предметов¹ (что характерно для денотатов тех языковых знаков, которые обозначают отдельно существующие чувственно воспринимаемые предметы), но чаще они представляют определенную степень абстракции от образа конкретного предмета или ситуации (таковы денотаты языковых знаков, обозначающих объекты, недоступные непосредственному чувственному восприятию – денотаты абстрактных имен существительных, глаголов, прилагательных, наречий и т. д.). Денотаты языковых знаков, являясь словесно обозначенными абстракциями, возникающими на чувственной ступени познания, представляют переходную форму от чувственной ступени познания к логической².

К знакам, способным обозначать предметы мысли и передавать соответствующую информацию, относятся слова, свободные словосочетания, предложения и фразеологические единицы. Следовательно, все эти единицы различных уровней языковой структуры являются самостоятельными единицами языковой номинации в отличие от морфем, которые не могут называть какие-либо явления и выражать понятия о них³.

Знаки, принадлежащие к различным уровням языковой структуры, обладают разного рода денотатами. При рассмотрении языковых знаков с точки зрения степени информативности разграничивают полные (или полноценные) коммуникативные знаки и неполные зна-

¹ В этом случае наглядно-чувственные образы единичных предметов фиксируются в памяти в функции представителей классов предметов. См. анализ взглядов на природу представлений: Б. А. Серебренников (1970).

² См. соответствующую характеристику «словесно выраженных общих представлений» (Е. К. Войшвилло, 1967).

³ Взгляд на предложение как на полноценный коммуникативный знак, знак ситуации получил распространение в исследованиях по семантическому синтаксису. См., например: Е. Л. Гинзбург, 1974 ; В. И. Кодухов, 1974.

Под ситуацией мы понимаем совокупность взаимосвязанных явлений, осмысленных языковым сознанием как единое целое, как определенный фрагмент действительности (ср. определение ситуации в работе В. Г. Гака. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. М. : Наука, 1972. С. 358 – 359). По характеру отражения ситуации могут быть разграничены предложения (отражающие ситуацию в целом) и словосочетания как частичные знаки ситуации, отражающие отношения отдельных элементов ситуации (см.: Т. А. Тулина, 1976). О денотатах предложений см.: Н. Д. Арутюнова, 1976.

ки¹. Фразеологические единицы в этом отношении неоднородны и могут быть соответственно подразделены на полные знаки (ФЕ-предложения) и неполные знаки (ФЕ, не выражающие законченной информации).

Свободные словосочетания и предложения лишены семантической стабильности и не выражают кодифицированных понятий. В отличие от значений свободных словосочетаний и предложений значение ФЕ входит в семантическую систему языка. Денотатами ФЕ в системе языка служат не индивидуальные, субъективные, а социально закрепленные, типизированные представления об определенных явлениях. Со своими денотатами ФЕ соотносятся через посредство сигнификатов, закрепленных языковым узусом². Во фразеологии такое соотношение несколько более детализировано в связи с общей «нюансюзацией» экспрессивности её семантики. Это хорошо демонстрируют конкретные исследования идеографических блоков ФЕ – например семантического поля «Множество» (И. М. Тепляков, 1983; В. Н. Вовк, 1976; Л. А. Ивашко, 1976; С. И. Кравцова, 1980; А. Г. Гринева, 1994). В этом фразеологическом поле обнаруживаются гораздо более тонкие и детализированные семантические характеристики категории квантитативности, чем в соответствующей лексике (Категория количества, 1990; М. Ю. Тихонова, 1971; И. В. Кашина, 1973 и др.). И это не случайно: ведь ФЕ в силу оценочности своей семантики могут быть отнесены к любым единичным явлениям или ситуациям, подводимым под их социально закрепленное денотативно-сигнификативное содержание.

Рассмотрим на конкретных примерах соотношение денотативного и сигнификативного содержания ФЕ в контексте.

Так содержание понятия, выражаемого устойчивой фразой *хоть трава не расти* (ее сигнификат), – характеристика определенного от-

¹ См. о значении морфем: В. М. Солнцев, 1971.

² У языковых единиц, обладающих денотативной отнесенностью, денотаты и сигнификаты неразрывно связаны, представляя две стороны одного и того же явления знаковой репрезентации. Сигнификат и денотат соотносятся между собой как содержание понятия и объем понятия. См.: А. А. Уфимцева, 1974.

ношения какого-либо лица к какому-либо явлению или обстоятельствам: полное безразличие, нежелание знать, действовать, принимать участие в чем-либо. Денотатом этой устойчивой фразы в системе языка является обобщенное представление о наличии лица, испытывающего равнодушие к какому-то явлению, обстоятельствам. Контекст конкретизирует лицо и обстоятельства, выявляя единичный денотат. Приведем пример контекстов, конкретизирующих содержание ФЕ *хоть трава не расти*:

*Нельзя исправлять свою повесть равнодушной рукой – испортишь, а не исправишь. Халтурщикам любые перемены, вносимые в текст, нипочем – им **хоть трава не расти**, лишь бы гонорар заплатили* (Чуковская Л. Рабочий разговор).

*Зоотехника мы приняли на работу такого, для которого **хоть трава не расти**... Вот и допустили падеж телят и овец...* (Батаев К. Корреспондент виноват).

*У лесника, как у крестьянина, нет в обычном понимании рабочего дня: исполнил урок, а там **хоть трава не расти*** (Марченко В. Равновесие).

В первом примере ФЕ *хоть трава не расти* передает полное равнодушие халтурщиков-литераторов к качеству своих произведений и пренебрежение к читателю, во втором – безразличие зоотехника к своему делу, пренебрежение своими обязанностями, в третьем – безразличие к тому, что происходит на работе вне пределов собственного рабочего дня. Данные формулировки отражают контекстуальное осмысление ФЕ *хоть трава не расти*, каждое из которых мотивировано той или иной ситуацией.

Характерно, что даже когда та или иная ФЕ подвергается достаточно активным трансформациям структуры, именно семантическая доминанта предохраняет её от окончательного разрушения и обеспечивает её адекватное понимание в контексте. Таковы, например, случаи контаминации ФЕ *хоть трава не расти* с выражениями, достаточно удалёнными от неё по фразеологической семантике – *порастит травой* и *после меня хоть потоп*. В первом случае семантическую

стабильность исходного оборота поддерживает сходный образ с ФЕ-контаминантом, во второй же практически единственным связующим звеном становится уступительный союз *хоть*:

Гг. Леманы не видят ни отечества, ни литературы – все это для них вздор; они замечают только чужой успех и свой неуспех, а остальное хоть травой порости (Чехов А. Письмо А. Н. Плещееву, 25 окт. 1888).

И совершенно безразлично было ему, кто останется после него... «После меня хоть трава не расти» (Овечкин В. Об инициативе и талантах).

Денотативные и сигнификативные отношения, составляющие основу значения номинативных единиц языка, всегда существуют нераздельно. В случаях актуализации единичных денотатов, как бы разнообразны они ни были, сохраняется понятийное ядро знака, обеспечивающее его семантическое тождество во всех случаях употребления, стабильность номинативной функции.

Мелерович А. М., Мокиенко В. М.
Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. С. 24 – 30.

**Тема 6. К ПОНЯТИЮ ДИСТРИБУЦИИ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ**
(по Н. Л. Шадрину)

Как известно, понятие дистрибуции языковых элементов, впервые сформулированное представителями американского структурализма (дескриптивной лингвистики), применялось в их собственной исследовательской практике для анализа лишь фонологических и грамматических явлений. Такое ограничение становится вполне объяснимым и методологически оправданным, если учесть, что процедуру дистрибутивного анализа первоначально проще и удобнее всего строить именно на материале фонологии и грамматики, который (особенно в его фонологической части) содержит меньше дифференциальных признаков, легче поддается формализации и в несравненно меньшей степени связан с семантическими факторами, чем материал лексики и фразеологии. Нет, однако, никаких оснований полагать, будто дескриптивисты заведомо отвергали саму принципиальную возможность выхода дистрибутивной методики за пределы фонологии и грамматики. Показательным в этом смысле представляется замечание З. Хэрриса о том, что дескриптивная лингвистика считает своей главной целью исследовать «отношение порядка расположения (дистрибуция) или распределения (аранжировка) в процессе речи отдельных ее частей или признаков относительно друг друга»¹. Отсюда можно заключить, что поскольку в процессе речи отдельные ее части или признаки манифестируются единицами не только фонологического, морфологического или синтаксического, но и любого другого языкового уровня, то применение дистрибутивной методики в принципе допускается при изучении единиц каждого из них. Неудиви-

¹ Хэррис З. С. Метод в структуральной лингвистике // Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. В 2 ч. Ч. II. М.: Просвещение, 1965. С. 210.

тельно поэтому, что в лингвистике высказывается точка зрения, согласно которой понятие дистрибуции может распространяться «на все уровни языка, в том числе и на лексику, т. е. наиболее трудную и не поддающуюся пока упорядочению сферу языка»¹. То же самое в полной мере относится и к сфере фразеологии. Впрочем, в научной действительности так и происходит: термин «дистрибуция» начал употребляться по отношению к ФЕ (фразеологическим единицам) уже в 50-е годы², а в настоящее время им оперируют многие лингвисты.

Изучение специальной литературы заставляет, однако, усомниться в правомерности простого и, по сути дела, чисто механического перенесения этого термина с фонологических и грамматических объектов на объекты фразеологические. Чтобы разрешить это сомнение, следует прежде всего обратиться к первоначальному определению самого понятия дистрибуции.

По формулировке З. Хэрриса, дистрибуция языкового элемента есть «совокупность всех окружений, в которых он встречается, т. е. сумма всех (различных) позиций (или употреблений) элемента относительно употреблений других элементов»³.

Какими же могут быть эти «другие элементы», относительно которых выявляется дистрибуция данного элемента? Очевидно, они могут быть элементами только того же языкового уровня. «Между элементами одного уровня имеют место *дистрибутивные* отношения, между элементами разных уровней – *интегративные*»⁴.

Хотя об обязательной принадлежности элементов, находящихся в дистрибутивных отношениях к одному и тому же лингвистическому уровню в вышеприведенном определении прямо не говорится, эта мысль присутствует в нем имплицитно, на что можно найти ряд указаний в тексте работы З. Хэрриса. Достаточно привести одно из них:

¹ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М. : Наука, 1973. С. 12.

² Например, в статье Ю. Найда, опубликованной в 1959 г., указывалось, что определить значение идиом позволяет отнюдь не знание дистрибуций всех ее лексических компонентов, а лишь знание дистрибуции всего оборота в целом. См.: Nida E. A. *Toward a Science of Translating*. Leiden : E. J. Brill, 1964. P. 28.

³ Хэррис З. С. Указ. соч. С. 219.

⁴ Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М. : Прогресс, 1974. С. 134.

«Сначала устанавливаются дифференциальные фонологические элементы и исследуются отношения между ними. Затем определяются морфологические элементы и исследуются отношения между ними»¹. Напрашивается вывод, что однопорядковость элементов, подлежащих дистрибутивному анализу, представлялась автору чем-то само собой разумеющимся и потому не нуждающимся в специальном упоминании. Однако важность этого момента требует, чтобы он получил эксплицитное отражение в формулировке понятия дистрибуции. Такому требованию отвечает формулировка, предлагаемая Ю. С. Степановым: «Под дистрибуцией элемента понимается совокупность окружений, состоящих из одноименных с ним элементов, в которых данный элемент может встретиться в речи: для фонемы – это предшествующие и последующие фонемы, для морфемы – предшествующие и последующие морфемы, для слов – предшествующие и последующие слова»².

Если распространить это определение на сферу фразеологии, то придется допустить, что дистрибуция фразеологизма есть совокупность окружений, состоящих из предшествующих и последующих фразеологических единиц. Но такое допущение абсолютно нереально, поскольку речевой поток не может состоять из одних лишь фразеологизмов: даже в специально составленных текстах невозможно обойтись без какой-то доли лексических единиц – вспомогательных и служебных слов, имен собственных и т. п. Это обстоятельство заводит вопрос о дистрибуции фразеологических единиц в тупик, выйти из которого можно одним из трех путей: либо стать на точку зрения об уровне тождественности единиц лексики и фразеологии, либо вообще отказаться от термина «дистрибуция фразеологических единиц» ввиду неприложимости самого понятия дистрибуции к фразеологическим объектам, либо, наконец, условиться, что термином «дистрибуция фразеологических единиц» должно обозначаться понятие, содержание которого отличается от содержания понятия дистрибуции в сфере фонологии, грамматики и лексики.

¹ Хэррис З. С. Указ. соч. С. 211.

² Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М. : Просвещение, 1975. С. 231 – 232.

При поверхностном взгляде первый путь представляется весьма заманчивым. В самом деле, к числу систем элементов, каждая из которых, по словам З. Хэрриса, «покрывает собой протяженность всех высказываний»¹, можно с полным основанием отнести и общую лексико-фразеологическую систему, поскольку любое высказывание может быть полностью идентифицировано не только как комплекс элементов фонетики или морфематики, но и как комплекс элементов лексики и фразеологии.

Однако при более внимательном рассмотрении становится ясно, что вопрос о дистрибуции ФЕ следует отделить от вопроса об уровне статусе фразеологии. Независимо от того, решается ли последний в пользу выделения самостоятельного фразеологического уровня языка (В. Л. Архангельский, А. В. Кунин) или против такого выделения (В. М. Никитин, В. Н. Телия), нельзя не видеть, что в дистрибутивном плане между единицами лексики и фразеологии имеются не только моменты определенного сходства, но и моменты весьма значительного расхождения, что заставляет считать их единицами разнорядковыми.

Эти расхождения вполне естественны и объясняются кардинальными различиями структурно-семантического и функционального характера, наблюдаемыми между словами и фразеологизмами. Достаточно сослаться в этой связи на существование ФЕ со структурой предложения, о дистрибуции которых нельзя говорить в том смысле, в каком говорится о дистрибуции слов. Больше того, о дистрибуции фразеологизмов-предложений вообще не приходится вести речь, если исходить из бытующего среди ряда ученых мнения о том, что специфическую дистрибуцию имеет каждая лингвистическая единица, но только ниже уровня предложения². Обосновывая такой взгляд, Дж. Лайонз пишет: «Предложение – это грамматическая единица, между составными частями которой можно установить дистрибуционные ограничения и зависимости, но которая сама не может быть

¹ Хэррис З. С. Указ. соч. С. 224.

² См., например: Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М.: Прогресс, 1978. С. 86.

помещена в какой-либо дистрибуционный класс. Это равносильно утверждению, что понятие дистрибуции, основанное на возможности подстановки, просто неприменимо к предложениям»¹.

Если принять данную точку зрения без оговорок, то придется признать, что понятие дистрибуции может относиться к ФЕ со структурой словосочетания и не может относиться к ФЕ со структурой предложения. Надо сказать, что эта точка зрения находит своих сторонников. Например, Ф. Г. Гусейнов рассматривает вопрос о дистрибуции в зависимости от того, к какому виду устойчивых сочетаний принадлежат фразеологизмы – к структурно невыполненным (т. е. словосочетаниям) или структурно выполненным (т. е. предложениям). Первые, как считает этот автор, имеют собственную дистрибуцию, вторые (например, пословицы) – не имеют².

Такой подход представляется неприемлемым уже хотя бы потому, что разрушает единство фразеологического состава как целостного лингвистического объекта. Чтобы сохранить это единство, необходимо оставаться на почве принципиально одинакового отношения всех разрядов и типов ФЕ к вопросу о дистрибуции: как неправильно говорить о том, что одни фонемы или морфемы имеют дистрибуцию, а другие ее не имеют, то столь же неправильно говорить, будто одни фразеологизмы (или структурно-семантические разряды фразеологии) имеют дистрибуцию, а другие не имеют.

Правда, сохранить единство фразеологии при дистрибутивном анализе можно и иным способом, а именно исключением из ее состава устойчивых оборотов со структурой предложения. Тогда вопрос об их дистрибуции отпадает сам собой. Фактически это и предлагает Ф. Г. Гусейнов, когда говорит о том, что отсутствие структурных связей отличает пословицы от фразеологических единиц. Но такую возможность следует отвергнуть, ибо языковая действительность неоспоримо свидетельствует о том, что устойчивые предложения составляют неотъемлемую часть фразеологической системы, поскольку

¹ Лайонз Дж. Указ. соч. С. 185.

² Гусейнов Ф. Г. К характеристике дистрибутивных свойств фразеологических единиц // Ученые записки Азербайджанского университета. 1973. № 1. С. 24. Серия «Язык и литература».

обладают в той или иной степени всеми основными свойствами фразеологизмов, в том числе идиоматичностью. Это в полной мере относится и к пословицам. Так, например, настоящей идиомой является английская пословица *The gray mare is the better horse*, целостное значение которой («жена верховодит в доме») не может быть выведено из значений составляющих ее лексических компонентов¹.

Интересно отметить в этой связи, что Дж. Лайонз относит пословицы к таким категориям высказываний, «которые не подлежат непосредственному ведению грамматики» и которые он называет вслед за Соссюром «готовыми речениями» («locutions toutes faites»): это – «выражения, усваиваемые как неразложимое целое и употребляемые в соответствующих случаях носителями языка»². В качестве примеров «готовых речений» Дж. Лайонз приводит пословицы *Easy come, easy go* («Как нажито, так и прожито», букв. «Легко придет, легко уйдет»); *All that glitters is not gold* («Не все то золото, что блестит») и замечает далее: «Со строго грамматической точки зрения такие высказывания едва ли целесообразно рассматривать как предложения, даже несмотря на то, что они дистрибуционно независимы... Их внутреннюю структуру, в отличие от настоящих предложений, нельзя описать посредством правил, определяющих допустимые сочетания слов. ...их следует описывать простым перечислением в словаре с указанием ситуаций, в которых они употребляются, и их значения»³. Это весьма примечательное положение, из которого ясно вытекает, что пословицы принадлежат к лексико-семантическим (точнее, к фразеологическим) средствам языка и что поэтому вопрос об их дистрибуции нельзя рассматривать с формально-синтаксических позиций, как это делается по отношению к переменным предложениям.

К такого же рода «готовым речениям» принадлежат и устойчивые предложения непословичного и вообще неафористического типа, которые обладают столь бесспорным признаком фразеологичности, как полностью или частично переосмысленное значение. Здесь

¹ Кунин А. В. Указ. соч. // Англо-русский фразеологический словарь. М. : ГИИНС, 1955. С. 8.

² Лайонз Дж. Указ. соч. С. 189.

³ Там же. С. 190.

уместно привести высказывание американского семасиолога А. Рапорта, который, иллюстрируя результат фразеологизации переменных сочетаний слов на примере традиционного оборота *How do you do?*, справедливо указывает, что это вопросительное предложение является в современном языке обычной идиомой: «Значение этого “вопроса” не может быть выведено ни из буквальных значений входящих в него слов, ни из метафорической аллюзии. Первоначально это был вопрос о состоянии здоровья человека или, в более общем смысле, о положении его дел. Теперь это просто формула, произносимая при знакомстве. Значение отдельных слов исчезло. Теперь значение имеется лишь у всего оборота в целом...»¹.

Таким образом, устойчивые предложения с полностью или частично переосмысленным значением являются полноправными элементами фразеологической системы языка и, следовательно, вопрос о дистрибуции должен ставиться и решаться для них в том же плане, что и для фразеологизмов, построенных по модели словосочетания.

Впрочем, и для последних этот вопрос не может рассматриваться совершенно с тех же позиций, что и для отдельных слов или переменных словосочетаний. Возьмем, к примеру, глагольные обороты, имеющие структуру словосочетания при употреблении в действительном залоге и структуру предложения при употреблении в страдательном залоге (так называемые номинативно-коммуникативные ФЕ). Поскольку, скажем, выражение *to pull somebody's leg* («дурачить кого-либо») означает то же самое, что и однословный глагол *to befool*, то можно сказать, что при употреблении в действительном залоге оно имеет одинаковую с этим глаголом синтаксическую дистрибуцию; при употреблении же в страдательном залоге оно трансформируется в предложение (*Somebody's leg is being pulled*) и потому, если исходить из точки зрения Ф. Г. Гусейнова, дистрибуции не имеет, в отличие от односложного глагола, который сохраняет свои дистрибутивные связи и при употреблении в страдательном залоге (*Somebody is being befooled*). Но так как лингвистическая сущность рассматриваемого оборота в результате указанной грамматической трансформации не меня-

¹ Rapoport A. Semantics. New York : Crowell, 1975. P. 145.

ется (он полностью сохраняет свое тождество как ФЕ), то выходит, что при одном способе употребления он имеет дистрибуцию, а при другом – не имеет. Ясно, что с таким выводом согласиться нельзя.

Об аналогичности дистрибуции слов и ФЕ не приходится говорить также и потому, что дистрибуция фразеологизма, как правило, не совпадает с дистрибуцией ни одного из составляющих его лексических компонентов, когда они воспринимаются как слова свободноупотребления. Проиллюстрируем это на примере словосочетания *red herring*, в котором заложен троякий смысл. «Хотя выражение *red herring* обычно означает отвлекающий маневр, оно может означать также и копченую селедку, а теоретически также и селедку, которую по какой-то причине выкрасили в красный цвет»¹. В последнем случае словосочетание *red herring* не имеет переносного значения и потому не относится к фразеологии². Оно является и структурно, и семантически эндоцентрической конструкцией, т. е. конструкцией, «дистрибуция которой совпадает с дистрибуцией одной или более из ее составляющих». Идиома же *red herring* представляет собой семантически экзоцентрическую конструкцию, т. е. сочетание слов, общий смысл которого невыводим из значений составляющих его лексических элементов, и для нее справедливо замечание Ю. Найда о том, что «семантически релевантная дистрибуция таких единиц не может быть описана в терминах дистрибуции их частей, а должна рассматриваться как единое целое»³.

Неадекватность отождествления дистрибуции слова и ФЕ можно еще более наглядно увидеть на примере словосочетания *poor John*. Если обратиться, вслед за Дж. Лайонзом, к известному предложению Блумфилда *Poor John ran away* («Бедный Джон убежал»), то окажется-

¹ Diller H.-J., Kornelius J. *Linguistische Probleme der Übersetzung*. Tübingen : Niemeyer, 1978. P. 23.

² Это остроумно показывает один из исследователей английской идиоматики, трансформируя словосочетание *red herring* в семантически равноценную, но не обладающую признаками идиоматичности словесную группу *herring that is red* – «селедка, которая красная». См.: Newmeyer F. J. *The Regularity of Idiom Behaviour* // *Lingua*, 1974. № 34. P. 336.

³ Nida E. A. *Principles of Translation As Exemplified by Bible Translating* // *On Translation*. Cambridge (Mass.) : Harvard University Press, 1959. P. 11.

ся, что «знаменитое теперь словосочетание *poor John* является эндоцентричным, поскольку оно имеет ту же дистрибуцию, что и его составляющая *John*; любому английскому предложению, в котором встретится *John*, обычно можно сопоставить другое предложение, в котором в такой же позиции находится *poor John*»¹. Однако подобное сопоставление можно провести лишь в том случае, если словосочетание *poor John* понимается как свободное. Если же понимать его как идиоматическое, служащее для обозначения сушеной мерлузы (рыбы из семейства тресковых), то оно в силу своей семантической экзоцентричности не может быть заменено словом *John*, которое находится в той же синтаксической позиции. Например, нельзя вместо *I like poor John* «Мне нравится сушеная мерлуза» сказать *I like John* «Мне нравится Джон» ввиду несопоставимости смысла обоих предложений. Следовательно, семантическая дистрибуция ФЕ *poor John* не совпадает с дистрибуцией не только отдельного слова *John*, но и с дистрибуцией переменного словосочетания *poor John*. Поэтому в предложении типа *Poor John stole some poor John and ran away* («Бедный Джон украл немного сушеной мерлузы и убежал») первое словосочетание *poor John* воспринимается только как свободное, а второе – только как идиоматическое.

Таким образом, по соображениям структурного, семантического и стилистического порядка понятие дистрибуции ФЕ не может считаться полностью идентичным тому же понятию не только в сфере фонологии и грамматики, но и в сфере лексики. Следовательно, необходимо либо вообще отказаться от применения термина «дистрибуция» по отношению к единицам фразеологии ввиду его несоответствия содержанию этого понятия, либо согласиться с тем, что применительно к таким единицам в понятие дистрибуции должно вкладываться несколько иное содержание. Первое вряд ли целесообразно, поскольку этот термин уже прочно вошел в научный обиход и понимается однозначно благодаря существующим аналогиям. Гораздо правильнее будет поэтому сохранить его, уточнив, разумеется, само содержание понятия дистрибуции ФЕ.

¹ Лайонз Дж. Указ. соч. С. 246.

Такое уточнение должно предусматривать прежде всего расширение понятия дистрибуции по двум направлениям. Первое – дистрибуция ФЕ определяется не только по отношению к другим элементам фразеологической системы, но и по отношению к элементам лексики. Несомненно, прав А. В. Кунин, считающий «вполне правомерным более широкое толкование дистрибутивного анализа, при котором изучение ФЕ основывается на их распределении в отношении самых различных элементов в потоке речи»¹. Второе – понятие дистрибуции распространяется на все структурно-семантические типы ФЕ, в том числе и на фразеологизмы-предложения.

Понятие дистрибуции ФЕ должно быть шире, чем понятие их сочетаемости. «Сочетаемость – не единственный способ контекстной реализации ФЕ, хотя и самый распространенный. Тремя другими способами являются соотнесенность, сцепление и присоединение»². А. В. Кунин характеризует все упомянутые способы следующим образом.

Сочетаемость – это набор актантов, т. е. распространителей номинативной единицы языка, определяющийся семантическими и грамматическими особенностями номинативного элемента при его реализации в речи. Соотнесенность – это контактная или дистантная позиция, в которой семантически реализуемая ФЕ актуализируется в зависимости от сообщения о ситуации. (В этой позиции наиболее часто встречаются междометные ФЕ, ФЕ со структурой предложения, выступающие самостоятельно, а не в составе сложного предложения, ФЕ со структурой словосочетания, употребляющиеся самостоятельно и реализующиеся в сверхфразовом контексте, и ФЕ-заголовки). Сцепление – это сочинительная, т. е. соединительная, сопоставительная или разделительная связь предложений, в том числе и ФЕ-предложений в составе сложносочиненного предложения. Присоединение – это подчинительная связь предложений, в том числе и ФЕ-предложений в составе сложноподчиненного предложения³.

¹ Кунин А. В. Фразеологические единицы и контекст // Иностранные языки в школе. 1971. № 5. С. 8.

² *Его же*. О фразеологической сочетаемости // Проблемы сочетаемости слов : сб. науч. тр. МГПИИЯ. Вып. 145. М. : [б. и.], 1979. С. 113.

³ *Там же*. С. 113 – 114.

Таким образом, в объем понятия дистрибуции ФЕ включается не только их сочетаемость, но и соотнесенность, сцепление и присоединение, что позволяет квалифицировать дистрибуцию фразеологизмов как совокупность всех видов их связи с окружающим контекстом. Наблюдаемые факты полностью подтверждают обоснованность такого расширения объема рассматриваемого понятия.

Поскольку дистрибуция элемента определяется как сумма отношений этого элемента к другим элементам, то о дистрибуции ФЕ можно говорить лишь в терминах отношений всего оборота, воспринимаемого как целостный элемент, к другим лексико-фразеологическим элементам, окружающим его в речевой цепи. Иными словами, в понятие дистрибуции ФЕ не входят отношения отдельных лексических компонентов друг к другу или к внешнему словесному окружению. Поэтому вызывает возражение тезис В. Л. Архангельского о существовании двух видов дистрибуции ФЕ – внешней и внутренней¹, между которыми усматривается следующее различие: «Описание фразеологических объектов в терминах отношений между их частями можно назвать *внутренней дистрибуцией* ФЕ; логическим продолжением этого метода изучения является описание ФЕ в терминах отношений ее частей и самой ФЕ к словесному окружению в речи; это описание называется *внешней дистрибуцией* ФЕ»². Однако если учесть, что дистрибуция элемента – это его распределение относительно других элементов, то ни о какой внутренней дистрибуции не должно быть и речи, потому что элемент не может распределяться по отношению к другим элементам внутри самого себя. Когда говорят о дистрибутивных отношениях, существующих между частями ФЕ, то объектами дистрибутивного анализа оказываются уже не сами ФЕ как таковые, а их составные части. В таких случаях, следовательно, речь идет не о «внутренней» дистрибуции ФЕ, а о совершенно другой дистрибуции, т. е. о дистрибуции структурных компонентов фразеологизма.

¹ Архангельский В. Л. Вопрос о дистрибуции фразеологических единиц // Вопросы изучения русского языка. Ростов н/Д. : [б. и.], 1963. С. 19.

² Там же. С. 188.

Обратим теперь внимание на то, что дистрибуция, согласно определению, – это совокупность *всех* окружений, в которых встречается данная языковая единица. Установление именно всех окружений (т. е. полной дистрибуции) вполне реально на фонологическом уровне, где исследователь имеет дело с ограниченным количеством элементов и конечным числом их позиций по отношению друг к другу. На этом уровне явления речевого и языкового порядка фактически совпадают¹. Что же касается единиц лексики и фразеологии, то составить перечень всех окружений, в которых встречаются такие единицы, вообще невозможно. Ведь даже в области грамматики, элементы которой отличаются гораздо меньшим количеством, разнообразием и комбинаторным потенциалом, чем элементы фразеологии и лексики, сделать это далеко не просто, ибо «если на фонологическом уровне может быть учтена и проанализирована полная дистрибуция каждого элемента, то в сфере грамматики, в которой в сущности нет двух морфем, обладающих совершенно идентичным распределением, тотчас встал вопрос об отборе наиболее показательных дистрибутивных признаков»². В еще большей мере это относится к сфере лексики. В лингвистической литературе встречаются указания на то, что дистрибуции словесного знака практически и теоретически не имеют границ³. Но то же самое можно сказать и об элементах фразеологии. Поэтому дистрибуцию как лексического, так и фразеологического элемента целесообразно представлять «в некотором обобщенном виде, а не в виде перечисления всех без исключения контекстов, в которых он встречается».

¹ Это подтверждается даже теми случаями, которые можно отнести к разряду исключительных. Так, если в русской фонологической системе не допускается соположение фонем <ш> и <х>, то они встречаются совместно только в заимствованных словах вроде «шхуна, шхера, Вахш»; с другой стороны, совместная встречаемость этих фонем в слове служит безошибочным сигналом того, что данное слово не является исконно русским.

² Арутюнова Н. Д., Булыгина Т. В. Основные принципы и методы структурного анализа // Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М. : Наука, 1973. С. 194.

³ Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М. : Наука, 1968. С. 86, 205.

Такое обобщение должно идти прежде всего по линии разграничения узуального и окказионального употребления фразеологических единиц. На неодинаковое отношение этих двух видов употребления к вопросу о дистрибуции фразеологизмов указал в свое время В. Л. Архангельский, который писал: «Полезно разграничивать внешнюю потенциальную и реальную дистрибуции ФЕ. Под первой понимается способность ФЕ как единицы системы языка употребляться в лексических окружениях определенных типов; под второй – употребление ФЕ в реальном словесном окружении в каждом конкретном акте речевого общения»¹.

На наш взгляд, правильно отмечая сам факт существования дистрибутивных различий при узуальном и окказиональном употреблении ФЕ, В. Л. Архангельский неточно трактует существо этих различий. В самом деле, если при узуальном употреблении фразеологизма его реальная дистрибуция всегда остается в пределах потенциальной, то при окказиональном употреблении того же фразеологизма вне свойственных ему лексических окружений определенных типов реальная дистрибуция оказывается как бы шире потенциальной, что принципиально невозможно, ибо реализоваться способно лишь то, для чего имеются потенциальные предпосылки. Таким образом, если уж говорить о потенциальной дистрибуции ФЕ, то под ней следует понимать всю совокупность окружений, в которых могут встретиться ФЕ при их узуальном и окказиональном употреблении. Но такое понимание ничего не дает, так как возможности окказионального употребления ФЕ безграничны и столь же безграничной является их потенциальная дистрибуция.

Представляется поэтому, что при определении дистрибуции ФЕ следует исходить из критерия языковой нормы. Тогда под дистрибуцией будет пониматься совокупность не всех окружений, а лишь тех, которые встречаются при узуальном употреблении фразеологизмов. С этим вполне согласуется указание З. Хэрриса на то, что дистрибу-

¹ Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Указ. соч. С. 188.

тивный анализ имеет дело не с речевой деятельностью в целом, а с регулярностями определенных признаков речи, регулярностями, которые заключаются в повторяемости этих признаков относительно друг друга в пределах высказываний¹.

Ясно, что регулярное повторение одних и тех же признаков речи происходит только в тех контекстах, в которых фразеологизмы употребляются нормативно, т. е. без отклонений от закрепленной в языке структуры, семантики, предметной отнесенности и стилистической характеристики, и, наоборот, не происходит при окказиональном употреблении, имеющем единичный, разовый характер. Поэтому неверно по отношению к фразеологии звучит утверждение Дж. Лайонза о том, что дистрибуцию лингвистической единицы составляет все множество контекстов, в которых она может встречаться². Как правильно замечает В. И. Григорьев, «в целях дистрибутивной классификации просто выявляются характерные контексты (окружения)...»³. Это происходит, конечно, на основе анализа синтагматических, текстовых отношений, но обобщение результатов такого анализа имеет своим итогом установление дистрибутивной нормы данной ФЕ. Вполне убедительным поэтому представляется высказанное Л. Н. Засориной мнение о том, что понятие дистрибуции содержит в себе явления парадигматического плана и что дистрибуция дает парадигматическую характеристику элемента в системе⁴. Отсюда вытекает, что всякое употребление фразеологического оборота в необычном, несвойственном ему окружении следует рассматривать не как проявление дистрибуции этого оборота, а как нарушение его дистрибутивной нормы.

При анализе дистрибуции ФЕ должны учитываться различные факторы. Не отрицая значения позиционных и синтаксических связей для определения дистрибуции фразеологизмов, построенных по модели словосочетания, следует в то же время указать, что для выявле-

¹ Хэррис З. С. Указ. соч. С. 210.

² Лайонз Дж. Указ. соч. С. 156.

³ Григорьев В. И. Что такое дистрибутивный анализ // Вопросы языкознания. 1959. № 1. С. 103.

⁴ Засорина Л. Н. Введение в структурную лингвистику. М. : Высш. шк., 1974. С. 164, 294.

ния дистрибуции ФЕ, принадлежащих всем без исключения структурно-семантическим разрядам, особую важность имеют связи семантические, предметно-логические, а также стилистические. Ведь «понятие контекста, учитываемого при анализе дистрибуционных различий лексических (и фразеологических – *Н. Ш.*) единиц, может быть расширено за счет включения стилистических контекстов, в которых может встречаться та или иная единица...»¹.

Все вышеизложенные соображения подтверждают, что термин «дистрибуция» вполне приложим к единицам фразеологии. Принимая во внимание специфические особенности фразеологии в аспекте дистрибутивной методики, можно заключить, что дистрибуция фразеологической единицы – это совокупность всех контекстов (семантических, ситуационных, стилистических), в которых регулярно встречается данная единица. Таким образом, понятие дистрибуции ФЕ имеет нормативный характер, поэтому употребление фразеологизма в несвойственном ему контексте можно назвать нарушением дистрибутивной нормы.

Шадрин Н. Л. К понятию дистрибуции фразеологических единиц // Филологические науки. 1985. № 3. С. 55 – 61.

¹ Швейцер А. Д. Литературный английский язык в США и Англии. М. : Высш. шк., 1971. С. 108.

Тема 7. КАКОГО ЦВЕТА ПОСЛОВИЧНАЯ КАРТИНА МИРА?

(по Е. В. Ивановой)

Восприятие мира в красках – неотъемлемая и неопределимая особенность человеческого видения. На основе анализа цветового восприятия можно судить не только о психических и интеллектуальных чертах индивида, но и о «цветовом зрении» общества в целом. Концептуализация цветовых ощущений и символика цвета образуют важную составляющую культуры – живописи и поэзии, религии и языка. Изучением наименований цвета в целях определения специфики его осознания народом занимаются этнопсихологи и этнолингвисты, а с возникновением когнитивной науки – когнитологи. Эти исследования, призванные воссоздать так называемую наивную картину цвета, отличную от научной модели цветового пространства, основаны прежде всего на психолингвистических экспериментальных данных и сконцентрированы вокруг собственно имен цвета. Они дают материал для когнитивной интерпретации цветового мировосприятия и лингвистического описания семантики слов – имен цвета.

Не менее интересен и другой подход – изучение наименований цвета как составляющих процесса вторичной языковой номинации – семантической и словообразовательной деривации, образования фразеологических единиц и пословиц. В результате таких исследований возможно установить своего рода «цветовые связи и отношения», проявляющиеся в языковой картине мира, описать «метафору цвета». Подобный подход основан на сочетании традиционного семантического и когнитивного анализов.

Настоящая статья посвящена описанию и сопоставлению концептуализации цвета в английской и русской пословичных картинах мира. Образно говоря, в ее задачу входит установить, какого цвета две пословичные картины мира. Насколько известно автору статьи,

этот вопрос никогда специально не рассматривался ни отечественной, ни зарубежной паремиологией.

Исследование пословичного восприятия цвета предполагает, во-первых, реконструкцию концептов цвета на основе признаков-характеристик, вычленяемых при анализе когнитивного пространства пословиц. Понятие пословичного когнитивного пространства (или когнитивной структуры), лежащего в основе пословичной картины мира, отличается от понятия семантического поля. При описании семантического поля отношения между языковыми единицами устанавливаются на основе их значения. Семантика внутренней формы во внимание не принимается, а языковая оболочка существования единиц семантического пространства определяет дискретность его распределения. При описании когнитивного пространства в равной мере учитывается значение и внутренняя форма языковой единицы. Главная задача состоит в выделении отрезков знания, когнитивом, из которых слагаются пословичные концепты и прототипы. Установление отношений между носителями семантического материала, в данном случае пословицами, не является важным.

Анализируя отрезки знания, относящиеся в пословицах к цвету, возможно установить, какие объекты в пословичном мире окрашены в этот цвет, для каких объектов тот или иной цвет является постоянным признаком, так что они представляют собой некие эталонные носители этого цвета, с какими абстрактными понятиями ассоциируется тот или иной цвет. Описание подобных признаков-характеристик – концептуальных когнитивом – и составляет суть процесса реконструкции концептов цвета (как и любых пословичных концептов).

Помимо последовательного описания пословичных концептов цвета, исследование пословичного «видения мира в цвете» предполагает и выделение тех пословичных концептов, для которых цветовая характеристика является более или менее устойчивой. Безусловно, что данный этап исследования представляет собой своего рода зеркальное отражение той реконструкции, которая осуществляется в отношении собственно концептов цвета. Но он важен для полноты представления «цветовой палитры» пословичной картины мира.

В соответствии с когнитивным подходом к значению как к концептуальной структуре, значение и внутреннюю форму пословицы (буквальное значение, выявляемое при буквальном прочтении пословицы) можно рассматривать как две взаимодействующие и взаимопроницающие концептуальные структуры, хранящие два вида знаний о мире: обобщенное и конкретно-наглядное.

Принципиально важным для анализа семантики пословицы является то, что весь содержательный план внутренней формы пословицы (когнитивный уровень внутренней формы) рассматривается как соотношенный с содержательным планом значения (когнитивным уровнем значения). Например, ситуация, описанная внутренней формой пословицы *Every bean has its black*, целиком взаимодействует с ситуацией, связанной с значением данной пословицы *Everybody / everything has his / its fault*.

В то же время, как и всегда при анализе сложных языковых процессов, можно отметить и действие обратной тенденции: особенно при повторе направления переосмысления происходит образование устойчивых ассоциативных связей между отдельными компонентами внутренней формы и значения. Так, А. Крикманн пишет о том, что солнце и тучи ассоциируются в пословицах с хорошим или плохим настроением, с удачей, радостью или бедой, печалью¹. В приведенной выше английской пословице есть семантическая связь между компонентом внутренней формы *black* и компонентом значения *fault*. Таким образом, в семантическом пространстве пословицы, с одной стороны, существует отношение в целом между внутренней формой и значением; с другой стороны, могут существовать устойчивые связи между компонентами внутренней формы и компонентами значения. Последнее важно учитывать при анализе пословиц с цветообозначениями, поскольку в них такая связь весьма прозрачна.

Следует отметить, что семантика пословицы сложна, выделение в семантическом пространстве двух уровней и двух видов семантического взаимодействия – между уровнями в целом и между отдельными

¹ Krikmann A. On Denotative indefiniteness of Proverbs. Tallin : Academy of Sciences of the Estonian SSR, 1974. P. 30 – 33.

ми компонентами на этих уровнях – не охватывает всего разнообразия семантических связей и ассоциаций. Например, отдельные компоненты пословицы могут подвергаться метафорическому переосмыслению и входить в состав внутренней формы в качестве живых метафор, участвующих в общей пословичной метафоре, связывающей два ее уровня. Подобное совмещение метафор присутствует в пословицах с цветообозначениями.

В английском пословичном корпусе из приблизительно 6000 единиц встретилось всего 62 пословицы с лексемами цвета (1 %). Общее количество лексем цвета составляет 76. В русском на 8000 единиц приходится 104 пословицы со 123 лексемами цвета (1,3 %). В обеих пословичных картинах мира преобладают ахроматические цвета – черный, белый и серый.

В английском материале отмечено 19 пословиц с лексемой *black*, 6 пословиц с лексемой *white* и 10 пословиц, в которых представлены одновременно обе лексемы.

В пословицах с лексемой *black* черным цветом окрашен либо весь названный во внутренней форме объект, либо его часть:

There is a black sheep in every flock.

Every family cooking-pot has one black spot.

Every bean has its black.

В первой пословице на уровне внутренней формы *black sheep* используется не как фразеологическая единица, имеющая значение «a person regarded as a disgrace to the family or community», а в своем прямом значении, в пользу чего свидетельствует сочетаемость с компонентом *flock* («a group of sheep, goats or birds of the same type»). Во второй пословице в компоненте *black* совмещаются значения «having the very darkest colour» и «very dirty». Чисто зрительное восприятие выделяющегося по своему черному цвету пятна на поверхности кастрюли совмещается с пониманием того, что причиной цвета является грязь, копоть. Вряд ли можно говорить о реализации здесь исключительно второго значения лексемы. Скорее всего, происходит соединение обоих, порождая двойные ассоциативные связи с уровнем значения пословицы. Тем самым проявляется тезис когнитивной се-

мантики о расплывчатости границ между значениями одного слова и плавности перехода от одного к другому¹.

В семантическом пространстве приведенных пословиц компонент *black* соотносится на уровне значения с понятием несовершенства, недостатка, уязвимого места. Так, значение первой пословицы можно сформулировать как *There is a despicable member in every family / group*. Соответственно значение второй – как *Every family has some drawback*; и значение третьей – *Everybody / everything has his / its fault*. Возможно говорить о существовании общей семантической формулы или когнитивной модели у данных пословиц, поскольку в них выделим инвариант внутренней формы, связанный с инвариантным значением: *Something is completely / partly black – Something / somebody is imperfect*.

В пословице *After black clouds, clear weather* компонент *black* ассоциируется с несчастьями и невзгодами. По своему семантическому строению эта пословица близка рассматриваемым далее пословицам с противопоставлением *black – white*, но лексема *white* в ней отсутствует.

Черный цвет может быть обманчивой характеристикой и отнюдь не свидетельствовать о плохих качествах объекта: *Pepper is black, and has a good smack*.

В двух пословицах компонент *black* на уровне внутренней формы сочетается с компонентом *heart*. Черным сердце является у злых людей и у печальных людей. Механизм переосмысления в этих пословицах иной, чем в рассмотренных выше. Если овца, кастрюля или фасоль могут быть черного цвета или иметь черное пятнышко, то сердце черным в буквальном смысле быть не может. Метафорический перенос, таким образом, сконцентрирован в самом обозначении цвета, как, например, в пословице *It is ill to put a blithe face on a black heart*. Он является одним из переносов в этой пословице со сложной семантической организацией, где помимо метафорических, задействованы также и метонимические переносы.

¹ Langacker R. W. A View of Linguistics Semantics // Topics in cognitive linguistics / ed. by B. Rudzka-Ostyn. Amsterdam – Philadelphia : John Benjamins Publishing Co., 1988. P. 57 – 58.

Черный цвет во многих культурах ассоциируется со смертью, похоронами, адом¹, и это находит свое проявление в следующих пословицах:

Death is a black camel that kneels before every door.

The devil is not so black as he is painted.

В пословице *Black will take no other hue* компонент *black* ассоциируется с неизменностью, как правило, с неисправимостью отрицательных черт характера человека.

Во всех пословицах *black* несет в себе отрицательную коннотацию, воспринимается как связанный с неприятностями и несчастьем (хотя иногда эти ожидания и оказываются напрасными).

В противоположность рассмотренным выше в пословице *He who does not kill hogs, will not get black puddings* компонент *black* входит в состав фразеологической единицы *black pudding* («a type of large dark sausage made from pig's blood, fat and grain») и не образует самостоятельно никаких ассоциативных связей с компонентами значения. *Black* не обладает отрицательной оценочностью, а фразеологическая единица *black pudding* ассоциируется с вознаграждением за затраченные усилия, за неприятную работу.

В шести пословицах с лексемой *white* этот компонент использован для наименования цвета названных во внутренней форме объектов. В ряде пословиц сема цвета связана с семой «clean»:

Youth and white paper take any impression.

A white wall is a fool's paper.

В отличие от аналогичных пословиц с лексемой *black* в приведенных пословицах отсутствует ассоциативная связь *white* с каким-либо иным компонентом значения: компонент *white* входит и во внутреннюю форму, и в значение.

Пословица *The filth under the white snow the sun discovers* по своему семантическому строению близка пословицам с противопоставлением *black – white*, но вместо *black* во внутренней форме представлен компонент *filth*. *White* связан с понятием безупречного, незапятнанного и в то же время вместе с компонентом *snow* используется в

¹ Серов Н. В. Светоцветовая терапия. СПб. : Речь, 2002. С. 68.

пословице для передачи обманчивости внешнего вида объекта. Цветовая характеристика, таким образом, служит для выражения ложности того, что воспринимает глаз.

В двух пословицах *white* сочетается с компонентом *horse*. В пословице *He that has a white horse and a fair wife, never wants trouble* компонент *white* выступает как положительная характеристика коня, свидетельство его красоты, что вызывает зависть окружающих и ведет к неприятностям. В пословице *Save something for the man that rides on the white horse* согласно словарным комментариям белый цвет коня соотносится с белым цветом волос в преклонном возрасте, со старостью. В пословице, призывающей откладывать что-то на старость, в отличие от предыдущей, присутствует метафорическое переосмысление.

Пословицы с противопоставлением *black – white* обладают внутренней антонимичностью. Лексемы-цветообозначения выступают в них как полярные цветовые характеристики, передающие полную противоположность окрашенных в данные цвета объектов.

На уровне значения это может просто соответствовать диаметральной противоположности характеристик, как в пословице *If the master say the crow is white, the servant must not say 'tis black*. Недозволенность перечить хозяину даже в самых абсурдных ситуациях при полной противоположности мнения хозяина истинному положению вещей передана через контраст противопоставления двух цветов.

Противопоставление *black – white* может использоваться для утверждения обманчивости внешнего вида, передаваемого через утверждение обманчивости цветовой характеристики объекта. При этом черный цвет объекта, а priori воспринимаемый как отрицательная характеристика, оказывается, не свидетельствует о плохих качествах:

A black hen lays a white egg.

A black plum is as sweet as white.

Противопоставление черного и белого может также соответствовать на уровне значения противопоставлению непорочного, возвышенного и презренного, испорченного: *There is no wool so white, but a dyer can make it black.*

Во всех пословицах этой группы *black* и *white* сочетаются с компонентами, называющими объекты, которые действительно могут быть черного или белого цвета: *black hen, black crow, white egg, white milk, white wool* и пр. Процесс переосмысления происходит не в самом цветообозначении, а охватывает всю ситуацию.

Рассмотрение когнитивного пространства, образованного пословицами, позволяет выделить следующие когнитемы-характеристики концепта *black*: *black is imperfect; black is misfortunate; black is evil; black is sad; black is corrupt; black is connected with death; black is the colour of the devil; black is very dirty; black is the opposite of white; black is deceptive*. Все эти когнитемы объединены одной общей, характеризующей пословичное восприятие черного цвета в целом: *black is negative*. (Исключение составляет лишь пословица *A black man is a pearl in a fair's woman eye*, в которой речь идет о цвете кожи и не о черном, а о темном цвете). В черный цвет в пословицах окрашены денотаты слов *hen, crow, sheep, camel, plum, pepper, spice, clouds, spot, lines, clothes, devil, man, heart, necessity*.

Концепт *white* слагается из когнитем *white is perfect (immaculate, virtuous); white is clean; white is beautiful; white is connected with old age; white is the opposite of black; white is deceptive*. Большинству пословиц свойственна когнитема *white is positive*. Носителями признака белого цвета являются *milk, egg, plum, snow, horse, sheep, paper, wall, wool, silver*.

В русском материале черный цвет упомянут в 14 пословицах.

В ряде пословиц во внутренней форме говорится о черном цвете одежды монаха:

Чернее монаха не будешь.

Черная одежда не спасет.

Как и в английских пословицах, черный ассоциируется с неизменностью и, как правило, неисправимостью отрицательных черт характера человека:

Черного кота не вымоешь добела.

Сколько ни мой гагару, все черна.

Черный цвет свидетельствует об обманчивости цветовой характеристики, следовательно, ложности внешних признаков объекта:

Черен мак, да бояре едят.

Хоть черненька курица, да на яйцах сидит.

В двух пословицах метафорическое переосмысление происходит в самом наименовании цвета, которое сочетается с компонентами, чьи денотаты не обладают реальными цветовыми характеристиками:

Черный день придет – приятели откинутся.

Как душа черна, так и мылом не смоешь.

Черный день существует как самостоятельная фразеологическая единица, только этимологические исследования могут показать, использовалась ли она в качестве таковой при возникновении пословицы, но ее образность, а следовательно, и осознанность цветовой характеристики, как представляется, сохраняется в пословице. В последней пословице метафорический перенос у цветообозначения живой, о чем свидетельствует упоминание мыла и невозможности отмыть им душу.

В 17 русских пословицах присутствует наименование белого цвета.

Белым может быть как весь представленный во внутренней форме пословицы объект, так и его часть:

Бей сороку и ворону, добьешься и до белого лебедя.

Не живет сорока без белого бока.

В первой пословице «белый лебедь» ассоциируется на уровне значения с желанной целью, наименование белого цвета приобретает положительную коннотацию. Во второй пословице «белый» не имеет коннотативного значения, «белый бок» соотносится с неизменностью некоторых врожденных черт характера человека.

В большинстве пословиц наименование белого цвета имеет положительную окраску:

Сыр калача белее, а мать мачехи милее.

Как и в английских пословицах, белый цвет может подразумевать чистоту объекта:

Когда у Ивашки белая рубашка, тогда у Ивашки и праздник.

В ряде пословиц «белый» приобретает значение «красивый»:

Палата бела, а без хлеба в ней беда.

Белый цвет так же обманчив, как и черный:

Бел снег, да не вкусен.

Воспринимаемый как изначально положительная характеристика, он отнюдь не свидетельствует о других достоинствах объекта.

Противопоставление белого и черного присутствует в 17 пословицах. Как и в английских пословицах, два наименования цвета выступают в качестве полярных цветовых характеристик, которые могут приобретать соответственно положительную и отрицательную окрашенность и на уровне значения пословицы соответствовать противопоставлению добродетельного и порочного, возвышенного и низменного:

Черное к белому не пристанет.

Бела береста, да деготь черен.

Последняя пословица по своему семантическому строению очень близка данной выше английской *There is no wool so white, but a dyer can make it black*: можно сказать, что они обладают инвариантной семантической формулой.

Контраст черного и белого, как и в английском материале, выражает обманчивость и неважность цветовой, т. е. внешней характеристики объекта:

Черная корова, да белое молоко.

Черная собака, белая собака, а все один пес.

Противопоставленные наименования цвета могут подвергаться метафорическому переосмыслению, при этом противопоставление прямого значения одного цветообозначения и переносного другого свидетельствует о живом характере метафоры:

Рубашка беленька, да душа черненька.

Платье черненько, да совесть беленька.

Пословицы с противопоставлением черного и белого часто имеют сложное семантическое строение. Например, в пословице *Черны ручки, да бела копеечка* цветовая характеристика совмещается с семей «грязный» в значении прилагательного «черны» на уровне

внутренней формы пословицы. На уровне значения «черны ручки» соотнесены с тяжелым трудом, а «белая копеечка» – с вознаграждением за этот труд. При этом семантика прилагательного «бела» претерпевает переосмысление, на первый план выходит сема «чистый», а цветовая характеристика отступает на задний план. Образуются цепочки в развитии семантики цветообозначений внутри общей семантики пословиц: «черный – грязный – тяжелый, неприятный», «белый – чистый – приятный, честный».

Концепт черного цвета в русской ПКМ состоит из когнитивных: черный – испорченный, грязный, тяжелый, печальный, несправильный, несчастливый, самый темный цвет, связанный с раскаянием и аскетизмом, порочающий окружающих, противоположный белому, обманчивый. Наиболее общим признаком концепта является: черный – плохой. Концепт белого цвета складывается из признаков: белый – не испорченный, чистый, красивый, холерный, венчальный, противоположный черному, обманчивый. Общей характеристикой является: белый – хороший.

Анализ показывает, что в русских пословицах, как и в английских, обозначения цвета «черный» и «белый» сочетаются с компонентами, чьи денотаты либо целиком являются черными и белыми, либо только частично. Черным цветом в пословицах обладает *курица, пташка, гагара, кот, кобель, собака, соболь, платье, одежда, риза, мак, тесто, капуста, сено, коровка, ручки, личико, вода, деготь*; белым – *лебедь, снег, молочко, калач, мясо, ручки, рубашка, одежда, риза, береста, бок сороки, собака*. При этом в некоторых пословицах в семантике наименований цвета, помимо цветовой характеристики, присутствуют семы «чистый», «красивый», «грязный».

Цветообозначения встречаются также в сочетании с пословичными компонентами, чьи денотаты цветом обладать не могут: черный – *душа, день, люди*; белый – *свет, совесть*.

Цветовая характеристика свойственна концепту «Птица»: в пословицах упоминается цвет *курицы, пташки, гагары, лебедя, сороки*. Также характеризуются цветом концепты «Животное» (*кот, собака,*

кобель, корова, соболь) и «Одежда» (одежда, платье, риза, рубашка). В английском материале с соответствующими цветообозначениями выделить цветовую характеристику как более или менее постоянно присущую какому-то концепту не представляется возможным.

Наименование ахроматического цвета *grey* отмечено в девяти пословицах (в двух пословицах в сочетании с лексемой *green*). В семи из них *grey* использовано как наименование цвета определенного объекта – цвета волос в старости, седины:

Care brings grey hair.

Death sends its challenge in a grey hair.

В пословицах *All cats are grey in the dark* и *The grey mare is the better horse* компонент *grey* передает неприметность, невыделенность серого объекта, что соответствует утверждениям исследователей о том, что серый цвет зачеркивает индивидуальность¹.

Одновременно в пословицах о кошках проявляется и обманчивость цветовой характеристики, поскольку то, что кажется серым, на самом деле таковым не является.

Концепт *grey* включает когнитемы *grey is not noticeable; grey is the colour of hair; grey is deceptive*. Носители признака *grey: cats, mare, fox, hair, head*.

Серый цвет упомянут в 19 русских пословицах. Серыми в пословицах бывают *волк, овца, козел, утица, кафтан, армяк, мыло*.

Серый выступает как неременная характеристика волка. Можно сказать, что пословичный волк представляет собой эталонного носителя серого цвета:

Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел.

Что серо, то и волк.

Сер волк, сед волк, а все ему волчья честь.

Не все, что серо, волк.

В последней пословице проявляется также обманчивость и неважность цветовой характеристики, как и в пословице с одновременным упоминанием серого и белого:

Сера овца, бела овца – все один овечий дух.

¹ Бреслав Г. Э. Цветопсихология и цветолечение для всех. СПб. : Б. & К., 2000. С. 72.

Серый может приобретать в пословицах созначения «неприметный, простой, некрасивый»:

Соболь да куница бежит да дрожит, а серая овечка лежит да пышет.

Хоть кафтан и сер, а ум не черт съел.

Концепт серого цвета в русской ПКМ обладает большим количеством признаков-когнитивом, чем соответствующий английский концепт. Серый – неприметный, обычный, грубый, пасмурный, обманчивый.

В русском языке характеризуются серым цветом в первую очередь пословичные концепты «Животное» и «Одежда».

Хроматические цвета представлены в английской ПКМ в меньшей степени, чем ахроматические.

Компонент *green* отмечен в 12 пословицах (в двух – вместе с *grey*). При этом как цветовая характеристика объекта во внутренней форме он использован только в одной пословице:

The grass is always greener on the other side of the fence.

В. Мидер отмечает, что эта пословица основана на реальном оптическом эффекте – на расстоянии зеленый цвет воспринимается более ярким и насыщенным, чем вблизи¹. Укажем, что здесь констатируется также и обманчивость цветовой характеристики.

В трех пословицах во внутренней форме присутствует метонимический перенос. Например, в пословице *The spring is not always green* зеленый цвет растительности в весеннее время года становится характеристикой самого этого времени.

В трех пословицах компонент *green* характеризует не только цвет, но и незначительный возраст объекта:

It is ill prizing of green barley.

Throw the wand while it is green.

Во внутренней форме первой пословицы зеленый цвет свидетельствует о неспелости ячменя, второй – о гибкости свежесломанно-

¹ Mieder W. The Grass is Always Greener on the Other Side of the Fence. An American Proverb of Discontent // Wise Words. Essays on the Proverb / ed. by W. Mieder. New York : Garland Publishing Inc., 1994. P. 517.

го прута. Таким образом, на уровне внутренней формы в компоненте *green* сосуществуют два значения. На уровне значения пословицы эти признаки соотносятся с признаком неполного завершения какого-то дела и признаком податливости детского и юношеского возраста воспитанию.

В других пословицах происходит метафорическое переосмысление компонента *green*, который сочетается с компонентами, обозначаемые которых зеленого цвета быть не могут: *A hedge between keeps friendship green*.

При этом в двух пословицах обозначение цвета *green* противопоставлено обозначению цвета *grey*:

A grey head is often placed on green shoulders.

Grey hairs are nourished with green thoughts.

Существование подобного противопоставления дает основание предположить, что метафора в цветообозначениях живая, что в пословице происходит совмещенная реализация значений цвета и переносных значений.

В пословице *A green wound is soon healed* ее составляющая *green wound* представляет собой самостоятельную фразеологическую единицу.

Концепт *green* содержит когнитемы *green is unripe*, *green is young*, *green is alive*, *green is fresh*, *green is the colour of vegetation*, *green is deceptive*. Носители признака *green*: *grass*, *barley*, *wand*, *spring*, *winter*, *Yule*, *wood*, *shoulders*, *wound*, *friendship*, *thoughts*.

Компонент *blue* отмечен в четырех пословицах.

Пословица *Blue are the far-away hills*, как и пословица, описанная В. Мидером, основана на оптическом эффекте: далекие холмы и горы действительно приобретают голубовато-синий оттенок. На уровне значения пословицы *blue hills* ассоциируются с притягательностью недоступного человеку объекта. Интересно, что синий цвет оказывает завораживающее действие на человека¹, и именно синий задействован в пословичной метафоре для передачи привлекательности недоступного.

¹ Бреслав Г. Э. Указ. соч. С. 39.

В пословице *A blue eye in a Portuguese woman is a mistake of nature* цветообозначение переосмыслению не подвергается и служит в качестве необычной характеристики представителя определенной национальности. В пословице-метафоре *There may be blue and better blue* компонент *blue* выступает для передачи обманчивого восприятия отдельных оттенков цвета как одинаковых, что на уровне значения пословицы соответствует возможности уловить различия между одинаковыми на первый взгляд объектами.

Концепт *blue* обладает единичными признаками: *blue is desirable; blue is deceptive*. Носителями цвета являются *hills, eye*.

Компонент *brown* присутствует в трех пословицах и самостоятельно не участвует в пословичном переосмыслении, являясь частью устойчивого словосочетания *brown bread*:

It is a good thing to eat your brown bread first.

Brown bread выступает как символ бедности, стесненных обстоятельств, чье благотворное воздействие на человека в начале жизни декларируется в пословице. Но говорить о реконструкции пословичного концепта *brown* не представляется возможным.

И, наконец, в одной пословице присутствуют два цветообозначения, относящиеся к оттенкам спектра красного цвета: *Near vermilion one gets stained pink*.

Возможность запачкаться ярко-красным цветом киновари, описанная на уровне внутренней формы, соотнесена с ситуацией развращающего действия порочных людей на их окружение, описанной на уровне значения. Можно говорить о существовании в когнитивном пространстве пословицы когнитивом *vermilion smears, vermilion is corrupt; pink is corrupted* и об ограниченной реконструкции концептов в рамках одной пословицы.

В русской ПКМ пословиц с наименованиями хроматических цветов также меньше, чем с наименованиями ахроматических.

Отмечено девять упоминаний зеленого цвета. Зеленый может представлять собой исключительно цветовую характеристику денотата: *Утро вечера мудренее – трава соломы зеленее*.

Цветовая характеристика может сочетаться с семой «неспелый»:
Не срывай яблока, пока зелено: созреет и само упадет.

Зеленый цвет, как и в английских пословицах, ассоциируется с молодостью: *Молодо – зелено, погулять велено.*

Зелеными бывают в пословицах *яблоко, виноград, ветка, трава.*
Признаки концепта: неспелый, молодой, хороший, цвет растительности.

Синий цвет упоминается в трех пословицах. Синим являются одежда (кафтан) и море: *Каков ни есть, а в синем.*

Синий цвет одежды воспринимается как красивый. Интересно, что, хотя в английском материале нет пословицы, где синей была бы одежда, можно обнаружить поговорку (незамкнутую структуру с вариативностью подлежащего), в которой синий цвет одежды оценивается весьма положительно: *He is in his better blue clothes.*

Значение цвета прилагательного «красный» в русском языке является вторичным по отношению к значению «красивый, превосходный». В русском пословичном фонде много пословиц с компонентом «красный» (67 единиц в нашем материале), однако только в 11 красный использован как наименование цвета, а в 56 случаях имеет значения «красивый», «ясный», «хороший». Например, в следующих пословицах «красный» характеризует денотаты по их привлекательности и приятности безотносительно к цвету:

Красную жену не в стенку врезать.

Красна баба повоем, а корова удоем.

Не красна изба углами, красна пирогами.

Как отмечает Н. Б. Бахилина, многие предметы красного цвета одновременно являются ценными, красивыми¹, поэтому часто трудно определить, в каком же значении использовалась лексема при возникновении пословицы, как воспринимается ее значение сейчас. Красного цвета в пословицах бывают *ягодка, яблоко, цветок, шапка, колпак, сапожки, ногавка* (курицы).

¹ Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М. : Наука, 1975. С. 166.

Лексема «красный» обладает положительной коннотацией, чему не мало способствует, очевидно, первичное значение: *Красному яблоку червоточина не укор.*

В то же время красный – излюбленный цвет дурака:

В красной шапке узнаешь дурака.

Коли барский дурак, так и красный колпак.

Красный цвет может быть обманчив и не свидетельствовать о достоинствах денотата: *Красна ягодка, да на вкус горька.*

«Красный» выступает как неременная характеристика солнца в ПКМ, но хотя солнце и может казаться красным, видимо, все-таки здесь находит проявление, отмечаемое Н. Б. Бахилиной: свойственное народно-разговорным памятникам употребление этого прилагательного в значении «ясный» по отношению к солнцу¹:

Не все ненастье, проглянет красное солнышко.

И красное солнышко на всех не угождает.

Можно допустить, что в современном прочтении данных пословиц цветовая характеристика осознается.

Красный в русской ПКМ является постоянным признаком концепта «Головной убор».

К спектру красного относится и алый цвет, упоминаемый в трех пословицах. Среди них одна из немногочисленных пословиц о цвете как таковом: *Ал цвет мил на весь свет.*

К оранжевому спектру, близкому к красному, можно отнести рыжий, отмеченный в двух пословицах: *У рыжей лисы не чернобровые щенята.*

В русской ПКМ обнаруживаются прилагательные-обозначения масти лошади, представляющие собой особые цветоименования, с ограниченной сферой приложения. К ним относятся *буланный, пегий, сивый, соловый*: *Не в том сила, что кобыла сива, а в том, чтобы воду возила.*

Как видим, в данной пословице масть (т. е. цвет) лошади объявляется несущественной характеристикой.

¹ Бахилина Н. Б. Указ. соч. С. 164.

Сопоставительный анализ показывает сходство и различие в «концептуализации мира в цвете», отражаемой в английских и русских пословицах.

Следует отметить, что концепты цвета занимают гораздо более скромное место в пословичных картинах мира, чем в собственно фразеологических. В обеих пословичных картинах преобладают черный и белый, т. е. ахроматические цвета. Концептуализация мира в английских и русских пословицах происходит, таким образом, преимущественно в черно-белом цвете. Это объясняется приобретаемой данными наименованиями отрицательной и положительной оценочностью. В английской ПКМ наибольшим количеством признаков обладает концепт черного цвета. Черный упоминается в английских пословицах приблизительно в два раза чаще, чем любой другой цвет. Ахроматические цвета в русском материале распределены более равномерно, при этом серый цвет занимает в русской ПКМ существенно большее место, чем в английской.

В русской ПКМ хроматические цвета представлены шире, чем в английской.

Похожа концептуализация зеленого цвета в обеих ПКМ: зеленый как цвет растительности, в первую очередь травы, зеленый цвет, связанный с признаком неспелости, преждевременности, зеленый в переносном значении «молодой/ранний».

В отношении концептуализации других хроматических цветов большого сходства не наблюдается. В английской ПКМ отсутствует красный цвет, характерный для русского пословичного хроматического спектра. Сходство концептуализации синего в немногочисленных пословицах с наименованиями этого цвета в обоих фондах состоит в восприятии его в качестве положительной характеристики денотата как красивого и привлекательного и в осознании обманчивости синей окраски предмета.

В целом переосмысление лексем цвета весьма похоже в пословичных фондах двух языков и соответствует описанному в литературе восприятию различных цветов. Так, черный видится как отрицательная характеристика предмета, ассоциируется с несовершенством, с несча-

сьем, белый воспринимается как чистый и безупречный. Серый – как незаметный, зеленый – как цвет растительности, цвет, связанный с молодостью и свежестью, синий – как красивый, притягательный.

В обеих ПКМ концептуализация цвета связана с восприятием цветовой характеристики как обманчивой и несущественной, не свидетельствующей о внутренних качествах окрашенного в этот цвет денотата. Обманчивость цвета связана в английской ПКМ с черным, белым, серым, зеленым, синим, в русской – с черным, белым, серым, синим и красным цветами. В обеих ПКМ существует инвариантная когнитивная модель «цвет объекта (его внешняя характеристика) дает неверное представление о внутренних качествах объекта». Эту модель можно рассматривать как универсальную модель пословичной концептуализации цвета.

Другой инвариантной когнитивной моделью является модель, основанная на противопоставлении одной цветовой характеристики другой, или же объекта, имеющего один цвет, другому, не обязательно характеризующемуся цветом. На уровне значения это соответствует противопоставлению плохого и хорошего, старого и молодого и пр. Преобладает противопоставление черного и белого цветов.

Концептам цвета свойственна в русской ПКМ бóльшая детализация и конкретизация, чем в английской, что связано с большим количеством пословиц с цветообозначениями в русском пословичном корпусе.

В английской ПКМ характеристику по цвету получает концепт «Животное»: cats, fox, mare, horse, sheep, camel. Наиболее часто упоминается цвет овцы и лошади: овца преимущественно черного цвета, лошадь – белого и серого. Характеризуются цветом концепт птицы (hen, crow) и концепт еды (milk, egg, plum, spice, pepper), также цветовая характеристика присутствует в составе фразеологических единиц *brown bread*, *black pudding*, *green wound*. В английской ПКМ эталонным носителем зеленого цвета является концепт растительности.

Для ряда концептов в русской ПКМ признак цвета также обладает определенной значимостью. Так в пословичном мировосприятии волк является эталонным носителем признака серого цвета. Лошадь в

пословицах имеет различную масть, хотя этот признак далеко не преваляющий среди иных признаков концепта лошади. Можно сказать, что в целом характеристику по цвету получают концепты животных. Концепт птицы, представленный в пословицах наименованиями нескольких разновидностей птиц, также обладает признаком цвета, преимущественно черного. Многими цветами (серым, синим, красным, черным, белым) характеризуется концепт одежды.

Для наименований цвета в обоих языках характерно совмещение семы цвета с дополнительными семами. Им также свойственно использование во вторичном значении, осознаваемом как переносное на уровне внутренней формы. В пословицах присутствуют фразеологические единицы с лексемами цвета, образность которых может полностью отсутствовать (*brown bread*) или быть живой (*green wound*, *черный день*).

Н. Барли отмечает, что в пословицах отражены повседневные, привычные и обыденные отношения предметов¹. В этой связи непонятно, почему столь незначительное отражение получает в пословицах привычный цвет предметов.

Весьма заманчиво предположить, что поскольку исследования показывают, что в пословицах, особенно в некоторых тематических группах пословиц, находит отражение в первую очередь мужской менталитет², а мужчинам свойственна цвето-чувственная слепота³, то и пословичные картины мира цветовой гаммой не отличаются. Однако обращение к лексике сленга, где отражение мужского мировосприятия также преобладает, позволяет получить совершенно иные данные, демонстрирующие широкое участие цветообозначений в семантической и словообразовательной деривации и образовании фразеологических единиц.

Можно было бы также предположить, что отсутствие цветообозначений вызвано рациональным, поучающим характером значения

¹ Барли Н. Структурный подход к пословице и максиме // Паремнологические исследования : сб. ст. М. : Наука, 1984. С. 138.

² Иванова Е. В. Пословичная концептуализация мира : дис. ... д-ра филолог. наук. СПб., 2003. С. 291.

³ Серов Н. В. Указ. соч. С. 114.

пословиц. Как пишет Н. В. Серов, начиная с Аристотеля, считалось, что в области рационального нет места цвету¹. Но с другой стороны, значительное количество пословиц представляют собой метафоры, а тот же Аристотель считал цвет метафорическим компонентом описания. И действительно, подавляющее большинство английских и русских пословиц с лексемами цвета – это метафоры.

Преобладание цветовой характеристики в русских пословицах по сравнению с английскими можно объяснить более конкретным, детализованным характером концептуализации мира в русских пословицах, меньшим количеством абстрактных концептов на уровне внутренней формы. Но и в русских пословицах лексем цвета не так уж много.

Очевидно, причину надо искать в следующем: в различии роли цветовой характеристики при номинации отдельных денотатов, как это происходит при образовании фразеологических единиц, производных слов или лексико-семантических вариантов слова, и при номинации ситуации, которая имеет место при образовании пословицы. Цвет является признаком объекта, а не ситуации в целом, поэтому при номинации ситуации цветообозначение используется в тех случаях, когда оно является значимым в когнитивной модели пословицы. Значимость цветообозначения определяется потенциальными возможностями его переосмысления в отношении не отдельного объекта, а законченной ситуации. Как показывает анализ, возможности переосмысления оказываются наиболее востребованными при номинации ситуаций, связанных с обманчивостью внешнего вида объекта, и ситуаций противопоставления.

Иванова Е. В. Какого цвета пословичная картина мира? // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Сер. 9. Вып. 2. С. 31 – 43.

¹ Серов Н. В. Указ. соч. С. 113.

Тема 8. ФРАЗЕОЛОГИЗМ И ВОПРОС О ЕДИНИЦЕ ПЕРЕВОДА *(по Н. Л. Шадрину)*

Любое рассмотрение фразеологических проблем перевода обосновано лишь постольку, поскольку фразеологизмы принимаются за единицы перевода, т. е. за такие элементы исходного текста, которые имеют самостоятельную смысловую и стилистическую значимость и потому подлежат передаче в тексте на другом языке. Отсюда первоочередная необходимость решить вопрос о принципиальной возможности выделения фразеологических оборотов в качестве единиц перевода. Такая необходимость возникает вследствие того, что принадлежность фразеологизмов к единицам перевода отнюдь не является самоочевидной. Однако прежде чем говорить об этом, следует остановиться на вопросе о единице перевода вообще, ибо от его решения зависит в конечном итоге и фразеологический аспект проблемы.

По справедливой оценке Л. С. Бархударова, «проблема единицы перевода – одна из сложнейших в теории перевода; существуют самые различные точки зрения на этот счет, вплоть до полного отрицания самой возможности существования такой единицы»¹. В науке нет единого подхода даже к основным принципам выделения единицы перевода. Как указывает В. Н. Комиссаров, в качестве такой единицы («переводемы», как называет ее автор) можно либо принять какую-нибудь уже выделяемую в языкознании единицу (или единицы), либо выделить совершенно особую, собственно переводческую единицу. Кроме того, поскольку перевод – это процесс двуязычной коммуникации, то необходимо решить, должны ли единицы перевода выделяться в одном из языков, участвующих в этом процессе, или они

¹ Бархударов Л. С. Язык и перевод. М. : Междунар. отношения, 1975. С. 174.

должны представлять собой какое-то отношение между отрезками текстов оригинала и перевода¹.

Представляется несомненным, что единицу перевода надо определять строго в рамках науки о переводе, т. е. как единицу именно переводческую, а не чисто лингвистическую. Это означает, что единицей перевода нельзя считать какую-то одну заранее выбранную единицу языка, иначе говоря, любая единица языка в различных контекстуальных условиях может быть, но может и не быть единицей перевода, а единица перевода, в свою очередь, может совпадать или не совпадать с единицей какого-то одного уровня языковой иерархии. Поэтому неправы те исследователи, которые называют идеальной единицей перевода, например, слово² или предложение³. «Что ею не может быть признано слово, – пишет А. В. Федоров, – сомнений не вызывает. Но автономной и постоянной единицей не может считаться и предложение и даже более крупный отрезок текста..., ибо слишком переменный характер имеют смысловые и в особенности стилистические отношения между всеми этими отрезками текста»⁴.

Более сложным оказывается вопрос о том, следует ли выделять единицу перевода только в одном (и если да, то в каком именно) из языков, участвующих в процессе перевода, или она должна отражать также и некое отношение между отрезками текстов оригинала и перевода.

Обратимся к определению, сформулированному одним из сторонников второй точки зрения и гласящему, что единица перевода – «это минимальный отрезок текста на ИЯ, вместо которого можно подставить отрезок текста ПЯ, отвечающий в плане содержания требованию сохранения инвариантности»⁵. Поскольку потенциальные

¹ Комиссаров В. Н. Слово о переводе (Очерк лингвистического учения о переводе). М. : Междунар. отношения, 1973. С. 185 – 186.

² Newmark P. P. Sixty Further Propositions on Translation (Part 1) // Incorporated Linguist. 1979. Vol. 18. № 1. P. 14.

³ Haas W. The Theory of Translation // The Theory of Meaning. London : Oxford University Press, 1968. P. 106 ; Хэллидей М. А. К. Сопоставление языков // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М. : Междунар. отношения, 1976. С. 44.

⁴ Федоров А. В. О соотношении отдельного и целого в процессе перевода как творчества // Вопросы языкознания. 1970. № 6. С. 33.

⁵ Kade O. Zufall und Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung. Leipzig : Verlag Enzyklopädie, 1968. S. 90.

эквивалентные отношения одного и того же ИЯ (исходного языка, языка оригинала) и разных ПЯ (переводящих языков, языков перевода) неодинаковы, то, следовательно, и единицы перевода по отношению к разным ПЯ будут выделяться разные: «то, что является единицей при переводе с русского на французский, может не быть единицей при переводе на немецкий»¹. Наглядным подтверждением этого служит следующий пример². Английское словосочетание *white horse* при переводе на немецкий язык выступает как одна единица, потому что немецким соответствием этого словосочетания является слово *Schimmel*; но при переводе на французский оба лексических элемента становятся самостоятельными единицами, так как английское выражение *white horse* и французское *cheval blanc* тоже состоят из двух слов.

Близкое к вышеприведенному определение единицы перевода предлагает Л. С. Бархударов, в основе концепции которого лежит, однако, не речевое понятие (отрезок текста), а языковое (единица языка). Согласно этому определению, единицей перевода является наименьшая языковая единица в тексте на ИЯ, имеющая соответствие в тексте на ПЯ. Исходя из того, что единицей перевода может быть единица любого языкового уровня, автор различает перевод на уровне фонем (для письменной речи – графем), на уровне морфем, на уровне слов, на уровне словосочетаний, на уровне предложений, на уровне текста³.

Данная классификация получила широкую известность, поэтому существует необходимость более внимательно рассмотреть ее под специально фразеологическим углом зрения.

В этом плане приходится прежде всего отметить ее внутреннюю противоречивость. С одной стороны, когда фразеологизм оказывается наименьшей единицей языка в тексте на ИЯ, имеющей соответствие в тексте на ПЯ, то он является, по определению, единицей перевода. С другой же стороны, поскольку единицей перевода может быть

¹ Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. М. : Высш. шк., 1964. С. 117.

² Заимствован из Diller H.-J., Kornelius J. Op. cit. S. 20.

³ Бархударов Л. С. Указ. соч. С. 175 – 176.

только единица какого-то языкового уровня, а фразеологический уровень в принятом автором наборе уровней языковой иерархии отсутствует, то фразеологизм как таковой вообще не может претендовать на статус единицы перевода. И действительно, в концепции Л. С. Бархударова фразеологизмы представлены не как самостоятельные единицы перевода, а как частные случаи перевода на уровне словосочетаний и на уровне предложений, а также на уровне слов.

Относительно первых двух уровней нужно сразу же заметить, что поскольку на уровне словосочетаний и предложений переводятся не только устойчивые, но и многие переменные образования, то получается, будто в плане перевода между фразеологизмами разной синтаксической структуры меньше общего, чем между фразеологизмами и однотипными им по синтаксической структуре переменными образованиями. С этим вряд ли можно согласиться, так как общие семантико-стилистические свойства, присущие фразеологическим оборотам разных структурных разрядов, объединяют все разряды с точки зрения перевода, отделяя их в то же время от переменных образований той же синтаксической структуры.

Нет сомнения, что вопрос о фразеологизме как единице перевода вообще не следует решать на основе структурно-грамматических критериев, ибо один и тот же оборот может грамматически оформляться в контексте по-разному. Эти различия носят как регулярный (системно-языковой), так и нерегулярный (речевой) характер. Примером первого служат так называемые номинативно-коммуникативные ФЕ, имеющие структуру словосочетания при употреблении глагольного компонента в действительном залоге и структуру предложения при употреблении того же компонента в страдательном залоге¹. К ним относится и выражение *to spill the beans* («выдать секрет, проболтаться»), которое Л. С. Бархударов приводит как иллюстрацию перевода фразеологического оборота на уровне словосочетания²: при употреблении глагольного компонента в страдательном залоге этот оборот

¹ Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. М. : Междунар. отношения, 1972. С. 168.

² Бархударов Л. С. Указ. соч. С. 181.

трансформируется в предложение, которое и переводится на уровне предложения (*The beans were spilled* – «Секрет был выдан»). Поскольку в обоих вариантах употребления фразеологизм сохраняет свое языковое тождество, то выходит, что одна и та же единица языка может выступать в качестве двойной единицы перевода – и как словосочетание, и как предложение.

Нерегулярные изменения грамматической структуры выражаются в придании английским фразеологизмам формы сложных слов с дефисным (при использовании в атрибутивной функции, например *dog-in-the-manger attitude, stab-in-the-back tactics*¹) или слитным написанием (например, *sonofabitch* вместо *son of a bitch*). В подобных случаях оказывается, что устойчивые обороты переводятся на уровне слов, хотя и не утрачивают своей фразеологической сущности.

Л. С. Бархударов допускает и возможность пословного перевода фразеологизмов – в тех случаях, когда в ИЯ и ПЯ имеются обороты с совпадающей внутренней формой, например *to play with fire* – «играть с огнем»². Нетрудно видеть, однако, что при этом в качестве единицы перевода принимается не фразеологизм как таковой, а каждый из составляющих его лексических компонентов. С такой трактовкой согласиться нельзя, поскольку в переводческой практике подобные фразеологизмы передаются не поэлементно, а как семантически и структурно целостные единицы. Это значит, что русский переводчик не дробит фразеологизм оригинала на составные части и не передает каждую из них по отдельности, а пользуется имеющимся в его языке готовым глобальным соответствием – выражением «играть с огнем». (Точно так же немецкий переводчик использует в этом случае оборот *mit dem Feuer spielen*, а французский – *jouer avec le feu*). Таким образом, поэлементное совпадение приведенных фразеологизмов в текстах на ИЯ и ПЯ – это не результат переводческого акта, а проявление эквивалентности фразеологизмов в сопоставляемых языках.

¹ Кунин А. В. Английская фразеология (теоретический курс). М. : Высш. шк., 1970. С. 182.

² Бархударов Л. С. Указ. соч. С. 181.

Если придерживаться уровневых критериев обнаружения единиц перевода, то правомерность причисления фразеологизмов к этим единицам оказывается зависящей не от грамматического уровня, на котором осуществляется перевод (таких уровней три – уровень словосочетания, уровень предложения и уровень слова), а от того, выделяются или не выделяются единицы фразеологии в качестве самостоятельного уровня языковой иерархии. Поскольку вопрос об этом уровне остается дискуссионным (некоторые ученые обосновывают необходимость его выделения, другие, наоборот, высказываются против него), то можно принять упомянутую зависимость как гипотезу и проверить ее, опираясь на предлагаемый А. В. Куниным перечень основных (или базисных) языковых уровней, в который наряду с фонологическим, морфемным и лексическим уровнями включен также и фразеологический¹. Приобретая в этом перечне статус единицы «собственного» языкового уровня, фразеологизм тем самым получает право и на статус единицы перевода. Теперь уже можно говорить о том, что независимо от синтаксической структуры оборота его перевод всегда осуществляется на уровне фразеологизма. Казалось бы, соответствие между уровнем перевода и уровнем языковой иерархии как основы для установления единицы перевода в таком случае полностью сохраняется. Однако такое утверждение было бы ошибочным, потому что по условиям контекста может потребоваться одновременная передача и на уровне всего оборота в целом, и на уровне отдельных лексических элементов (например, когда в результате окказионального преобразования актуализируется лексическое значение слов-компонентов или семантическая двуплановость всего словосочетания). Хотя передача прямого словарного значения лексических компонентов и в этих случаях имеет не самодовлеющую ценность, а составляет в конечном счете лишь часть задачи по переводу именно фразеологизма, все же формально перевод осуществляется не только на фразеологическом, но и на лексическом уровне.

Отсюда следует, что и выделение фразеологии в качестве самостоятельного уровня языковой иерархии еще не обеспечивает едини-

¹ Кунин А. В. Указ. соч. С. 29.

цам этого уровня права называться единицами перевода, что, в свою очередь, означает одно из двух: либо фразеологизмы вообще не могут претендовать на статус единиц перевода, либо выделение единиц перевода не должно быть связано с уровнями языковой иерархии и не должно ставиться в зависимость от выраженного в ее терминах уровня перевода. Имеются все основания полагать, что правильным является второй вывод. Применительно к фразеологии это означает, что ее единицы могут считаться единицами перевода вне зависимости от того, выделяется она в самостоятельный языковой уровень или не выделяется.

Известно, что переводными соответствиями фразеологизмов часто оказываются не только фразеологические, но и переменные словосочетания и предложения, а также отдельные единицы лексики; с другой стороны, и фразеологизмы нередко становятся переводными соответствиями слов, свободных словосочетаний и предложений. Отсюда ясно, что учитывать соотношение двух языков при рассмотрении вопроса о фразеологизмах как единицах перевода невозможно, и выделение таких единиц должно производиться только в тексте оригинала.

Единицы перевода не могут отождествляться с единицами или категориями постоянных межъязыковых соответствий, их выбор зависит от множества лингвистических и экстралингвистических факторов, устанавливаемых в процессе анализа переводимого текста. «Когда переводится художественный текст (рассказ, роман или пьеса), то перевод каждого слова, каждой реплики, каждого предложения зависит от идейно-художественного замысла автора, от особенностей его индивидуального стиля, от интонации и ритмо-мелодики целого и отдельных частей повествования, от речевых характеристик персонажей»¹. Как правило, перевод не только целого произведения, но и более или менее обширных его частей не может быть выполнен в виде единого акта, поэтому переводчик последовательно передает какие-то отдельные фрагменты текста (предложения, группы предложений, аб-

¹ Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М. : Междунар. отношения, 1974. С. 25.

зацы), внутри которых выделяются минимальные отрезки, имеющие ту или иную смысловую или стилистическую значимость и потому подлежащие воспроизведению средствами другого языка; эти-то минимальные отрезки текста и становятся микрообъектами, или единицами, перевода.

Сегментация текста на единицы перевода производится не по признаку соотнесенности с принятыми единицами или уровнями языковой иерархии, а по степени той важности, которую приобретает передача семантической и стилистической информации, содержащейся в отдельных элементах исходного текста, для достижения общей адекватности перевода. Следовательно, выделение единиц перевода осуществляется не по формальному, а по функциональному принципу: подлежат передаче элементы оригинала, имеющие собственную семантическую или стилистическую функцию, сохранение которой важно с точки зрения полноценности перевода. Таким образом, единица перевода – это такой фрагмент исходного текста, который обладает собственной семантико-стилистической значимостью и потому подлежит воспроизведению в тексте на другом языке с целью достижения общей адекватности этого текста оригиналу. Из этого определения следует, что единица перевода является не лингвистической (или прагматико-лингвистической), а собственно переводческой величиной.

Последнее утверждение означает, что единицей перевода может в принципе стать не только любой языковой элемент независимо от его отношения к лингвистическим уровням, но и такой элемент оригинала, который вообще не соотносится непосредственно с той или иной единицей языка, однако выполняет смысловую и/или стилистическую функцию, подлежащую отражению в тексте перевода. Поясним сказанное на примере комедии О. Уайльда «Как важно быть серьезным», где единицей перевода фактически становится соположение двух омонимичных слов – прилагательного *earnest* и имени собственного *Ernest*. Этот прием несет самостоятельную семантико-стилистическую нагрузку, что подтверждается следующей цитатой:

You answer to the name of Ernest. You look as if your name was Ernest. You are the most earnest-looking person I ever saw in my life.

В данном случае нельзя говорить об этих двух словах как об отдельных единицах перевода, ибо их передача на уровне каждого слова ничего не дает (или дает бессмыслицу, например: «Ты отзываешься на имя Эрнест. У тебя и вид такой, будто тебя зовут Эрнестом. У тебя вид самого серьезного человека, которого я встречала в своей жизни»). В то же время они не образуют единого синтаксического и семантического целого и поэтому не могут переводиться ни на уровне словосочетания, ни на уровне предложения. Таким образом, единицей перевода здесь оказывается не единица того или иного языкового уровня, а стилистический эффект, создаваемый омонимическим совмещением двух слов на фоне различия в их значении¹. <...>

Поскольку элементы той или иной подсистемы языка не могут быть априорно объявлены единицами перевода, то возникает естественный вопрос: почему исследователи, придерживающиеся самых разных взглядов и направлений, единодушно утверждают, что фразеологизмы относятся к таким единицам. «Вообще недискретные словосочетания уровня нормы, – пишет, например, Ю. С. Степанов, – все являются ЕП (единицами перевода) на уровне сообщения...»². Аналогичное мнение высказывают и специалисты по машинному переводу³. Представители французской школы сопоставительной стилистики тоже считают, что идиомы и языковые клише являются несомненными единицами перевода⁴. Причина подобного единства взглядов – чисто эмпирическая: все дело в том, что абсолютное большинство фра-

¹ Тем самым подтверждается правильность сделанного М. Риффатером вывода о том, что стилистический эффект очень часто не совпадает с лингвистической единицей: он может создаваться с помощью других единиц или распространяться на них (иррадиировать). См.: Riffaterre M. *Criteria for Style Analysis* // *Word*. 1959. Vol. 15. № 1. P. 165.

² Степанов Ю. С. *Французская стилистика*. М.: Высш. шк., 1965. С. 264.

³ Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Указ. соч. С. 117.

⁴ Vinay J.-P., Darbelnet J. *Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction*. Nouvelle édition revue et corrigée. Paris, 1963. S. 252 – 253. Внимание, уделяемое этому вопросу в книге французских исследователей, привело, кстати сказать, И. И. Ревзина и В. Ю. Розенцвейга к ошибочному заключению, что «авторы сводят вопрос о единицах перевода к еще одной классификации фразеологических единиц» (И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг. С. 113).

зеологизмов в абсолютном большинстве случаев их употребления выполняет семантически и стилистически релевантные функции, которые должны находить отражение в переводном тексте. Это и позволяет обобщенно говорить о принципиальной принадлежности фразеологизмов к числу единиц перевода.

Шадрин Н. Л. Фразеологизм и вопрос о единице перевода // Теория и практика перевода. Вып. 13. Киев : Вища шк., 1986. С. 59 – 65.

**Тема 9. СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
(по И. С. Хостай)**

Фразеологические библеизмы (ФБ) являются одной из микросистем фразеологии. В эту микросистему входят единицы, разные по своему лингвистическому статусу, структурным типам и семантическим характеристикам. Однако все они объединены фактом принадлежности к одному генетическому источнику – Библии, а также характеризуются общими для них чертами и особенностями.

Несмотря на то, что библейские фразеологизмы представляют собой важный и интересный пласт фразеологии во многих языках мира, их изучение до сих пор остается одной из малоисследованных языковедческих проблем. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью изучения различных фразеологических микросистем языка с точки зрения их генезиса, места и роли в языке, а также их номинативно-системных и функциональных характеристик. Основной целью исследования является рассмотрение номинативно-системных и функциональных характеристик фразеологических единиц библейского происхождения в современном английском языке.

Достижение этой цели предполагает решение следующих задач:

- выделение и описание полного корпуса ФБ современного английского языка;
- рассмотрение основных номинативных характеристик ФБ;
- изучение лингвистического статуса прототипов ФБ и их классификация;
- анализ путей и особенностей фразеологизации прототипов ФБ, а также характера отношений между ФБ и их прототипами;

– определение места ФБ в системе современного английского языка и описание основных системных характеристик этих единиц номинации;

– изучение функциональных характеристик фразеологизмов библейского происхождения в современной англоязычной художественной и публицистической литературе.

Методологической основой работы является фразеологическая концепция профессора А. В. Кунина¹.

Для решения поставленных задач в работе используются следующие методы исследования: метод фразеологической идентификации, метод словарных дефиниций, метод аппликаций, семный анализ, контекстуальный анализ, а также элементы количественного анализа.

Материалом исследования является корпус английских фразеологических единиц библейского происхождения (всего 523 единицы), извлеченных из фразеологических словарей и справочников разных типов.

Анализ прототипов ФБ проводится по Библии Короля Якова². Выбор этого варианта Библии продиктован тем, что именно данный перевод с латинского языка обогатил английский язык множеством устойчивых сочетаний, которые употребляются в нем и сегодня. Это каноническое издание, утвержденное церковью, не включающее апокрифов, народных сказаний и т. п. В качестве вспомогательного материала привлекается Библия на русском языке.

Анализ функционирования ФБ проводится на материале произведений художественной литературы американских и английских авторов XIX – XX веков, а также англоязычной публицистики (около 10 000 страниц текста). Общее количество исследованных примеров употребления ФБ равняется 1500.

В ходе исследования выверяется существующий корпус ФБ в современных словарях и списках (у Л. П. Смита – 158 единиц) и впервые в полном объеме выявляются ФБ английского языка. Особое внимание при этом уделяется проблеме прототипов ФБ: дается их

¹ Кунин А. В. Указ. соч.

² The Holy Bible Authorized (King James) Version (KJV).

структурно-семантическая классификация и рассматриваются характеристики ФБ в связи с особенностями их прототипов. В работе делается также попытка рассмотрения функционирования ФБ в прагматическом плане, а также особенностей узуального и окказионального использования этих единиц.

Для решения основных задач исследования проводится поэтапный анализ ФЕ библейского происхождения.

Первый этап заключается в отборе материала исследования. Для этого используется атрибуционная методика¹, что позволяет выделить из фразеологических словарей, справочников, словарей пословиц и цитат ФЕ библейского происхождения, а также их варианты. Одной из важных процедур этой методики является процедура атетезы – «отведение» от первоисточника ложно приписываемых ему ФБ. В результате устанавливаем случаи фиксирования словарями так называемых «ложных» библеизмов, т. е. единиц, употребление прототипов которых зафиксировано в более ранних источниках, чем Библия, хотя широко известными они стали лишь благодаря употреблению именно в тексте Библии. К таким ложным библеизмам относятся: *chastise smb with scorpions* – «сурово наказывать кого-либо, терзать»; *as clear as crystal* – «чистый, как стекло, кристально чистый».

В ряде случаев словари включают обороты, созданные каким-либо автором на основе библейского текста или сюжета. Такие выражения не относятся к числу фразеологизмов библейского происхождения в нашем понимании этого термина, хотя именно библейская ситуация послужила основой их создания, например, ФЕ *out-Herod Herod* – «быть очень жестоким, превзойти всех своей жестокостью» была создана У. Шекспиром на основе библейского сюжета о царе Ироде, приказавшем уничтожить всех младенцев в Вифлееме, после того как он узнал о рождении Иисуса Христа.

На следующем этапе анализа изучаем прототипы ФБ, так как именно на их фоне библейские фразеологизмы выявляют свою сущность.

¹ Стыцына С. Х. Стилистическое использование фразеологических единиц в произведениях Дж. Свифта : автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1975.

В данной работе под *прототипом ФБ* понимается тот языковой или ассоциативный материал, на базе которого материализуется значение новой единицы.

Выделяем четыре вида прототипов ФБ: переменные словосочетания или предложения, устойчивые выражения фразеологического характера, цитаты и событийные прототипы. Анализ материала показывает, что генетическими прототипами ФБ в большинстве случаев (100) являются *непереосмысленные переменные словосочетания*, которые тождественны ФБ по своему лексическому составу и грамматической структуре и отражают реальные связи вещей и явлений действительности, например: *before smb's face* – «перед чьим-либо лицом», *appeal to Caesar* – «обратиться к кесарю» и т. д.

Разновидностью прототипов данной группы являются переменные предложения, например *there were giants in the earth in those days* – «были на земле исполины», однако, среди анализируемых единиц они встречаются редко.

В основе сравнительно небольшого числа библейских фразеологизмов (выявлено 18 случаев) лежит *прототип-цитата*, точнее, тот ее тип, который называется цитатой «классической»¹. Классическая цитата автосемантична, информационно-избыточна и сохраняет ассоциативную связь с текстом-источником. От прототипов-переменных предложений прототипы-цитаты отличаются некоторой афористичностью значения. Примером может служить отрывок из Библии:

The words of the Preacher, the son of David, king of Jerusalem: «For in much wisdom is much grief: and he that increaseth knowledge increaseth sorrow» (Ecclesiastes 1:18).

Еще одним видом прототипов ФБ являются *устойчивые выражения фразеологического характера*, куда относятся устойчивые словосочетания, компаративные конструкции и выражения пословичного характера. Особенностью прототипов данного вида является то, что уже в самом тексте Библии эти обороты употребляются как еди-

¹ Терентьева Л. П. Особенности формирования фразеологических единиц, входящих к литературным источникам // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 199. М. : МГПИИЯ, 1982. С. 232 – 243.

ницы с переносным смыслом составляющих их компонентов. Наличие в библейском источнике большого количества таких единиц с переосмысленным значением объясняется прежде всего художественным своеобразием Библии, которая не только излагает положения христианского вероучения, но также эмоционально воздействует на людей при помощи ярких, запоминающихся образов. Эта прагматическая цель, по-видимому, и повлияла на введение авторами в текст Библии таких устойчивых словосочетаний, как *the salt of the earth* – «соль земли» (передовая часть человечества); *a beam (mote) in smb's (one's own) eyes* – «бревно в собственном глазу, собственный недостаток» и т. п. Устойчивые словосочетания являются самой многочисленной группой среди прототипов ФБ (324 случая употребления прототипов данного вида).

В прототипах-компаративных конструкциях типа (*as*) *hard as the nether millstone* – «жесткий, как нижний жернов» первый компонент, обозначающий признак, обычно употребляется в буквальном значении. Функция второго компонента заключается в усилении признака, обозначаемого первым компонентом. Характерной чертой прототипов данного вида является частичная переосмысленность значения.

Прототипы-выражения пословичного характера, также принадлежащие ко второй группе прототипов ФБ, – это устойчивые выражения, представляющие собой законченные суждения и характеризующиеся спецификой формы выражения.

Анализ материала показывает, что среди прототипов ФБ выражения пословичного характера занимают незначительное место по сравнению с прототипами-переменными словосочетаниями и прототипами-устойчивыми словосочетаниями. Эти обороты осознаются как выражения пословичного характера благодаря не только структурному оформлению в виде предложения, но и их яркой образности, общности и универсальности значения. Примерами подобных прототипов являются выражения: *answer a fool according to his folly* – «отвечай дураку по глупости его», *pride goes before destruction* – «гордыня предшествует гибели» и др.

Прототипы-устойчивые выражения фразеологического характера являются *потенциальными фразеологизмами*, которые хотя и обладают переосмысленным значением, устойчивостью и воспроизводимостью, а также такими чертами, как образность и метафоричность, все же не являются языковыми единицами в тексте Библии, поскольку находятся пока в стадии своего становления.

Как особые знаки номинации, обладающие широкой семантической основой и недетализированностью, фразеологизмы вообще и библейские фразеологизмы в частности могут обслуживать как элементную, так и «событийную номинацию» (термин В. Г. Гака), т. е. обозначать не только отдельный элемент действительности, но и целое событие или ряд событий, микроситуаций. В основе таких фразеологизмов лежит какой-либо библейский сюжет, являющийся прототипом особого рода. Такие *событийные прототипы* (или аллюзии¹) сочетают в себе как языковую (отдельные слова из библейского текста), так и внеязыковую (содержание библейского сюжета) основы. В первом случае перед нами *элементная аллюзия*, например: ФБ *a doubting Thomas* – «фома неверующий, неисправимый скептик», который был образован на основе библейского рассказа об апостоле Фоме, который не верил в воскресение Христа, пока не увидел Иисуса своими глазами. В библейском тексте употребляется лишь один элемент вышеприведенного фразеологизма – имя собственное *Thomas*. Во втором – *безэлементная аллюзия*, например: *a gift of tongues* – «способность к языкам».

Таким образом, первичная ситуация служит в дальнейшем мотивом фразеологизации данных словосочетаний или предложений и обуславливает их высокую *аллюзивность*, которая понимается как способность навести мысль читателя (слушателя) на нужные лица, обстоятельства, ситуации.

Среди исследуемых случаев событийных прототипов ФБ преобладающими являются элементные аллюзии (21 случай из 28). И, несмотря на общее низкое число событийных прототипов среди прото-

¹ В данном разделе термин «аллюзия» употребляется в широком смысле в качестве синонима термина «событийный прототип».

типов ФБ, можно предположить, что этот вид прототипов в большей степени присущ единицам исследуемой микросистемы по сравнению с другими микросистемами фразеологии.

Анализ соотношения ФБ и их прототипов предполагает прежде всего установление объективных закономерностей образования и развития ФБ на базе их прототипов, а также рассмотрение особенностей ФБ по сравнению с их прототипами в современном английском языке. Результаты анализа свидетельствуют, что наиболее распространенной формой семантического преобразования, определяющей пути и способы появления ФБ, является *полное или частичное переосмысление переменных сочетаний слов и предложений*, т. е. прототипов первой группы.

Большинство ФБ английского языка образованы от своих прототипов в результате *метафорического переноса*, причем характер переноса зависит от того, в каких именно параметрах ФБ совпадают со своими прототипами, т. е. какие именно аспекты реальной действительности отражены в переносном значении. Выбор общего семантического признака, мотивирующего перенос, имеет большое значение, так как признак, лежащий в основе номинации, может облегчить или усложнить адекватное понимание метафоры.

В большинстве случаев метафорический перенос происходит по следующим направлениям: 1) по качеству: *one's ewe lamb* – «бесценное сокровище, единственное дитя»; 2) по состоянию: *a house divided against itself (cannot stand)* – «раздор между своими, междоусобица»; 3) по функции: *one's guiding star* – «путеводная звезда (что-либо или кто-либо, что определяет каким-либо образом чью-либо жизнь, деятельность)».

При *метонимическом переосмыслении* между значением фразеологизма и его прототипа сохраняется более тесная связь, чем между значениями при метафорическом переносе, так как переосмысление исходных словосочетаний осуществляется на основе реальных связей между предметами, действиями или явлениями, которые отражают: 1) отношение части к целому: *a drop in the bucket* – «капля в море»; 2) отношение между органом и функцией, которую он выпол-

няет: *the right hands of fellowship* – «средство общения, пути общения»; 3) отношение между именем и тем, что с этим именем связано: *Solomon's wisdom* – «мудрость Соломона, наивысшая мудрость».

Еще одной особенностью, присущей ФБ, является способность этих единиц к *символическому переосмыслению*, которое занимает промежуточное положение между метафорой и метонимией.

В библейских выражениях представлены символы разных видов: оценочные символы, содержащие потенциальные семы оценки (положительные или отрицательные) например в ФБ *the angel of light* – «дорогой, всеми любимый человек» слово-символ *angel* придает положительную оценочность всему фразеологизму. Отрицательную оценочность несет в себе ФБ *thirty pieces of silver* – «тридцать серебрянников», обозначающий целую ситуацию и являющийся символом предательства. Определенным символическим значением в составе ФБ обладают также прилагательные цвета, такие как *green, white*, придающие фразеологизмам положительную оценочность, например *in the green tree* – «в дни процветания и расцвета»; *(as) white as snow* – «белоснежный, чистый»; символы-зоосемизмы, например: *harmless as doves* – «безобидный (как голубь)»; *dead dog* – «бесполезный, ничемный человек». Также довольно часто в составе ФБ английского языка в качестве символов употребляются соматизмы *hand, foot, head, heart* и некоторые другие (*hand* – символ помощи, *heart* – символ души, сущности человека, *head* – важности, важнейшей части чего-либо). Нередки случаи, когда в ФБ употребляются символы, которые называют «символами в сильном смысле слова» (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, 1995). К ним можно отнести слово *cup* – чаша, которая является символом судьбы, и *cross* – крест как символ христианства и страдания. Эти слова-символы имеют языковые корреляты в библейских выражениях типа *let tins cup pass from me* – книжн. возвыш. «да минует меня чаша сия»; *bear one's cross* – «нести свой крест (безропотно переносить все превратности судьбы)».

Многие из ФБ являются «символами в квадрате». Это значит, что такие фразеологизмы, как *Juda's kiss* – «поцелуй Иуды», *Solomon's wisdom* – «мудрость Соломона» и другие помимо присущего им об-

щего символического значения включают в свой состав имена собственные, сами по себе являющиеся символами. Так, слово *Juda* употребляется в значении «предатель», *Solomon* – в значении «человек, известный своей мудростью».

Дальнейшее преобразование прототипов-устойчивых сочетаний фразеологического характера, обладающих переосмысленным значением уже в тексте Библии, происходит по пути развития фразеологической абстракции, получения необходимой информационной избыточности, семантического обновления. Многие ФБ сохранили свое значение неизменным в течение столетий, например *the Alpha and Omega* – «альфа и омега (начало и конец, суть, самое существенное)», в других же произошли качественные сдвиги в лексической и семантической структуре, которые выражаются в активной трансформации лексического состава части ФБ, в развитии фразеологической полисемии, сужении и/или расширении объема значений этих единиц.

Интересен пример того, как происходило развитие значения ФБ *fall from grace*. Сначала этот фразеологизм имел религиозное значение «отойти от истинной веры, погубить душу». Затем в процессе семантического обновления фразеологизм получил обобщенно-образное значение «терять чье-либо расположение», которое также закрепилось в его смысловой структуре. Однако наблюдается и обратный процесс сужения значения данного ФБ и приобретения им нового значения, близкого к первоначальному религиозному «грешить, сбиваться с пути истинного».

Вполне закономерен, на наш взгляд, процесс перехода *прототипов-цитат* в ФБ, так как он определяется стремлением языка к экономии языковых усилий. Однако не все цитаты становятся фразеологизмами. Слабые перспективы развития системно-языковой знаковости цитат и их перехода во фразеологические библеизмы объясняются структурной осложненностью подобных единиц и, как результат этого, их функциональной тяжеловесностью. А. М. Каплуненко указывает, что эти факторы приводят к *низкой семантической спаянности* компонентов и невозможности их структурного опрощения.

Изучение проблемы преобразования прототипов показывает, что цитаты, перешедшие в ФБ, как правило, являются *выражениями гномического характера*, равными в структурно-семантическом отношении законченному предложению, имеющими назидательное, духовно-нравственное, этическое содержание и обладающими признаками фразеологической устойчивости и воспроизводимости, например *the race is not to the swift, nor the battle to the strong* – «выживает сильнейший». Иногда бывает трудно установить границы между цитатой и гномическим выражением. Основное различие между ними – в разном характере воспроизводимости. ФБ – это устойчивая языковая единица, а цитата – неязыковая единица, обладающая устойчивостью лишь в составе авторского контекста. Кроме того, фразеологическую воспроизводимость отличает от цитирования потеря ассоциативной связи с текстом-источником и гораздо бóльшая вариативность.

Интересно происходит образование ФБ на основе событийных прототипов. Созданный на основе какой-либо ситуации фразеологизм концентрирует в себе содержание целого сюжета в результате своеобразной эссенциализации, компрессии образа, что находит выражение в *аллюзии* как способе фразеологизации. Такие ФБ как *the prodigal son, the lost sheep* мотивируются идеей целого сюжета. Другие же, например, *a good Samaritan, the patience of Job* и тому подобные мотивируются не столько идеей сюжета, сколько каким-то из его фрагментов, несущественных для общей идеи. В основу данных оборотов лег образ библейского персонажа или какая-то его черта.

Еще одним важным способом создания ФБ является *структурно-семантическая деривация*, или процесс вторичной фразеологизации, когда новые фразеологические библеизмы возникают на основе уже существующих в языке единиц.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что постоянным источником пополнения библейской фразеологии путем фразеологической деривации являются коммуникативные единицы – поговорки и примыкающие к ним выражения гномического характера. Такие единицы членятся на более мелкие части, давая жизнь иногда нескольким ФБ другого структурного типа, в значении которых при-

сутствуют имплицитные компоненты. Количество вновь образованных единиц может колебаться от 1 до 6. Например, от выражения *Can the Ethiopian change his skin or the leopard change his spots?* – «Может ли эфиоп переменить кожу свою или барс сменить пятна свои?» в результате редукции первоначального оборота образовано шесть ФБ, активно употребляющихся в языке: 1) *The Ethiopian cannot change his skin*; 2) *change one's skin*; 3) *change one's spots*; 4) *Can the leopard change his spots?* 5) *Can the Ethiopian change his skin?* 6) *A leopard never changes his spots*.

Семантическим процессом, сопутствующим фразеологической деривации, является *эллипсис*. В эллиптированных ФБ сохраняется образная мотивировка, так как в их лексическом составе опускаются компоненты, несущественные для фразеологического значения. В результате эллипсиса возникают так называемые *квантитативные варианты*. Так, от пословицы *the old leaver leaventh the whole lump of* – «старая закваска все тесто квасит» образовались два ФБ: *leaven the whole lump of* – «задавать тон» и *old leaven* – «старая закваска (о старой гвардии)».

Одним из путей образования ФБ является *варьирование компонентов*, т. е. использование структурно-семантических образцов для создания новых единиц путем частичного изменения компонентного состава, в результате чего образуются фразеологические варианты. Вариативность ФБ относится к общесемантическим категориям, таким как полисемия, антонимия, синонимия, и является проявлением системности фразеологии.

Целью следующего этапа исследования выдвигаем рассмотрение системных характеристик ФБ.

В данной работе варьирование ФЕ библейского происхождения рассматривается в аспекте типологии вариантов и в тесной связи с процессами фразообразования.

Анализ библейского материала с точки зрения его варьирования проводится по следующим направлениям: 1) варьирование прототипов ФБ; 2) варьирование ФБ в системе языка (узуальные вариации); 3) варьирование ФБ в речи (оказиональные вариации).

Говоря о варьировании прототипов ФБ в тексте Библии, мы разграничиваем следующие понятия: 1) вариации прототипов ФБ в той версии, на материале которой проводится исследование – (KJV) и 2) вариации прототипов ФБ, выявленные на основе различных версий Библии (имеются в виду новые, более современные версии Библии – *New International Version* (NIV) и *New American Standard Bible* (NASB)).

Сравнение разных вариантов Библии показывает, что большинство библейских прототипов обладают неизменностью как плана выражения, так и плана содержания. Однако часть прототипов ФБ английского языка в новых интерпретациях либо не употребляется вообще, как, например, *kick against the pricks* – «лезть на рожон», либо претерпела структурно-семантические изменения: сравним (*out of the mouth*) of babes and sucklings (KJV), *from the lips of children and infants* (NIV) и *from the mouth of infants and nursing babes* (NASB); *the patience of Job* (KJV), *Job's perseverance* (NIV) и *the endurance of Job* (NASB).

Можно предположить, что подобные изменения вызваны не реальной необходимостью обновления языка Библии, а субъективными интенциями создателей новых переводов библейских текстов. В ряде случаев подобные попытки модернизировать язык Священного Писания приводят к потере красочных, ярких, хорошо известных выражений, которые уже вошли в систему языка и стали лексикографической нормой.

Вариации прототипов ФБ в тексте KJV не являются типичными. Это может быть объяснено тем, что, несмотря на все богатство выразительных языковых средств, Библия остается каноническим текстом, стремящимся к неизменности выражения основных положений христианского вероучения. Удалось выявить лишь отдельные случаи такого варьирования, когда одна и та же единица имеет варианты либо в рамках одного предложения, либо в разных главах Библии. Как правило, в этих прототипах варьирование происходит на уровне одного или двух компонентов, например *like (as) a lamb (sheep) to the slaughter* – «как агнец на заклание (безропотно, безмолвно)».

Гораздо шире варианты представлены среди самих ФБ. Такие варианты зафиксированы в лексикографических источниках и активно употребляются в современном английском языке, причем вариации компонентного состава ФБ могут носить как узуальный, так и окказиональный характер.

Под *узуальными вариациями* ФБ мы понимаем различия, не нарушающие внутренней организации исходного фразеологизма, когда изменения в плане выражения ФБ не влекут за собой изменений в плане содержания, т. е. основным признаком узуальных фразеологических вариантов является наличие семантического тождества. Для фразеологических единиц библейского происхождения в большой степени характерен *структурный* вид варьирования. При анализе материала были выявлены: лексические варианты – *proclaim (cry, shout) upon (from) the housetops*; грамматические варианты – *the gate of heaven – the gates of heaven*, позиционные варианты – *go through fire and water – go through water and fire*.

Менее распространенным видом является *структурно-функциональное варьирование* ФБ, при котором образуются структурные разновидности фразеологизмов, характеризующиеся наличием дополнительной информации, например, информации о стилистической принадлежности ФБ. Так, например, ФБ *throw in one's lot with* – «связать свою судьбу с кем-либо» в результате замены стилистически нейтрального компонента *throw* на стилистически маркированный *cast* приобретает книжный характер.

Вариативность ФБ также рассматривается как средство воздействия на адресата, как продукт языковой деятельности, предназначенный для достижения определенного коммуникативно-прагматического эффекта. В этом случае используются *окказиональные варианты* ФБ, под которыми понимаются нерегулярные модификации, индивидуально-авторские единицы, представляющие собой результат частичной структурно-семантической модификации компонентного состава узуальных ФБ. Такие варианты приобретают стилистически релевантные свойства в процессе актуализации.

Примером окказиональных вариантов может служить использование *окказиональных эллиптированных конструкций*, которые в материале исследования противопоставляются аналогичным конструкциям узуального характера (квантитативным вариантам).

Окказиональные эллиптированные конструкции образуются в результате вычленения автором из исходного фразеологизма каких-либо его частей для целей однократной номинации, например:

«*Where have I been?*» *Toni gasped. «You must know where I've been».*

«*You disappeared weeks ago...*»

«*How do you know?*»

*There was the sound of Paul gasping. «How do I know? I know – because I have had my dear uncle **breathing fire** down my ear ever since!»* (*Anne Mather. Sweet Revenge. P. 178*).

Из состава ФБ *breathe fire and slaughter* – «метать гром и молнии» в результате эллипсиса выделилась часть *breathe fire*, которая приобретает индивидуально-авторское осмысление, мотивированное контекстом.

В микросистеме ФБ можно выделить две основные тематические группы: «Человек и его отношения с окружающим миром» и «Неживая природа», каждая из которых состоит из множества подгрупп. Наиболее многочисленной является первая тематическая группа. Фразеологизмы, входящие в нее, характеризуют человека в различных проявлениях (его внутренний мир, характер его взаимоотношений с окружающей действительностью), а также определяют сферы жизнедеятельности человека: *a good Samaritan* – «добрый самаритянин», т. е. отзывчивый, добросердечный человек», *an unjust steward* – «хитрый, изворотливый человек», *principalities and powers* – «великие мира сего» и многие др. Наличие большого количества ФБ, характеризующих человека, объясняется прежде всего тем, что эти единицы вписываются в общую тенденцию фразеологии описывать прежде всего явления человеческой жизни и реже – какие-то абстрактные сущности и явления природы. Таким образом, одной из специфиче-

ских черт семантики библейской фразеологии является *антропоцентрический характер*.

Изучение системных характеристик ФБ показывает, что в данной микросистеме наблюдаются разнообразные системные отношения, тесно связанные между собой, – полисемия, антонимия, синонимия. При этом полисемия не является типичной для ФБ, поскольку среди общего количества единиц данной группы лишь девять имеют два и более значений в современном английском языке. Так, ФБ *all in all* имеет пять значений: 1) в итоге, всего; 2) в общем; 3) самое дорогое, важное; 4) полностью, целиком; 5) решающий фактор, все (в каком-либо деле). Утверждение новых значений в семантической структуре ФБ происходит либо с целью усиления экспрессивности, либо в целях уточнения и детализации смысла фразеологизмов.

Антонимия также малохарактерна для данной группы единиц. Противопоставление может происходить за счет: 1) употребления антонимичных слов в рамках одного или разных фразеологизмов: *put new wine in old bottles; the tree of the knowledge of good and evil; a word in season – a word out of season*; 2) употребления так называемых *контекстуальных антонимов*, т. е. слов, которые вступают в антонимичные отношения только в определенном контексте: *in the green tree – in the dry tree*.

К синонимическим единицам относятся фразеологизмы с близким или тождественным значением, функционально соотносимые с одной и той же частью речи, но отличающиеся друг от друга либо оттенками значения, либо стилистической окраской, либо тем и другим вместе. Факторами, дающими возможность объединить библейские фразеологизмы в синонимические пары (ряды) являются, во-первых, наличие общих компонентов в смысловой структуре этих единиц – *the bread of life – daily bread* – «хлеб насущный», а во-вторых, наличие общности образов – *fall on stony ground – fall among thorns* – «упасть на бесплодную почву».

На последнем этапе исследования рассматривается характер функционирования ФБ в тексте, а именно: как проявляются системно-семантические свойства ФБ при их функционировании в речи, каково

коммуникативно-прагматическое назначение этих единиц, а также как ФБ используются авторами в качестве выразительных средств языка и речи.

Привлекая ФБ в художественный текст *без изменения их семантики и структуры*, писатели применяют их ингерентные выразительные свойства: образность, экспрессивность, эмоциональность, оценочность, являющиеся элементами коннотации. Самую многочисленную группу (446 единиц) в материале исследования составляют *экспрессивные ФБ*, например: *Naboth's vineyard* – «предмет зависти», *the land of promise* – «земля обетованная», которые не только называют предметы и явления реальной действительности, но и образно их характеризуют. К экспрессивным ФБ авторы, как правило, обращаются для передачи своего отношения к какому-то явлению объективной действительности или конкретному человеку, например:

Several of the trustees asked to know the name of the faculty member involved [in organizing the action of protest]. They were told by Baker, «Jean Philips, who is in charge of the Women's Center, an unfortunate place to have a dogmatic ideologue. Her days at Lavton are numbered» (Corman A. *Prized Possessions*. P. 234).

В словах президента попечительского совета одного из частных колледжей слышится не только ненависть к непокорной сотруднице, но и прямая угроза, выраженная экспрессивным ФБ *one's days are numbered* – «чьи-либо дни сочтены».

Проведенный анализ выявляет, что большинство ФБ являются *образными единицами*, которые представлены следующими видами: ФБ с образной основой *олицетворения* неодушевленных предметов или явлений, например *the old leaven* – «старая закваска (о старой гвардии)»; ФБ с образной основой гиперболы – *cloud of witnesses* – «множество свидетелей»; ФБ-эвфемизмы – *the last enemy* – «смерть». Умолчанию подвергаются не только понятия, связанные с концептуальным полем «Смерть», но и обозначения дьявола, сатаны, так как характерной чертой семантики библеизмов является *отсутствие демонологической лексики*, например *the Father of lies* – «отец лжи (сатана)».

Большую группу в материале исследования составляют ФБ, которым, кроме экспрессивности, свойственна та или иная эмоциональная окраска: положительная, отрицательная, ироническая, торжественная и т. д. Именно оценочный характер семантики библейских фразеологизмов обуславливает широкие выразительные возможности и значительный потенциал в коммуникации. Наличие большого числа ФБ оценочного характера может быть, по-видимому, объяснено тем, что Библия является источником значимых в оценочном отношении ситуаций, а ФБ, отражая понятия, связанные с человеческими ценностями и антиценностями, несут мощный оценочный заряд.

Ярко выраженную положительную окраску имеют ФБ *the olive branch* – «пальмовая ветвь (символ примирения)», *the land of promise* – «земля обетованная» и др. Фразеологизмы с негативной оценочностью, выражая неодобрение, осуждение и так далее, также обладают огромным прагматическим потенциалом: *vain repetition* – «пустая болтовня», *whited sepulcre* – «гроб повапленный (ханжа, лицемер)» и многие др.

В ходе исследования было выявлено, что среди оценочных ФБ отрицательной окраской обладает большее количество единиц (127), единиц с положительной оценкой гораздо меньше (81). Это свидетельствует о *нейпоративном характере* их оценочности.

Узуальные оценки являются фиксированными, так как в узуальных контекстах могут актуализироваться только те оценочные семы, которые заложены в семантике ФБ, в то время как при окказиональных изменениях оценка может меняться в зависимости от позиции, которую занимает говорящий, а также под влиянием контекста. Такая «плавающая» оценка (термин А. М. Каплуненко) свойственна ФБ, которые подвергаются различным видам *энантисемии*. Примером понятийной энантисемии может служить библейский фразеологизм *not to let one's left hand know what one's right hand does* – «не ведать, что творить», который характеризуется изменением эмоциональной окрашенности в современном английском языке.

Однако в процессе творчества художник не только реализует общезыковые выразительные качества библейских фразеологиче-

ских единиц, но и преобразует, трансформирует эти единицы, и чем большей трансформации подвергается фразеологизм, тем большей выразительности достигает автор. При окказиональном использовании ФБ усиление экспрессивности и создаваемого фразеологизмом стилистического эффекта достигается использованием различных стилистических приемов, как *внутренних* – вклинивания, добавления, замены компонентов, искажения ФБ, аллюзии, так и *внешних* – двойной актуализации, обособления. Анализ большого количества примеров окказионального использования ФБ позволяет прийти к заключению, что для данной группы единиц характерно использование внутренних стилистических приемов, особенно таких, как вклинивание и замена компонентов, например:

– *Er, – ah! said Mr. Edward Palgrove and negotiated a crisis with a horrible grinding sound that would have set a true motorist's teeth on edge* (Christie A. Tales of Mystery. A Fruitful Sunday. P. 145).

Использование вклинивающегося словосочетания *a true motorist's* в состав ФБ *set one's teeth on edge* – «действовать кому-либо на нервы, “резать” слух» позволяет автору не только подчеркнуть неопытность водителя, который, дешево купив поношенный (даже не *second-hand*, а *fourth-hand*) автомобиль, лишь во второй раз выезжает на нем, но и выразить шутовское отношение к своему герою и добиться определенного юмористического эффекта.

He never looks happy – not really happy. I don't want to make him worse, but of course I shall have to, when John comes back. Oh, well, sufficient unto the night (Galsworthy J. To Let. P. 93).

В этом примере происходит замена компонента *day* на антонимичное слово *night*, более подходящее к ситуации (Флер размышляет о своем отце на закате дня).

Интересны также примеры использования структурно-семантического приема *искажения* ФБ. Особенностью употребления данного приема в материале исследования является его сочетание с узуальным приемом *цитирования*, когда трансформируются ФБ, в основе которых лежит та или иная известная цитата из Библии, например:

«I want a raise», I said. «Beginning yesterday at four o'clock. I admit it will be more inflation, and President Ford expects us to voluntarily lay off, but as somebody said, a man is worth his hire».

«The laborer is worthy of his hire. The Bible. Luke» (Stout R. A Family Affair. P. 87).

В этом примере искажение хорошо известного библейского выражения *the labourer is worthy of his hire* – «трудящийся достоин награды за труды свои» характеризует персонаж – частного детектива Арчи Гудвина – как человека необразованного. Одновременно как контраст звучит точная цитата из Библии с указанием не только источника, но и книги, из которой она взята, данная знаменитым сыщиком Неро Вульфом. Рекс Стаут обращается к этому стилистическому приему как к средству образно-речевой характеристики своих героев, показывая разницу в их социальном статусе и в уровне образованности.

Полные, усеченные или перифразированные цитаты из Библии обладают аллюзивными свойствами. *Аллюзия* активно используется в прагматических целях, так как она способствует достижению максимальной выразительности речевого высказывания. Объектами аллюзии, как правило, являются какие-то качества известных библейских персонажей, места известных библейских событий, но наиболее часто объектом аллюзии являются различные цитаты из Библии.

Как выразительные средства ФБ могут использоваться не только в религиозно-проповедническом стиле, но и в любых стилях речи: в газетном стиле, в публицистике, в ораторском искусстве, в художественной литературе, в повседневном общении.

Проведенный анализ показал, что, как особая группа ФЕ английского языка, фразеологические библеизмы являются неотъемлемой частью его образно-выразительных средств, обладают своей спецификой как в содержательном, так и в функциональном планах и, несомненно, заслуживают пристального внимания исследователей.

Данная работа открывает перспективы дальнейшего изучения ФБ, которое включает рассмотрение характера отношений ФБ с другими языковыми единицами, так как фразеологизмы библейского

происхождения являются идиоматическими коррелятами однословных номинативных единиц, например *salt of the earth – essence*. Интересна проблема взаимодействия и взаимосвязей различных видов прототипов ФБ. Одной из важных проблем может быть типологическое изучение ФБ английского и русского языка, а также изучение характера изменений, происшедших в ФБ в современных версиях Библии. Одной из интересных и актуальных проблем является анализ библейских фразеологизмов с когнитивной точки зрения.

Хостай И. С. Системно-функциональные характеристики единиц библейского происхождения в английском языке : дис. ... канд. филолог. наук. М., 1997. С. 1 – 23.

Тема 10. ОСНОВНЫЕ РОЛИ ОБРАЗА В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

(по В. И. Зимину)

Абсолютное большинство фразеологизмов в период своего становления представляет собой образ, организующий значение фразеологизма. Иными словами, образ фразеологизма – это образная внутренняя форма, в ономаσιологическом аспекте его можно рассматривать как самый основополагающий компонент семантики фразеологизма. Можно думать, что без образа, т. е. без внутренней формы, нет значения фразеологизма, как нет и самого фразеологизма. «Поэтому фразеологические единицы не могут успешно выполнять свою коммуникативную функцию при утрате внутренней формы, так как между внутренней формой, значением и функционированием фразеологизма наблюдается тесная связь, когда одно явление не может существовать без другого»¹.

На основании изучения многочисленных работ по фразеологии различных языков полагаем, что основные роли образа в семантике и функционировании фразеологизмов следующие: 1) образ мотивирует реальное значение фразеологизма, 2) образ «возбуждает» оценку и эмотивность значения фразеологизма, 3) образ является носителем культурной коннотации фразеологизма. Этим ролям образа фразеологизма уделим основное внимание.

1. Образ мотивирует реальное значение фразеологизма. Рассмотрение этого вопроса претерпело значительные изменения в процессе развития фразеологии. Ранее (во времена господства во фразеологии фразеологической доктрины В. В. Виноградова) понимание образа или внутренней формы фразеологизма связывалось с возможностью/невозможностью вывести значение фразеологизма из значений

¹ Обдуллаев А. Р. Фразеология: внутренняя форма единиц. Ургенч : [б. и.], 1996. С. 129.

составляющих его слов-компонентов. Смотрите, например, что писал Л. И. Ройзензон: «Внутренней формой фразеологизма мы называем ту связь, которая существует между фразеологическим значением оборота и реальными (современными или историческими), древними значениями компонентов (всех или хотя бы одного), из которых оборот состоит. Следовательно, внутренняя форма фразеологизма есть наличие мотивированности в устойчивом обороте. Например, *сесть в лужу, взять в свои руки, взять за горло* и т. п.»¹. Сразу же скажем, что понимание образа фразеологизма в зависимости от переосмысления значения компонентов является довольно ограниченным и по существу неверным. «Постулат о том, что в основе идиоомообразования лежит процесс переосмысления слов в данной конструкции, является крайне обедненным»². Понимание того, что фразеологизм образуется посредством переосмысления компонентов исходного сочетания, неверно по существу. Невозможно раскрыть механизм этого (покомпонентного) переосмысления. Если думать, что компоненты фразеологизма переосмысливаются, то надо бы показать механизм этого переосмысления. А это обычно не делается. Например, как переосмысливался компонент *стена* во фразеологизме *лезть на стену* и какие признаки стены перешли к значению всего фразеологизма «приходить в крайнее раздражение, иступление». Никакие. Но *стена* не исчезла. Она вошла в состав образа, который лежит в основе мотивации реального (современного) значения фразеологизма. Мотивация же всего фразеологизма объясняется не покомпонентно, а тем образом, который лежит в основе значения фразеологизма: фразеологизм *лезть на стену* зародился, очевидно, в рядах русских ратников. Ранее города и крепости окружались высокими (обычно каменными) стенами. Чтобы их штурмовать, приходилось делать широкие и длинные (чем длиннее, тем лучше) деревянные настилы с крючками, набрасывать их на стены и по ним бежать с копьями, мечами и подобным, со стен крепости атакующих встречали копьями, мечами, стрелами, лили горячую

¹ Вопросы фразеологии / отв. ред. Л. И. Ройзензон. Ташкент : Наука, 1965. С. 66.

² Рысева Е. А. Тропеические механизмы идиоомообразования и их связь с языковой картиной мира // Фразеологические словари и компьютерная фразеография. Орёл : [б. и.], 1990. С. 20.

воду или смолу, бросали камни и т. п. В общем, чтобы атаковать такие стены, долго думали, готовились, могли долго стоять у этих стен. Тогда некоторые ратники не выдерживали длительного ожидания и бросались на стену с одним мечом, проявляя чудеса храбрости, но и безумства. Именно о таком «настроении» этих ратников и говорится во фразеологизме. Здесь существенным будет добавление, что весь образ фразеологизма не является наглядно зримым, в его состав входят и «невидимые» признаки, такие, как поведение, настроение человека и т. п. В описании образа фразеологизма очень важным является обязательное описание таких признаков. Еще пример: *шлея под хвост попала кому-либо* – о неуравновешенном, взбалмошном поведении кого-либо. «Значение выражения мотивируется тем, что у лошади под хвостом (у самого начала хвоста) есть место, не покрытое шерстью. Лошадь очень боится щекотки в этом месте. Если туда попадает шлея (ремень сбруи), реже вожжа, тогда всё выражение звучит *вожжа под хвост попала*, лошадь начинает беситься, может понести, разбить повозку и т. п. С таким поведением лошади и сравнивается поведение человека»¹. Указание на невидимое место у лошади под хвостом является основным мотивационным признаком значения фразеологизма.

Образ, мотивирующий значение фразеологизма, далеко не всегда является самоочевидным, наглядно представимым, как, например, *повернуться спиной к кому-либо*, *грести деньги лопатой* и т. п. Часто образ фразеологизма приходится раскрывать этимологическим путём. Приведём некоторые примеры. Вот фразеологизм *мастер на все руки* – «человек, искусный в любом деле». Он не вполне понятен современным людям, они задаются вопросом – на какие такие руки? Но всё объясняется просто: происхождение фразеологизма связано с поточным производством, в котором работы разбивались на операции, исполнители операций соответственно назывались: первая рука, вторая рука и т. д. Первую операцию исполнял мастер высокой квалификации. Отсюда и пошло выражение *мастер первой руки*. Заключительную операцию исполняла *последняя рука*. Но выражения *мастер по-*

¹ Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М. : АСТ-Пресс, 2012. С. 48.

следней руки нет. Есть сочетание *последняя рука*, закрепившееся в поговорке *Последняя рука хуже дурака*. Почему так говорят? Потому что на последнюю руку сваливали недоделки всех предыдущих рук. Эту операцию раньше не каждому доверяли, да и сейчас тоже. Например, в бухгалтерии при составлении годового отчёта роль последней руки обычно выполняет старший или главный бухгалтер. Мастер высокой квалификации, способный выполнять любую операцию в поточном производстве, это и есть *мастер на все руки*. Так и ныне называют мастера-универсала, способного квалифицированно выполнять многие операции. *Мозги набекрень* у кого-либо – кто-либо с причудами, со странностями (*собств. русск*). Долгое время головной убор, надетый набекрень, т. е. набок, вызывал насмешки: это было отклонением от правил ношения головных уборов. Поэтому человек, носивший шапку набекрень, казался не вполне здравомыслящим. *Троянский конь* – «обманчивый дар, коварная услуга (калька)». Из описания в «Илиаде» (около IX – VIII вв. до н. э.; перевод Н. И. Гнедича, 1829 г.) эпизода войны. Греки, сделав вид, что они отказываются от осады Трои, отошли от неё, оставив у ворот огромного деревянного коня. Троянцы втащили его в город. Из коня ночью вышли греческие воины и открыли ворота города для греческого войска. *Фиговый листок* – «лицемерное прикрытие постыдного, лицемерная маскировка неблагоприятных намерений (калька)». Адам и Ева после грехопадения устыдились своей наготы и опоясались листьями фигового дерева. В античной скульптуре фиговый листок использовался на изваяниях нагих фигур. *По первое число (всыпать)* – «сильно, строго (наказать кого-либо). (*собств. русск*)». В старых школах учеников пороли, независимо от того, виноват или не виноват ученик, каждую неделю. Если пороли сильно, то этой порки хватало на последующие недели, вплоть до первого числа следующего месяца.

При этимологическом раскрытии мотивации значения фразеологизмов неизменно возникают некоторые проблемы и трудности. Вот что пишут А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский: «В отличие от актуального значения, которое должно быть единым или очень близким у разных носителей языка, понимание внутренней формы менее уни-

фицировано. Это и составляет одну из проблем в описании семантики идиом. Выявление инварианта внутренней формы и фиксация этого инварианта в модели значения идиомы – одна из важнейших задач семантического описания фразеологии»¹. Мы поставим эту проблему в несколько иную плоскость и назовём её верификацией гипотез происхождения фразеологизмов. Основные требования к верификации гипотез происхождения фразеологизмов таковы: в образе фразеологизма должны содержаться и должны быть четко указаны признаки, мотивирующие выводное значение фразеологизма. Между образом и выводным (актуальным, современным) значением должно устанавливаться смысловое отношение, понятное в настоящее время современным носителям языка. При этом должны быть учтены и приняты во внимание не только внутриязыковые, но и многие внеязыковые явления, в частности исторические, этнические, социальные, культурные и другие условия происхождения фразеологизмов; существующие в художественной литературе примеры употребления анализируемых фразеологизмов, которые бы показывали правомерность изложенного толкования и этимологического пояснения. В случае изложения нескольких этимологических версий происхождения фразеологизма, предпочтение необходимо отдать той, которая наилучшим образом согласуется с реальным механизмом порождения фразеологизма. Чтобы это положение не было чисто декларативным, приведем хотя бы несколько примеров верификации гипотез происхождения фразеологизмов.

Биться как рыба об лед. Значение этого фразеологизма толкуется следующим образом: «О безуспешных стараниях сделать что-либо, добиться чего-либо»². Приводятся две этимологические версии происхождения этого фразеологизма: 1) основой фразеологизма является сравнение с пойманными рыбами, брошенными на лёд (изложено

¹ Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 22.

² Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М. : Астрель : АСТ, 2005. С. 616 ; Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М. : Рус. яз., 1987. С. 17.

Н. М. Шанским, В. И. Зиминим, А. В. Филипповым), 2) выражение возникло на основе уподобления рыбам, которые при длительном покрытии реки льдом страдают от нехватки кислорода и беспокойно бьются об лёд, чтобы проломить его (эта версия происхождения идиомы впервые была изложена А. С. Спириным). На наш взгляд, надо отдать предпочтение второй версии. В первом толковании (об уподоблении рыбе, выброшенной на лёд) не содержится указания на длительность усилий, стараний: рыба, выброшенная на лёд, бьётся лишь некоторое время, а потом её мучения кончаются, она «засыпает». Во фразеологизме же говорится о длительных стараниях человека добиться чего-либо с большим трудом, и тут подходит больше образ поведения рыбы, приведенный во втором этимологическом толковании. *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день* – «выражение разочарования из-за неудачи в каких-либо непредвиденных обстоятельствах». Есть две версии происхождения этого выражения: 1) в осенний Юрьев день (26 ноября по старому стилю) крестьянам разрешалось переходить от одного помещика к другому (за неделю до Юрьева дня и неделю после него). В 1581 г. царь Иван IV, временно запретив переход крестьян в Юрьев день, способствовал тем самым прикреплению крестьян к земле помещика. Окончательное закрепление крестьян за определенным помещиком произошло при Борисе Годунове, в 1607 г. Тем самым крестьяне лишились даже минимальной свободы и превратились в крепостных. В этот период и возникла поговорка *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*. 2) в осенний Юрьев день хозяева при расчёте обманывали своих работников; последние надеялись получить что-либо за свои труды, а не получали. С этим днём связано и возникновение слова *объегорить* с известным значением «обмануть»: Юрий, Егорий, Георгий – это варианты одного имени. Возможно, эти две версии происхождения данной поговорки наслаивались друг на друга. Мы больше верим второму варианту этимологии данного выражения: обман помещиками и другими богатеями своих работников при расчёте, надо думать, был распространён гораздо больше, чем переход крестьян от одного помещика к другому: хороших помещиков было немного, земля кормила крестьян. Вторую версию происхождения данной

поговорки убедительно поддерживает слово *объегорить* с чёткой семантикой «обмануть», что подкрепляет правомерность второй этимологической версии. *И волки сыты и овцы целы*). ... Обычно эта поговорка толкуется так: «Обе стороны довольны результатом дела»¹. Есть две версии происхождения этой поговорки: 1) поговорка исконно славянская, известная русскому литературному языку с XVII в. (др.-рус. *Волки бы сыты, а овцы бы целы*). ... Образ пословицы прозрачен, ибо отталкивается от хорошо известного в фольклоре метафорического противопоставления хищного волка и кроткой овцы, что способствовало её популярности. ... Поскольку примирение волка и овцы принципиально невозможно, то ситуация, отражённая поговоркой, означает стремление к исключительно трудному (часто неосуществимому) компромиссу. 2) объясняется тем, что прежде пастухи намеренно занижали приплод в стадах помещичьих овец. После пригона овец с пастбищ это помогало им отчитаться перед помещиком; хотя волки за лето поедали часть овец, но количество их оставалось прежним². В этой поговорке очень многое остается неясным. В первом этимологическом толковании говорится, что «... поскольку примирение волка и овцы принципиально невозможно, то ситуация, отражённая поговоркой, означает стремление к исключительно трудному (часто неосуществимому) компромиссу». Что сказать? Компромисс между волком и овцой никогда не осуществится. А как быть с толкованием «обе стороны довольны результатом дела»? Если говорить о волке и овце, то этого тоже никогда не может быть: волк-то будет доволен, съев овцу, а овца... Нам кажется, толкование поговорки говорит о помещиках и пастухах: они действительно могут быть довольны (пастухи наверняка довольны, помещики вроде бы довольны). То, что в поговорке изначально был заложен обман помещиков пастухами, забылось, на это наталкивает только этимологический анализ поговорки (вторая версия), который в какой-то мере проясняет суть «довольства» обеих сторон. *От ворот поворот* – «категориче-

¹ См., например: Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Указ. соч. С. 114.

² Словарь синонимов и антонимов русского языка / В. И. Зимин [и др.]. М. : АСТ, 2008. С. 36.

ский отказ, отрицательный ответ на чью-либо просьбу, обращение». По поводу происхождения этого выражения также имеется две версии: 1) выражение собственно русское, восходит к старинному русскому обычаю сватовства. Если предложение принимали, сватов приветливо встречали и сажали за стол, угощали. При заранее обдуманном отказе приехавших свататься не пускали в дом, и они вынуждены были «поворачивать от ворот». 2) оборот образовался от пословицы *От чужих ворот не стыдно делать поворот*. Во втором толковании никак не объясняется идея отказа, а общий контекст (стыда) не лежит в основе этого оборота. Надо отдать предпочтение первому этимологическому толкованию выражения.

Заметьте, что во всех случаях толкуется (раскрывается, анализируется, показывается) именно образ фразеологизма, лежащий в основе реального значения: настолько велика его организующая и мотивирующая роль в семантике фразеологизма.

2. Образ «возбуждает» оценку и эмотивность значения фразеологизма.

Образны ли фразеологизмы? Абсолютное большинство фразеологов уверены, что фразеологизмы – это (в основном) образные структуры. В этом современные фразеологи убедились, рассматривая проблему образования идиом. Идиомы не мотивированы значениями компонентов, они в абсолютном большинстве своем мотивированы образом фразеологизма (ассоциативно-образным комплексом признаков, по В. Н. Телии). Каковы особенности образа фразеологизма? Есть разные типы образов. Образ – результат восприятия человеком предмета реальной действительности (зримо представимый образ), образ – второсигнальный, по И. П. Павлову, т. е. остающийся после услышанного слова, образ эйдетический (эйдос – *греч.* «образ») – «разновидность образной памяти в идеалистической философии Гуссерля – учении о «чистых сущностях» или «идеальных формах», разновидность образной памяти, заключающаяся в способности сохранять яркие образы предметов долгое время спустя после исчезновения их из поля зрения» (Словарь иностранных слов, 1980). Эйдетические образы часто бывают болезненными. Сущность фразеологического образа заключается в том, что это образ не отдельного предмета, а це-

лостной ситуации. Как говорил А. М. Бабкин, фразеологизм не означает определенное явление реальной действительности, а изображает его. Здесь проявляется изобразительная сила именно образа фразеологизма. Мы уже говорили, что образ фразеологизма либо виден в синхронном плане, либо проясняется этимологическим путём. Но важнее другое: образ фразеологизма является источником мотивации семантики фразеологизма, оценочности, эмотивности и т. п. «Образ влияет как на состав развивающихся у идиомы значений, так и на характер этих значений. К настоящему времени во фразеологии отсутствуют какие бы то ни было инструменты, которые позволяли бы предсказывать и объяснять хотя бы на относительно регулярной основе связь между внутренней формой и актуальными значениями идиом»¹. Говоря о «возбуждении» оценки и эмотивности во фразеологизмах, мы имеем в виду прежде всего наглядное, живое представление отражаемого во фразеологизме фрагмента (ситуации) реальной действительности. Восприятие этого фрагмента обязательно сопровождается его оценкой. Оценка понимается как информация о ценности того, что отображается в денотативном содержании идиомы. При этом обычно субъект соотносит с ценностной картиной мира, уже сложившейся в определенном социуме, всё, что случается или происходит в мире и отражено в идиомах.

Оценка действует в контексте мнения (говорящий выражает оценку, как бы говоря суждение «и это хорошо» или «и это плохо» и «встраивая» оценку в семантику идиомы. Оценка действует в диапазоне «хорошо – плохо». Оценочная шкала «хорошо – плохо» является основой той модальной рамки, которую оценочность задает высказыванию.

Оценка не однозначна. Есть много видов оценки. Надо различать оценки этические, эстетические, гедонистические, утилитарные, базисные и другие². Мы скажем об этом очень кратко.

¹ Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Указ. соч. С. 27.

² Кунин А. В. Механизм окказиональной фразеологической номинации и проблема оценки // Вопросы фразеологии : сб. науч. тр. Вып. 168. М. : [б. и.]. 1980. С. 158 – 185 ; Федуленикова Т. Н. Стилистическая валидность фразеологической апокопы // Стилистика и теория языковой коммуникации : материалы докл. междунар. конф. М. : Моск. гос. лингвист. ун-т, 2005. С. 218 – 220 ; Романовская О. А. К вопросу о патриотическом дискурсе: теория и эмпирика // Патриотизм в социальном пространстве : материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием. Ульяновск : УлГУ, 2014. С. 7 – 12.

1. Этическая оценка.

Этические оценки связаны с удовлетворением нравственного чувства. Объектом этических оценок являются поступки, поведение человека, в соответствии с которыми оценивается и сам человек.

Оценка в соответствии с этическими параметрами выносится на основе его отношений с другими людьми, соблюдения общепризнанных норм морали. Положительная этическая оценка относится к людям добрым (*Доброму человеку и чужая болезнь к сердцу*), чистосердечным, откровенным (*без задней мысли*), прямодушным, искренним (*душа нараспашку*), доверчивым, кротким (*мухи не обидит*). Нравственные нормы осуждают людей пассивных (*палец о палец не ударит*), наглых (*врёт как сивый мерин*), нахальных (*ни стыда ни совести*). Этическая оценка отличается неградуальным измерением: невозможно быть чересчур честным, излишне справедливым, избыточно ответственным и т. п.

2. Эстетическая оценка.

Эстетические оценки формулируются в терминах «прекрасное» и «безобразное». Они приписывают своим объектам эстетические ценности. Под эстетической ценностью понимается «самостоятельная и чувственно непосредственно воспринимаемая ценность». Это определение отражает субъективную и объективную стороны эстетической ценности. Объект, носитель эстетической ценности, должен обладать определенными естественными свойствами и благодаря этим свойствам быть способным удовлетворять определенные запросы субъекта. Иными словами, такой объект, носитель эстетической ценности, характеризуется «способностью производить эстетически приятные впечатления». Способность предметов или явлений удовлетворять или не удовлетворять эстетическим требованиям может проявляться в различной степени, вследствие чего эстетическая оценка может приобретать различные оттенки отрицательного или положительного характера – от осуждения до восхищения.

Оценка на основе эстетических критериев базируется на внешних признаках индивида, квалифицируя его с позиций красиво/некрасиво, модно/немодно. По отношению к внешности можно судить о внут-

ренных качествах личности. Положительно характеризуется человек, который внимательно к себе относится, следовательно, требует к себе уважения (*прекрасный пол, писаная красавица, кровь с молоком, в полном параде*) и т. д. И, наоборот, вызывают насмешку и неуважение неопрятные люди (*синий чулок, драная (ободранная) кошка, кожа да кости, руки в брюки*) и т. д.

3. Гедонистическая оценка.

Гедонистическая оценка – это наиболее персонализированный вид оценки. В гедонистических оценках на первое место выступают ощущения субъекта, а объект, источник этих ощущений, отодвигается на второй план. В оценочных суждениях такого вида «хороший» означает примерно то же, что и «доставляющий удовольствие». Смотрите такие примеры, как (*как*) *гора с плеч (свалилась), в розовом цвете* и так далее, и наоборот, «нехороший» – *с тяжелым сердцем, (сам) не свой, в черном цвете, как в воду опущенный* и т. д. Семантическое значение «хороший/плохой» выполняет функцию выражения, указывая на определенное эмоциональное состояние субъекта оценки. Эти оценки не являются ни истинными, ни ложными. «Они ничего не описывают, ничего не утверждают, являясь всего лишь словесными выражениями определенных психических состояний»¹. Гедонистические оценки, связанные с чувственным опытом человека (физическим и психическим), ориентируют его в природной и социальной среде, способствуя его аккомодации, достижению комфортности. Они обычно не мотивируются, поскольку прямо проистекают из того ощущения, которое, независимо от воли и самоконтроля, испытывает человек.

4. Утилитарная оценка.

Утилитарные оценки связаны с практической деятельностью, практическими интересами и повседневным опытом человека. Они основаны на выборе того, что может быть полезным или благоприятствовать выполнению некоторой задачи. Основное отличие утилитарных оценок от других в том, что они, приписывая объекту положительную ценность, не говорят о том, что данная вещь является хоро-

¹ Ивин А. А. Основания логики оценок. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. С. 36.

шим представителем вещей этого класса¹, но может «хорошо служить с точки зрения реализации рассматриваемой цели и обладает в силу этого утилитарной ценностью»². Утилитарная оценка употребляется для «характеристики практической значимости предметов, их воздействия на организм человека или его мироощущения. При этом имеется в виду какое-то определенное свойство предмета, которое в нём существует как потенциальная возможность и проявляется при использовании его человеком»³. Положительная утилитарная оценка выражается такими фразеологическими единицами, как *правая рука, старый воробей, денежный мешок* и т. д. Отрицательная утилитарная оценка выражается такими фразеологическими единицами, как *медвежья услуга, ахиллесова пята, бред сивой кобылы, змея подколодная* и т. д.

5. Базисная оценка.

Оценка, даваемая одним индивидом другому на основании базисных признаков – это оценка того, насколько кто-либо состоятелен/несостоятелен как личность, что проявляется преимущественно в интеллектуальных способностях (кто-либо *с головой, ума палата*, см. оценочную характеристику типов характера: флегматик – *тянуть ко-та за хвост*; холерик – *загорается от всего как спичка*; меланхолик – *видит всё в черном цвете*).

Таким образом, в аксиологическом фрагменте языковой картины мира фразеологические единицы являются активным выразителем субъективных оценок качественных характеристик предмета, связанных с признанием или непризнанием его ценностей с позиций определенных ценностных критериев.

Оценка в целом сложно взаимодействует с эмотивностью. Что есть эмотивность, эмотивный компонент семантической структуры фразеологизма? Эмотивность как компонент семантической структуры фразеологизма объединяет в себе всю информацию, которая соотносится с чувством-отношением субъекта к обозначаемому. Эмотив-

¹ Медведева Н. Е. Аксиологический аспект современных французских арготизмов. : дис. ... канд. филолог. наук. Белгород, 2001.

² Ивин А. А. Указ. соч.

³ Хрящева Н. П. Предложения с оценочным предикатом : дис. ... канд. филолог. наук. М., 1992. С. 5.

ность проявляет своё действие на шкале «одобрение – неодобрение»¹. «Одобрение» и «неодобрение» – это крайние точки шкалы, между которыми располагаются другие характеристики: презрение, пренебрежение, уничижение, порицание, ирония и т. п. Например, идиома *вешать лапшу на уши кому-либо* может быть записана (по мотивационному и по эмотивному компоненту) следующим образом: представьте себе, как если бы X вешал лапшу на уши Y-у, испытайте пренебрежение к Y-у (кто же в самом деле допустит, чтобы ему вешали лапшу на уши, кроме совсем глупого человека). Из подобной записи видно, что эмотивность «возбуждается» не денотативно-оценочной информацией, а ассоциативной связью с образом фразеологизма. При этом эмотивность представляет собой такую же модальную рамку, как и оценка, но вместо оценки мнения (*считай, что...*), эмотивность включается в контекст чувства-отношения (*испытай* неодобрение / презрение / пренебрежение и т. п.) Эмотивное отношение зависит от характера образного стимула, оно оформляет его в целом, как бы главенствует над ним.

Повторяем еще раз, что эмотивность в структуре семантики фразеологизма сложно взаимодействует с другими компонентами и прежде всего с денотативным и оценочным компонентами. И повторяем ещё раз, что эмотивность действует в контексте чувства-отношения (мы употребляем этот «сложный» термин в отличие от другого термина – чувство-состояние). Например, фразеологизм *камень лежит на душе* означает тяжелое настроение (это состояние), а к нему устанавливается эмоция-отношение – «неодобрительное» (вряд ли кто захочет одобрить такое состояние).

Считаем правильными следующие наши действия при описании эмотивности:

1. Надо указать, что оценка может обойтись без эмотивности в случае её нейтрально-логического выражения (см., например, хоро-

¹ См. об этом: Телия В. Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеология в машинном фонде русского языка. М. : Наука, 1990 ; Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики). Новосибирск : Наука, 1986 ; Матвеева Т. В. Лексическая экспрессивность в языке : учеб. пособие по спецкурсу. Свердловск : УрГУ, 1986.

ший, прекрасный, плохой, нехороший и т. п.). Эмотивность же всегда включает в себе и оценку.

2. Надо различать эмотивность и эмоциональность. Их давно уже (много лет) различают: различают в духе Ш. Балли¹, который впервые ввёл эти сущности, а также других лингвистов, поддержавших разделение эти понятий².

3. Во фразеологических словарях (в словарях лексики тоже) не писать только краткие пометы эмотивности типа *одобр.*, *неодобр.*, *презр.*, *пренебр.*: это никак не способствует ликвидации эмотивной безграмотности, а надо показать структуру каждого вида эмотивности и это разместить во введении к словарю, а в тексте словаря писать не краткие пометы, а фразы «говорится с презрением», «говорится с пренебрежением» и т. п. Структуру же каждого вида эмотивности (в Машинном фонде это называлось «экстенсионалом») описываем с опорой на следующие «точки»: субъект, объект, основание эмотивности (оно может быть этическим, эстетическим, моральным, физическим и т. п.). Например, эмотивно-оценочное отношение презрения – это чувство-отношение, объектом которого выступает лицо (реже группа лиц или социальный коллектив). Это устойчивое, интенсивное эмоционально-оценочное отношение отрицательного спектра, возникающее только в связи со значимыми для субъекта людьми и событиями и вызываемое либо нарушением объектом оценки основных морально-этических норм субъекта (и общества) в сфере межличностных или социальных отношений, либо осознанием субъектом своего превосходства над объектом в силу принадлежности последнего к менее престижному социуму, нежели тот, членом которого он сам является³. Обратите внимание, что предметы мы по-

¹ Балли Ш. Французская стилистика. М. : Эдиториал УРСС, 2001.

² См.: Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л. : Худож. лит., 1973 ; Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987 ; Шингаров Г. Х. Эмоции и чувства как формы отражения действительности. М. : Наука, 1971 ; Маслова В. А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М. : Наука, 1991. С. 38 – 43.

³ Графова Т. А. Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. С. 568.

чему-то не презираем. Например, *мозги набекрень, руки в брюки, держать нос по ветру, лизать пятки* и т. п. (ср. французский фразеологизм – *pisser au bénitier* (букв. «помочиться в кропильницу») – «устроить скандал, учинить безобразия»). У французов этот фразеологизм вызывает крайнее презрение.

Эмотивно-оценочное отношение пренебрежения – не такое «сильное», как презрение, оно гораздо «слабее». Экстенционал, соотносимый с эмотивно-оценочным отношением пренебрежения можно представить в следующем виде: субъект, переживающий чувствоотношение пренебрежения, может иметь в качестве объекта этого переживания как лицо или социальный коллектив, так и неодушевленный предмет, явление реального мира, предмет живой и неживой природы. Пренебрежение не может быть направлено на самого субъекта. Субъект эмотивно-оценочного отношения пренебрежения считает себя знатоком, образцом в данной области поведения, своеобразным экспертом, в то же время он считает, что объект не имеет для него ценности или значимости, недостойн его внимания и интереса, установления контакта с ним. Пренебрежение связано больше с личностными, нежели социальными нормами. Что касается фразеологических единиц, то они в абсолютном своём большинстве содержат эмотивно-оценочное отношение пренебрежения применительно к человеку, к лицу, к индивиду, а не к предмету. Это, очевидно, объясняется тем общеизвестным фактом, что вообще фразеологические единицы характеризуют чаще человека, его внешний вид, состояние, действия и поступки и т. п. Например, *стоять на ушах, от горшка два вершка, от земли не видно, без царя в голове, голова садовая, мелкая сошка, мелко плавать, ни рыба ни мясо, точить лясы* и т. п. Структура эмотивных экстенционалов хорошо описана в разных работах применительно к лексике¹.

Необходимо разграничивать эмоциональность и эмотивность (соответственно – эмоциональный и эмотивный). Эмоциональность

¹ Графова Т. А. Указ. соч. ; Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке. Механизмы создания языковой экспрессивности. С. 36 – 67.

свойственна человеку, он может быть эмоциональным, эмоциональность указывает на состояние психики человека. Эмотивность свойственна языковым средствам (слову, фразеологизму и т. п.), они могут быть эмотивными, выражающими в себе какую-либо эмоцию-отношение.

В свете сказанного выше нельзя приветствовать такие фразы в работах лингвистов, как «эмоциональность как свойство языковых единиц». Нет, это эмотивность языковых единиц, а эмоциональность наблюдается у человека, лица.

Далее: как соотносятся меж собой образность, эмотивность, оценочность и т. п.? Часто их называют смежными явлениями, но думается, что их можно расположить в определенный кортеж на основе причинно-следственной зависимости (по крайней мере, применительно к фразеологизмам). В основе всего лежит образ, образность, она «возбуждает» определенную оценку и эмотивность; а в конце «кортежа» оказывается экспрессивность, понимаемая как такая семантическая категория¹, которая связывается с экспрессивной функцией языка и имеет систему средств выражения на всех уровнях языка. Думается, что введение в терминологический аппарат описания экспрессивности тех понятий, о которых мы только что сказали, выяснение их взаимодействия с другими понятиями могло бы в большей мере прояснить суть экспрессивности.

3. Образ является носителем культурной коннотации фразеологизма.

Лингвокультурология в части фразеологических единиц основана на рефлексии человеческого сознания именно на образ фразеологизма². Этим она отличается от лингвострановедения, в котором описываются факты: так, во фразеологизме *первый блин комом* будет объяснено, что такое блины, с чем их едят (с маслом, сметаной, ик-

¹ Лукьянова Н. А. Указ. соч. С. 140.

² См. также: Федуленикова Т. Н. Генетический прототип – основа национально-культурной специфики фразеологических единиц // Россия и Запад: диалог культур. Вып. 4. М. : Изд-во МГУ, 1997. С. 81 – 88 ; *Ее же*. Лингвокультурологический метод в фразеологии М. Л. Ковшовой: индекс инновации // Европейский журнал социальных наук. 2014. Т. 2. № 4(43). С. 178 – 182.

рой, медом), когда едят (всегда, особенно на Масленицу). Часто в лингвострановедении содержатся намёки на социальное положение человека. Сравним, например, выражение *по Сеньке и шапка* – каждому по достоинству. Здесь герой поговорки не назван уважительно Семеном Ивановичем, а назван пренебрежительно Сенькой, ему и шапка такая. А теперь сравните высокие боярские шапки, попробуйте на Сеньку надеть такую шапку или Сенькину – на боярина: пожалуй, скандал будет. А сейчас скажем о лингвокультурологии. На чём строится лингвокультурологический комментарий фразеологизмов? Главное здесь – принять какое-то (лучше более общее) понимание культуры: культура – это осознание мира, себя в мире, осознание себя относительно того социума, в котором ты живёшь или находишься в данный момент. Далее: оно поможет учитывать этимологию, не отбрасывать лингвострановедение и главное – разработать алгоритм собственно культурного комментария фразеологизмов. Такой алгоритм был представлен В. Н. Телией и применён в «Большом фразеологическом словаре русского языка». Этот алгоритм включает в основном четыре шага: 1) обрисовка образа фразеологизма, 2) соотнесение образа фразеологизма с определенным пластом культуры (мифологическим, архетипическим, библейским, фольклорным, художественным, бытовым), 3) соотнесение образа фразеологизма с тем или иным кодом культуры (антропным, соматическим, зооморфным, временным, природным, ландшафтным и тому подобным, 4) раскрытие тропов (метафоры, метонимии, синекдохи, олицетворения и т. п.), скрепляющих образ и выводное (современное) значение.

Представим хотя бы один пример культурного комментария фразеологизма. *Выносить / вынести сор из избы*. В этом фразеологизме слово *изба* (ср. также *дом*) очень сильно окультурено. Изба (дом) символизирует «своё» персональное пространство. Угол в доме означает «пристанище» (*Всякий человек должен иметь свой угол*). В доме все – «свои люди». Порог – это не планочка, лежащая поперёк двери. Нет, это граница между «своими» (в доме) и «чужими» (за порогом). Если русский человек говорит «Вот Бог (указывает на угол, где стоят иконы), а вот порог», то это значит, что он выпроваживает

вас за порог, как бы хочет сказать, что вы чужой, идите за порог, туда, где находятся «чужие». Фразеологизм *выносить сор из избы* читается в контексте поверья о том, что по вынесенному мусору чужие люди, находящиеся за порогом, могут навести порчу на хозяина дома и на членов его семьи. Во избежание этого сложился ритуал-оберег – *Сор из избы не выноси, а топи в печи*. Он записан в словаре у В. И. Даля. Сор воспринимается как то, чем можно опорочить человека (ср. *облить грязью (помоями)*).

Всё, сказанное в этой главе, приводит нас к следующему выводу: для семантики фразеологизма самым важным является его образ, образно-ассоциативное основание. Образ фразеологизма в ономаσιологическом плане служит мотиватором выводного значения фразеологизма, в аксиологическом аспекте он провоцирует определенную оценку в диапазоне «хорошо-плохо», в эмотивном аспекте он является «возбудителем» определенной эмоции-отношения (презрения, пренебрежения, унижения, порицания и т. п.), в лингвокультурологическом аспекте образ фразеологизма является источником и носителем культурной информации; раскрытие культуры, заключенной во фразеологизме, начинается именно с образа: в нём заключены истоки культуры прошлого. Средством экспликации культурного содержания является культурный комментарий, применённый в полном объёме в «Большом фразеологическом словаре русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» (М. : АСТ-Пресс книга, 2006).

Зимин В. И. Основные роли образа в семантической структуре фразеологизма // Современная фразеология: тенденции и инновации. М. ; СПб. ; Брянск : Новый проект, 2016. С. 32 – 51.

Тема 11. ФРАЗЕОЛОГИЯ И ТИПОЛОГИЯ

(по Т. Н. Федуленковой)

Фразеология как последовательное учение об устойчивых сочетаниях слов с полностью или частично переосмысленным значением оформилась в самостоятельную лингвистическую дисциплину сравнительно недавно, около четырех десятилетий назад. Исходные вехи этой дисциплины были намечены, в первую очередь, Е. Д. Поливановым и затем развиты такими выдающимися российскими лингвистами, как В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, А. И. Смирницкий и др. Благодаря плодотворным творческим усилиям отечественных ученых – Н. Н. Амосовой, В. Л. Архангельского, А. В. Кунина, И. И. Чернышевой и некоторых других – фразеология преодолела стадию ювенального развития и к середине 60-х гг. XX в. оформился новый раздел науки о языке со своим объектом изучения, своими методами исследования, своими проблемами в структурном, семантическом и функциональном аспектах. Около двух десятков лет потребовалось созданной на отечественной почве новой отрасли лингвистики для выхода на международную арену и признания за рубежом. К концу 70-х и началу 80-х гг. о русской фразеологии заговорили на Западе как о лингвистической реальности. Отмечая неоспоримые успехи российской школы фразеологического анализа и ее влияние на мировое языкознание, один из виднейших британских лексикографов современности, автор известного оксфордского словаря английских идиом Энтони Пол Кауи¹, подчеркивает: «Recognition of phraseology as an academic discipline within linguistics – the term itself, like the adjective 'phraseological', reflects Eastern European usage – is evident not only from vigorous and widespread research activity, but also from the publication of several specialized dictionaries reflecting one theoretical perspective or another».

¹ Oxford Dictionary of Current Idiomatic English / A. P. Cowie [et al.]. Oxford : OUP, 1984.

er... 'Classical' Russian theory, with its later extensions and modifications, is probably the most pervasive influence at work in current phraseological studies and is unrivalled in its application to the design and compilation of dictionaries»¹. – «Признание фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины – сама терминология, как, например, прилагательное 'фразеологический', свидетельствует о восточно-европейской школе – есть очевидный факт, обусловленный широтой и активностью научно-исследовательской деятельности, а также опубликованием ряда специальных словарей, отражающих ту или иную научную перспективу... Классическая русская теория с ее последующим развитием и модификациями является, по всей видимости, самой влиятельной работающей в современных фразеологических штудиях теорией, равных которой в применении к планированию и составлению словарей нет» (*Пер. наш. – Т. Ф.*).

Современная лингвистика должна заниматься вопросами сопоставительного и интегрирующего изучения языков и выработать глобальную картину связей различных языков, которых в общей сложности в настоящее время насчитывается более четырех тысяч. Эта задача первостепенна для лингвистики уже только потому, что назрела практическая необходимость упорядочения и описания всех языков мира, а также выработки критериев глобальных характеристик для различения и объединения языков, т. е. проблема языковой типологии стала одной из важнейших задач языкознания².

Что касается проблемы лингвистической типологии, то она относится к разряду *вечных* проблем лингвистики³, так как была поставлена на заре научного изучения языков и не утратила своей актуальности и в наши дни. Основоположником типологии языков как особого раздела языкознания принято считать немецкого лингвиста Вильгельма Гумбольдта (1767 – 1835), чей необыкновенно широкий линг-

¹ Cowie A. P. *Phraseology : Theory, Analysis and Application*. Oxford : Clarendon Press, 1998. P. 2.

² Колшанский Г. В. Универсальная и частная типология языка // *Лингвистическая типология*. М. : Наука, 1985. С. 14.

³ Солнцев В. М. *Лингвистическая типология и общая теория типологии* // Там же. С. 3.

вистический кругозор, знакомство с языками самой различной структуры (включая языки американских индейцев и жителей Полинезии) дали возможность ученому разобраться в структуре этих языков и впервые предложить их типологическую классификацию.

Типологические исследования XIX – начала XX в. являют собою этап в истории типологии, когда основную ее задачу ученые связывали с созданием типологической классификацией языков. При этом все их теоретические построения исходили из характеристики морфологической структуры слова, «критерия хотя и очень весомого, но все же выбранного совершенно произвольно»¹. Поскольку никакие другие критерии для классификации языков не привлекались, то и сама классификация этого периода иногда называется морфологической, а не типологической.

Типологическое учение в виде монографии было впервые оформлено около 40 лет назад. Это был труд Б. А. Успенского, изданный в 1965 г. под заглавием «Структурная типология языков», которую автор определяет как «систематизацию, инвентаризацию явлений разных языков» по структурным признакам, т. е. по признакам существенным с точки зрения структуры данного языка². Свою типологию автор ограничивает морфологическим уровнем и кладет в ее основу существующую в науке о языке систему понятий, придавая им структурный смысл, и данные традиционной морфологической классификации языков. Основной задачей структурной типологии автор считает выявление изоморфных признаков, т. е. признаков и свойств, которые свойственны всем языкам мира, и алломорфных признаков, присущих лишь части языков, что служит предпосылкой для построения общей теории языка и языковых универсалий (термин *изоморфизм* был введен в метаязык лингвистики польским языковедом Е. Куриловичем в 1949 г. и заимствован из математики, где он обозначает тождество, подобие внутреннего устройства двух систем чисел). Американский лингвист Э. Сепир был первым из типологов, который рас-

¹ Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. Л. : Просвещение, 1979. С. 41.

² Успенский Б. А. Структурная типология языков. М. : Наука, 1965. С. 10.

сматривал материалы языка не как произвольный набор различных элементов, а как систему¹.

К середине 80-х годов XX века относительно состояния типологических исследований формируется характерный взгляд, согласно которому типология – это не вспомогательный метод, а самостоятельная лингвистическая дисциплина, обладающая своим особым предметом исследования и своими специфическими задачами. Подчеркивая мысль о том, что эта дисциплина находится в стадии становления, Б. Ю. Городецкий пишет: «... нам представляется своевременным объединить усилия ученых для осуществления цели, обозначенной в названной дискуссии 1976 г., – создать типологию как единый раздел языкознания»².

Пубертатный период лингвистической типологии затянулся почти на двести лет, причем специалисты по типологии обращались прежде всего (с начала XIX в.) к морфологии. Значительно позже в область типологических исследований языков был включен синтаксис³, а затем все более активно стали учитываться в типологии и лексические характеристики языков. И только в самом конце такого длительного периода становления данного раздела языкознания начинают появляться работы по фразеологии, посвященные еще не в полном смысле типологическому, но уже сопоставительному изучению фразеологических единиц различных языков. Это, в первую очередь, сопоставительные исследования фразеологии германских языков таких ученых, как З. З. Гатиатуллина (1968), Г. С. Свешникова (1969), Р. А. Глазырин (1972), А. Д. Зиньков (1976), а также – русского, английского и немецкого языков – Ю. А. Долгополов (1973) и др.

На начальной стадии становления фразеология отмежевывается от других дисциплин, пытаясь утвердиться как самостоятельная ветвь языкознания. Тем не менее любое частное описание неизбежно выходит за пределы одного языка и неотвратимо охватывает все суще-

¹ Сепир Э. Язык. М. ; Л., 1934. С. 94.

² Городецкий Б. Ю. Основы концептуального аппарата лингвистической типологии // Лингвистическая типология. С. 65.

³ Мещанинов И. И. Типологические сопоставления и типология систем // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1958. № 3.

ствующие языки, практически доступные в данное время для наблюдения. «Изучение системы отдельного языка, – как указывает Г. В. Колшанский, – необходимо строить на основе фундаментального диалектического противоречия, заключающегося в том, что описание конкретного языка есть одновременно и описание языка вообще»¹. Накопив определенный опыт фразеологического анализа устойчивых и производимых единиц языка, характеризующихся наличием семантической трансформации, фразеология восходит на новую качественную ступень своего развития.

С одной стороны, настало время, когда описательное языкознание (в данном случае фразеология), как классическое, так и полевое (отличаются по методу сбора данных)², ищет свой путь в типологических обобщениях. И, с другой стороны, как показывает история развития лингвистической типологии, назревает необходимость в привлечении фразеологического материала для создания возможно более полной типологической модели языка.

Лишь в начале 80-х годов XX в. в лингвистической литературе появляются указания на потенциальную универсальность того или иного фразеологического явления, в первую очередь, в работах Ю. П. Солодуба и Э. М. Солодухо³. Первые попытки сформулировать фразеологические универсалии также относятся к началу 80-х гг. и представлены в трудах по сопоставительной и типологической фразеологии лингвистов школы В. Д. Аракина⁴. Сама логика развития лингвистической науки требует объединения усилий специалистов по фразеологии и типологии. Типологическая релевантность фразеологии отмечается и другими учеными. Но особое внимание данная проблема находит в фундаментальном труде Д. О. Добровольского, впервые предпринявшего шаги, чтобы заложить основы структурно-

¹ Колшанский Г. В. Указ. соч. С. 13.

² Кибрик А. Е. Типология и задачи описательной лингвистики. С. 74.

³ Солодуб Ю. П. К вопросу о совпадении фразеологических оборотов в различных языках // Вопросы языкознания. 1982. № 2. С. 106 – 114 ; Солодухо Э. М. Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии. Казань : Изд-во Казан. унта, 1977.

⁴ Федуленкова Т. Н. Проблема общего и специфического в соматической фразеологии некоторых германских языков (на материале английского, немецкого и шведского языков). М. : МГПИ, 1984. С. 178.

типологического анализа фразеологии современных германских языков¹.

Однако в «Лингвистическом энциклопедическом словаре», призванном «осветить достижения отечественной и зарубежной лингвистики с позиций современной концепции языка... и отражающем структуру языкознания как науки и основные этапы ее становления»², лингвистическая типология не определяется как раздел языкознания³ в отличие от фразеологии, снабженной дефиницией «раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии»⁴. Лингвистическая типология характеризуется автором словарной статьи как «сравнительное изучение структурных и функциональных свойств языков независимо от характера генетических отношений между ними. Типология – один из двух основных аспектов изучения языка наряду со сравнительно-историческим аспектом, от которого она отличается онтологически (по сущностным характеристикам предмета исследования) и эпистемологически (по совокупности принципов и приемов исследования)... ». Тем не менее, говоря о типологии вообще, мы различаем вслед за В. М. Солнцевым «*типологический метод* как способ познания и *типологическую теорию* как учение о типологическом методе, о предмете, целях и задачах типологического исследования вообще»⁵.

Для собственно лингвистической типологии важное значение имеет: а) появление общей теории систем и разработки понятия системы как целостного упорядоченного объекта, состоящего из взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, а также б) разработка понятия структуры как обязательного атрибута системы, т. е. сетки, или устройства внутрисистемных отношений элементов. «Представление о языке как о системе, имеющей сложное многоуровневое строение, дает теоретическую базу для подразделения лингвистической

¹ Добровольский Д. О. Основы структурно-типологического анализа фразеологии современных германских языков (на материале немецкого, английского и нидерландского языков) : дис. ... д-ра филолог. наук. М., 1990.

² Ярцева В. Н. От редакционной коллегии // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Совет. энцикл., 1990. С. 5.

³ Виноградов В. А. Типология // Там же. С. 512.

⁴ Телия В. Н. Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь. С. 560.

⁵ Солнцев В. М. Указ. соч. С. 4.

типологии на общую типологию, или типологию систем, учитывающую межуровневую корреляцию, и частные типологии, или типологии отдельных уровней языковой системы: фонологическую типологию, морфологическую типологию, синтаксическую типологию, типологию лексико-семантических систем», – пишет В. М. Солнцев¹. Очевидно, что в этом ряду не хватает фразеологической системы, которая, как известно, уже успела определиться в качестве объекта самостоятельной области лингвистики.

Сам факт семантической трансформации компонентного состава переменного или устойчивого сочетания слов, приводящий к образованию фразеологической единицы, является фразеологической универсалией. Сопоставительное изучение типов семантической трансформации компонентного состава фразеологической единицы – новая страница в современной типологии фразеологии, обещающая выявление новых семантических универсалий на фразеологическом уровне. С другой стороны, обнаружение универсальных черт создает облигаторный фон для выявления индивидуальных характеристик фразеологического фонда каждого конкретного языка.

Важное значение для типологии систем имеют так называемые иерархические отношения, т. е. эмпирически наблюдаемые отношения между единицами разных уровней и подуровней. «Наблюдения показывают, – пишет В. М. Солнцев, – что в больших группах языков обнаруживаются аналогичные или *подобные отношения* между единицами разных уровней, т. е. обнаруживается последовательное подобие в иерархических отношениях. Поскольку иерархические отношения являются важнейшими внутрисистемными отношениями, типы этих отношений могут быть положены (с учетом парадигматических и синтаксических, т. е. внутриуровневых, отношений) в основу типологии систем»². Типология, следовательно, приводит к выделению типов языковых структур и подструктур, что имеет основополагающее значение для всей науки о языке в целом.

Фразеология, вне всякого сомнения, занимает особое место в системе языка, в единстве его перекрещивающихся микроструктур, объединенных иерархическими отношениями, т. е. отношениями с

¹ Солнцев В. М. Указ. соч. С. 4.

² Там же. С. 5.

последовательными усложнениями структуры, ее функции и значения. Вслед за А. В. Куниным признаем существование особого фразеологического уровня в языке¹ – уровня единиц вторичной номинации, обладающих сложной компонентной структурой, состоящей из морфологически оформленных слов и подчиняющейся правилам грамматики. Инвариантность лексических и морфологических, а также, добавим, и структурно-грамматических аспектов является составным элементом устойчивости фразеологических единиц². Многоаспектность инвариантности фразеологической единицы делает ее типологически релевантной, так как дает возможность наблюдать особенности важнейших внутрисистемных иерархических отношений в пределах одной ФЕ и устанавливать типы этих отношений на межъязыковом уровне. <...>

В связи с поставленными задачами исследования возникает проблема отбора типологических признаков. В этом вопросе еще нет полной ясности, договоренности и единства среди лингвистов. Каждый уровень языка, как известно, имеет свои, характерные только для него единицы измерения. Поэтому и типологические признаки варьируются от одного уровня/подсистемы языка к другому.

Особенности приложения сопоставительного анализа к фразеологии определяются прежде всего генетической, структурной и функциональной вторичностью фразеологической системы и единиц, ее составляющих. Являясь языковыми знаками вторичной номинации, фразеологические единицы базируются на «иноуровневых» средствах³, в основном лексических и грамматических, и строятся на них. Во фразеологии каждого языка в той или иной степени находят свое отражение и преломление основные, характерные черты других его уровней. Способы и степень реализации этих черт во фразеологии обуславливают специфику фразеологических систем в разных языках. Принимая во внимание такие особенности сопоставительного анализа фразеологии, как а) опосредованность, б) многоплановость, в) ап-

¹ Кунин А. В. Английская фразеология (теоретический курс). С. 29.

² Там же. С. 31.

³ Райхштейн А. Д. О сопоставлении фразеологических систем // Иностранные языки в школе. 1980. № 4. С. 8.

проксимативность, в качестве типологических признаков фразеологии называем следующие:

- 1) структурная организация фразеологических единиц,
- 2) характер лексического состава фразеологических единиц,
- 3) характер морфологического оформления компонентов ФЕ,
- 4) тип зависимости компонентов фразеологических единиц,
- 5) степень устойчивости фразеологических единиц,
- 6) корреляция семного состава компонента со значением фразеологических единиц,
- 7) тип смысловой модификации фразеологических единиц,
- 8) характер транспарентности внутренней формы фразеологизмов,
- 9) отношение ФЕ к структурно-семантической моделированности,
- 10) уровень фразеологической абстракции.

Поскольку все «слишком универсальное» не дает возможности выявить характерологические (по терминологии В. Матезиуса) признаки языков, то в наших исследованиях мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой наибольший интерес для науки о языке представляют не всеобщие, абсолютные, а общие для той или иной группы языков (например, германских) универсалии. При этом особое внимание обращаем на возможность формулирования импликаций¹, так как импликационные универсалии дают возможность установить некоторую сумму признаков, на основании которых можно будет определить типологическую принадлежность исследуемого языка.

Федуленкова Т. Н. Типологическая релевантность фразеологии // Герменевтика в гуманитарном знании : материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Нев. ин-т яз. и культуры, 2004. С. 246 – 252.

¹ Ярцева В. Н. Типология языков и проблема универсалий // Вопросы языкознания. 1976. № 2. С. 6 – 16.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ

Вопросы к Теме 1 СЛОВА-СОПРОВОДИТЕЛИ И КОНТЕКСТ

1. Какие существуют взгляды на природу компонентов фразеологических единиц?
2. Из какого высказывания В. В. Виноградова исходит А. В. Кунин в трактовке компонентов ФЕ?
3. Как, по В. П. Жукову, называются слова, с буквальным значением, составляющие обязательное фразеологическое окружение?
4. Какую функцию выполняют слова-сопроводители?
5. Какие слова, по мнению А. И. Молоткова, правильно будет назвать обязательным словесным определением фразеологизма?
6. С помощью каких аргументов А. В. Кунин доказывает, что в языке не существует «слов-сопроводителей» в понимании В. П. Жукова?
7. Какой лингвист акцентирует внимание на мысли В. П. Жукова о необходимости дифференцированного подхода к компонентам фразеологизма, об учете разной степени словности компонентов?
8. Кто определял фразеологическую единицу как отдельно оформленную единицу языка с полностью или частично переосмысленным значением?
9. Какое явление понимают под преимущественной сочетаемостью?
10. Почему А. В. Кунин утверждал, что теория слов-сопроводителей нуждается в коренном пересмотре?

Вопросы к Теме 2 ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ В ИДИОМАТИКЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

1. Как Г. И. Краморенко аргументирует новизну проблемы фразеологических вариантов в современной лингвистике?
2. Какое определение дается фразеологическим синонимам?

3. Как автор отличает фразеологические синонимы от фразеологических вариантов?
4. В каком взаимоотношении находятся варьируемые компоненты фразеологической единицы?
5. Какие изменения вносятся этой вариацией во фразеологическую единицу в целом?
6. Какие факторы содействуют наличию и широкому распространению фразеологических вариантов в языке?
7. В каких условиях возможен тот или иной вид вариации?
8. Какова связь между традиционной устойчивостью и традиционной же изменчивостью состава фразеологизмов?
9. Имеет ли фразеологическая вариация системный характер?
10. В каком отношении находится фразеологическая вариация к проблеме расширения фразеологического состава языка?

Вопросы к Теме 3
СПОСОБ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ АППЛИКАЦИИ
И КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА
(К вопросу о системных связях лексики и фразеологии)

1. На каком основании В. П. Жуков выделяет апплицируемые и неапплицируемые фразеологизмы?
2. Какие фразеологизмы на фоне переменных словосочетаний такого же состава, по мнению В. П. Жукова, не дают метафорического эффекта?
3. Какие фразеологизмы могут быть квалифицированы как идиоматические единства?
4. Какие фразеологизмы определяются автором как метафорические единства?
5. Как процесс образования фразеологизмов зависит от появления в слове переносного значения?
6. Какие элементы во многом способствуют идиоматизации фразеологической единицы?
7. Может ли простая перестановка компонентов разрушить смысловое единство фразеологизма?
8. Почему компонент ФЕ несоизмерим со словом?

9. Какие виды активности фразеологической единицы помогает выявить изучение вопроса о нормализующем воздействии языковой системы на структуру фразеологизма?

10. В чем заключается новизна авторской классификации фразеологического материала?

Вопросы к Теме 4

ЯЗЫКОВАЯ МОТИВИРОВКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ АБСТРАКЦИЯ

1. Какими лингвистическими факторами мотивируется семантика языковых знаков?

2. Почему мотивировка значения фразеологических единиц получает более четкое выражение по сравнению с мотивировкой значения слов?

3. С какими семантическими факторами связана прямая мотивировка фразеологического значения?

4. Правильно ли утверждать, что значение ФЕ с косвенной мотивировкой связывается со значением одноименных переменных сочетаний?

5. Включается ли в состав фразеологического значения внутренняя форма у ФЕ, обладающих прямой мотивировкой?

6. Согласны ли вы, что у ФЕ с косвенной мотивировкой фразеологическое значение и внутренняя форма совпадают лишь в некоторых элементах, находясь в отношении пересечения?

7. Может ли мотивировка фразеологического значения быть определена как способ выражения внутренней формы ФЕ?

8. Какие основные типы фразеологической абстракции выявляет А. М. Мелерович?

9. В каких случаях обнаруживается неполная абстракция от лексических значений компонентов фразеологических единиц?

10. Какие типы устойчивых фраз выявляются автором по степени абстрагирования от семантики структурной схемы предложения в направлении возрастания абстракции?

Вопросы к Теме 5

ЗНАКОВЫЙ АСПЕКТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

1. Докажите, что фразеологические единицы обладают многоярусной семантической структурой.

2. Почему трактовка семантической структуры многозначной фразеологической единицы только как совокупности ее значений, «лексико-семантических вариантов» приводит к отрыву содержания от формы его выражения?

3. Почему при исследовании семантической структуры ФЕ авторы исходят из общности основных типов семантических элементов в структуре единиц языковой номинации разных уровней?

4. Как определяется номинативная функция ФЕ?

5. Чья трактовка языковой номинации позволяет рассматривать номинативную функцию как глобальное свойство фразеологической единицы?

6. Какую роль, по Н. Ф. Алефиренко, выполняет номинативная функция ФЕ помимо специализации фразеологического значения как значение особого типа?

7. Какое качество ФЕ позволяет во многом обеспечивать постоянное взаимодействие фразеологизмов с единицами других языковых уровней?

8. С помощью каких доводов Н. Ф. Алефиренко показывает сущность фразеологического уровня языка?

9. В чем состоит глубина анализа фразеологических знаков современного русского языка, данного еще в работах В. Л. Архангельского?

10. Каково соотношение денотативного и сигнификативного содержания ФЕ в контексте? Приведите примеры.

Вопросы к Теме 6

К ПОНЯТИЮ ДИСТРИБУЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

1. Для анализа каких языковых явлений применялось понятие дистрибуции языковых элементов, впервые сформулированное представителями американского структурализма?

2. Когда термин «дистрибуция» начал употребляться по отношению к фразеологическим единицам?
3. Что означает, по формулировке З. Хэрриса, дистрибуция языкового элемента?
4. Какому требованию отвечает формулировка дистрибуции, предлагаемая Ю. С. Степановым?
5. Какое обстоятельство заводит вопрос о дистрибуции фразеологических единиц в тупик?
6. Почему Н. Л. Шадрин пишет, что вопрос о дистрибуции ФЕ следует отделить от вопроса об уровне статусе фразеологии?
7. Почему подход Дж. Лайонза к дистрибуции ФЕ представляется неприемлемым и разрушающим единство фразеологического состава как целостного лингвистического объекта?
8. На каком основании Н. Л. Шадрин выступает против исключения пословиц из объема фразеологии?
9. Какие аргументы приводит Н. Л. Шадрин в пользу того, что устойчивые предложения с полностью или частично переосмысленным значением – это полноправные элементы фразеологической системы языка?
10. Как аргументирует автор свою мысль о неадекватности отождествления дистрибуции слова и фразеологической единицы?

Вопросы к Теме 7

КАКОГО ЦВЕТА ПОСЛОВИЧНАЯ КАРТИНА МИРА?

1. Почему концептуализация цветовых ощущений и символика цвета образуют важную составляющую культуры?
2. Какой подход к изучению фразеологии, по мнению Е. В. Ивановой, основан на сочетании традиционного семантического и когнитивного видов анализа?
3. Чем отличается понятие пословичного когнитивного пространства (или когнитивной структуры), лежащего в основе пословичной картины мира, от понятия семантического поля?
4. В чем состоит суть процесса реконструкции концептов цвета (как и любых пословичных концептов)?

5. Каково ваше отношение к утверждению Е. В. Ивановой, которая пишет, что «в соответствии с когнитивным подходом к значению как к концептуальной структуре, значение и внутреннюю форму пословицы (буквальное значение, выявляемое при буквальном прочтении пословицы) можно рассматривать как две взаимодействующие и взаимопроникающие концептуальные структуры, хранящие два вида знаний о мире: обобщенное и конкретно-наглядное»? Обоснуйте свое мнение.

6. Почему, по мнению Е. В. Ивановой, принципиально важно для анализа семантики пословицы то, что весь содержательный план внутренней формы пословицы (когнитивный уровень) рассматривается как соотнесенный с содержательным планом значения (когнитивным уровнем)?

7. В каком случае происходит образование устойчивых ассоциативных связей между отдельными компонентами внутренней формы и значения?

8. Как проявляется тезис когнитивной семантики о расплывчатости границ между значениями одного слова и плавности перехода от одного к другому?

9. В каком случае возможно говорить о существовании общей семантической формулы или когнитивной модели у пословиц?

10. Как можно объяснить преобладание цветовой характеристики в русских пословицах по сравнению с английскими?

Вопросы к Теме 8

ФРАЗЕОЛОГИЗМ И ВОПРОС О ЕДИНИЦЕ ПЕРЕВОДА

1. Почему проблема единицы перевода – одна из сложнейших в теории перевода?

2. Каково при этом различие в оценках Л. С. Бархударова и В. Н. Комиссарова?

3. Какую языковую единицу называют идеальной единицей перевода?

4. Какое определение единицы перевода предлагает Л. С. Бархударов?

5. Может ли единицей перевода быть единица любого языкового уровня?

6. Почему, как считает Н. Л. Шадрин, вопрос о фразеологизме как единице перевода вообще не следует решать на основе структурно-грамматических критериев?

7. Какую гипотезу выдвигает Н. Л. Шадрин о верификации идеи правомерности причисления фразеологизмов к единицам перевода и как он предлагает ее проверить?

8. На каком уровне осуществляется перевод ФЕ: на фразеологическом? или на лексическом? Докажите.

9. Правомерно ли утверждение автора, что выделение фразеологии в качестве самостоятельного уровня языковой иерархии еще не обеспечивает единицам этого уровня права называться единицами перевода?

10. Могут ли фразеологические единицы считаться единицами перевода вне зависимости от того, выделяется ли фразеология в самостоятельный языковой уровень или не выделяется?

Вопросы к Теме 9

СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ БИБЛЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Каков лингвистический статус прототипов библейских фразеологизмов? Как их классифицируют?

2. Какова основная цель исследования фразеологических единиц библейского происхождения в современном английском языке? Решение каких задач предполагает достижение этой цели?

3. Каковы основные номинативные характеристики фразеологических единиц библейской этимологии?

4. Какие методы исследования используются при анализе фразеологических единиц библейской этимологии?

5. Как автор называет языковой или ассоциативный материал, на базе которого материализуется значение новой фразеологической единицы?

6. Какие виды прототипов библейской фразеологии выделяет автор в своей работе?

7. Каковы отличия прототипов-переменных предложений от прототипа-цитаты?

8. Каковы особенности прототипов библейских фразеологизмов, которые автор называет устойчивыми выражениями фразеологического характера?

9. Для каких прототипов библейских ФЕ характерной чертой служит частичная переосмысленность значения?

10. Какова разница между потенциальными и событийными прототипами?

Вопросы к Теме 10

ОСНОВНЫЕ РОЛИ ОБРАЗА В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

1. Какой компонент семантики фразеологизма в ономаσιологическом аспекте считают основополагающим?

2. Почему фразеологические единицы не могут успешно выполнять свою коммуникативную функцию при утрате своей внутренней формы?

3. Каковы основные роли образа в семантике и функционировании фразеологизмов?

4. С чем связывалось понимание образа или внутренней формы фразеологизма во времена господства во фразеологии фразеологической теории В. В. Виноградова?

5. Как объясняется мотивация всего фразеологизма: покомпонентно или тем образом, который лежит в основе значения фразеологизма?

6. Всегда ли образ, мотивирующий значение фразеологизма, самоочевиден, наглядно представим?

7. Какие проблемы и трудности неизменно возникают при этимологическом раскрытии мотивации значения фразеологизмов?

8. Почему выявление инварианта внутренней формы и фиксация этого инварианта в модели значения идиомы – одна из важнейших задач семантического описания фразеологии?

9. Существуют ли во фразеологии к настоящему времени какие бы то ни было инструменты, которые позволяли бы предсказывать и объяснять хотя бы на относительно регулярной основе связь между внутренней формой и актуальными значениями идиом?

10. Какова роль образа фразеологизма в ономаσιологическом плане? в аксиологическом аспекте? в эмотивном? в лингвокультурологическом?

Вопросы к Теме 11 ФРАЗЕОЛОГИЯ И ТИПОЛОГИЯ

1. Как давно фразеология как последовательное учение об устойчивых сочетаниях слов с полностью или частично переосмысленным значением оформилась в самостоятельную лингвистическую дисциплину?

2. В каких терминах отметил неоспоримые успехи российской школы фразеологического анализа и ее влияние на мировое языкознание автор известного оксфордского словаря английских идиом Энтони Пол Кауи?

3. Почему для лингвистики первостепенна задача сопоставительного и интегрирующего изучения языков?

4. Кого принято считать основоположником типологии языков как особого раздела языкознания и почему?

5. Какую основную задачу ставили ученые в типологических исследованиях XIX – начала XX в.?

6. Когда, в какой стране и кем было впервые оформлено типологическое учение в виде монографии?

7. Когда и в чьих трудах в лингвистической литературе впервые появляются указания на потенциальную универсальность того или иного фразеологического явления?

8. Кому принадлежат первые попытки сформулировать фразеологические универсалии? Какова в этом роль трудов по сопоставительной фразеологии лингвистов школы В. Д. Аракина?

9. Какие основные типологические признаки фразеологии вам известны?

10. Какова роль импликационных универсалий?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В книгу включены лучшие образцы лингвистического творчества современных отечественных специалистов по фразеологии английского, немецкого и русского языков.

Тексты подобраны по тематическому принципу, и их расположение отвечает исторической последовательности появления и развития основных тенденций в германской и славянской фразеологии и согласовано с тематикой учебной программы по курсам «Фразеология современного английского языка», «Проблемы общей фразеологии», «Проблемы типологии фразеологии».

Хрестоматию можно использовать в качестве учебного пособия, в ней имеется раздел «Вопросы для самоконтроля», включающий 120 вопросов по ключевым проблемам современной фразеологии, на которые авторы пытаются дать ответ. Вопросы сгруппированы по тематическому принципу: по десять для повторения каждой темы, что поможет читателю – студенту, аспиранту, докторанту, лектору – без потери времени вторично просмотреть прочитанное и быстро ликвидировать имеющиеся пробелы в знаниях.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Научные работы, опубликованные на русском языке

1. *Алексеевко, М.* Современная фразеология: проблемы мета-языка / М. Алексеевко // *Slowo. Tekst. Czas X : Jednostka frazeologiczna w tradycyjnnych i nowych paradygmatach naukowych* : материалы междунар. науч. конф. «Слово. Текст. Время. Фразеологическая единица в традиционных и новых научных парадигмах» (06 – 10 нояб. 2009 г.), посвященной проф. В. М. Мокиенко по случаю юбилея / под ред. М. Алексеевко и Х. Вальтера. – Щецин ; Грайфсвальд, 2010. – С. 112 – 120. – ISBN 978-83-61350-60-6.

2. *Алефиренко, Н. Ф.* Косвенно-производная природа фразеологической номинации / Н. Ф. Алефиренко, С. А. Загриценко, Т. Н. Федуленкова // *Фразеологическая номинация: когнитивный аспект* : монография. – Архангельск : Помор. ун-т, 2008. – С. 11 – 31. – ISBN 5-7536-0321-0.

3. *Алефиренко, Н. Ф.* Фразеологическая номинация: когнитивный аспект : монография / Н. Ф. Алефиренко, С. А. Загриценко, Т. Н. Федуленкова. – Архангельск : Помор. ун-т, 2008. – 108 с. – ISBN 5-7536-0321-0.

4. *Алефиренко, Н. Ф.* Фразеология в свете современных лингвистических парадигм : монография / Н. Ф. Алефиренко. – М. : ЭЛПИС, 2008. – 271 с. – ISBN 978-5-902872-16-0.

5. *Он же.* Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма / Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : Белгород. гос. ун-т, 2008. – 152 с. – ISBN 978-5-9571-0330-1.

6. *Он же.* Фреймовая организация фразеологического значения / Н. Ф. Алефиренко // *Традиции и инновации в лингвистике и лингводидактике* : материалы междунар. конф. в честь 65-летия д-ра филолог. наук, проф. Т. Н. Федуленковой / под ред. Т. Г. Скребневой, А. Н. Голотика, Н. В. Клюжевой ; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир, 2015. – С. 15 – 21. – ISBN 978-5-7536-0452-1.

7. *Алефиренко, Н. Ф.* Когнитивно-прагматическая природа паремии / Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Семененко // *Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты* : монография / под ред. проф. Т. Н. Федуленковой. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2017. – С. 14 – 53. – ISBN 978-5-9984-0821-2.

8. *Байрамова, Л. К.* Ценности и антиценности во фразеологии / Л. К. Байрамова // Живодействующая связь языка и культуры : материалы междунар. науч. конф., посвященной юбилею д-ра филолог. наук, проф. В. Н. Телии. В 2 т. Т. 1 : Язык. Ментальность. Культура. – М. ; Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2010. – С. 67 – 71. – ISBN 978-5-87954-528-9.

9. *Баранов, А. Н.* Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Знак, 2008. – 656 с. – ISBN 5-9551-0235-3.

10. *Они же.* Основы фразеологии (краткий курс) / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 312 с. – ISBN 978-5-9765-1567-3 (ФЛИНТА), ISBN 978-5-02-037839-1 (Наука).

11. *Бондаренко, В. Т.* О трансформации устойчивых фраз по признаку утверждения – отрицания / В. Т. Бондаренко // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты) : междунар. науч.-практ. конф., посвященная юбилею д-ра филолог. наук, проф. А. М. Мелерович (Кострома 20 – 22 марта 2008 г.). – М. : ЭЛПИС, 2008. – С. 192 – 197. – ISBN 978-5-902872-17-7.

12. *Брагина, Н. Г.* Кросс-культурные контакты и понимание фразеологии / Н. Г. Брагина // Живодействующая связь языка и культуры : материалы междунар. науч. конф., посвященной юбилею д-ра филолог. наук, проф. В. Н. Телии. В 2 т. Т. 1 : Язык. Ментальность. Культура. – М. ; Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2010. – С. 195 – 197. – ISBN 978-5-87954-528-9.

13. *Дубровина, К. Н.* Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре / К. Н. Дубровина. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2012. – 264 с. – ISBN 978-5-9765-0983-2 (ФЛИНТА), ISBN 978-5-02-037296-2 (Наука).

14. *Ермакова, Е. Н.* Разноуровневое гнездо с вершиной-фразеологизмом / Е. Н. Ермакова // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты) : междунар. науч.-практ. конф., посвященная юбилею д-ра филолог. наук, проф. А. М. Мелерович (Кострома 20 – 22 марта 2008 г.). – М. : ЭЛПИС, 2008. – С. 205 – 207. – ISBN 978-5-902872-17-7.

15. Жуков, А. В. Системность фразеологии и фразеологические оппозиции / А. В. Жуков // Живодействующая связь языка и культуры : материалы междунар. науч. конф., посвященной юбилею д-ра филолог. наук, проф. В. Н. Телии. В 2 т. Т. 2 : Дискурс. Текст. Культура. – М. ; Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2010. – С. 261 – 266. – ISBN 978-5-87954-530-2.

16. Жуков, В. П. Внутренняя форма слова и фразеологизма / В. П. Жуков // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие. Пятые Жуковские чтения : материалы междунар. науч. симпозиума 4 – 6 мая 2011 г. В 2 т. Т. 2 : Жуков В. П. Избранные работы по русскому языку / сост. и отв. ред. А. В. Жуков ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2011. – С. 368 – 398. – ISBN 978-5-89896-413-9.

17. Зимин, В. И. Проблема верификации гипотез происхождения фразеологизмов / В. И. Зимин // Фразеология: вчера, сегодня, завтра : межвуз. сб. науч. тр. в честь 70-летия д-ра филолог. наук, проф. В. Т. Бондаренко. – Тула : Арт-Принт, 2011. – С. 17 – 23. – ISBN 978-5-87954-530-3.

18. *Он же*. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений / В. И. Зимин. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. – 729 с. – ISBN 978-5-462-00890-0.

19. *Он же*. Разъяснение значений пословиц и поговорок: опыт медленного прочтения / В. И. Зимин // Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты : монография / под ред. проф. Т. Н. Федуленковой. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2017. – С. 54 – 68. – ISBN 978-5-9984-0821-2.

20. Иванова, Е. В. Лексикология и фразеология современного английского языка / Е. В. Иванова. – СПб. : Филолог. фак. СПбГУ ; М. : Академия, 2011. – 352 с. – ISBN 978-5-8465-0864-4. – ISBN 978-5-7695-6986-9.

21. Ковшова, М. Ю. Лингвокультурологический метод во фразеологии : Коды культуры / М. Ю. Ковшова. – М. : ЛЕНАНД, 2012. – 456 с. – ISBN 978-5-397-03945-1.

22. Колобова, Е. А. К вопросу о контаминации фразеологизмов / Е. А. Колобова // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты) : междунар. науч.-практ. конф., посвященная юбилею д-ра филолог. наук, проф. А. М. Мелерович (Кострома 20 – 22 марта 2008 г.). – М. : ЭЛ-ПИС, 2008. – С. 228 – 231. – ISBN 978-5-902872-17-7.

23. Краморенко, Г. И. Фразеологизация как один из путей обогащения и развития молодежного языка ФРГ (к особенностям фразеологической парадигматики в социолектальном слое его лексикона) / Г. И. Краморенко // Лингвистика и лингвистическое образование в современном мире : материалы междунар. конф., посвященной 100-летию со дня рождения проф. В. Д. Аракина. – М., 2014. – С. 132 – 137. – ISBN 5-7042-1432-0.

24. Кубрякова, Е. Как вписывается фразеология в новые направления лингвистических исследований / Е. Кубрякова // Slowo. Tekst. Czas IX: Czlowiek w przestrzeni slownika i tekstu : материалы IX Междунар. науч. конф. «Слово. Текст. Время. Человек в пространстве словаря и текста», посвященной Е. С. Кубряковой по случаю юбилея / под ред. М. Алексеенко и М. Горды. – Щецин : Щецин. ун-т, 2008. – С. 51 – 60. – ISBN 978-83-61350-31-6.

25. Кунин, А. В. Имплицитность – один из системообразующих факторов фразеологической семантики (Об имплицитном компоненте фразеологического значения) : сб. науч. тр. / А. В. Кунин ; Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореза. – Вып. 262. – М., 1986. – С. 20 – 28.

26. Он же. Асимметрия в сфере фразеологии / А. В. Кунин // Вопросы языкознания. 1988. – № 3. – С. 98 – 107.

27. Он же. Курс фразеологии современного английского языка : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / А. В. Кунин. – Дубна : Феникс+, 2009. – 488 с. – ISBN 5-9279-0047-X.

28. Он же. Английская фразеология (теоретический курс) / А. В. Кунин. – М. : Высш. шк., 1970. – 344 с.

29. Он же. Фразеология современного английского языка : Опыт систематизированного описания / А. В. Кунин. – М. : Междунар. отношения, 2017. – 288 с.

30. *Лейчик, В.* Фразеология как важнейший компонент культурно-языковой картины мира / В. Лейчик // *Slowo. Tekst. Czas X: Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych* : материалы междунар. науч. конф. «Слово. Текст. Время. Фразеологическая единица в традиционных и новых научных парадигмах» (6 – 10 нояб. 2009 г.), посвященной проф. В. М. Мокиенко по случаю юбилея / под ред. М. Алексеенко и Х. Вальтера. – Щецин ; Грайфсвальд, 2010. – С. 387 – 396. – ISBN 978-83-61350-60-6.

31. *Любова, А. Н.* Национальные компаративные фразеологизмы английского, немецкого, норвежского и русского языков / А. Н. Любова // *Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты)* : междунар. науч.-практ. конф., посвященная юбилею д-ра филолог. наук, проф. А. М. Мелерович (Кострома 20 – 22 марта 2008 г.). – М. : ЭЛПИС, 2008. – С. 91 – 93. – ISBN 978-5-902872-17-7.

32. *Мелерович, А. М.* Соотношение фразеологических моделей с когнитивными структурами в системе языка и речи / А. М. Мелерович // *Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты)* : междунар. науч.-практ. конф., посвященная юбилею д-ра филолог. наук, проф. А. М. Мелерович (Кострома 20 – 22 марта 2008 г.). – М. : ЭЛПИС, 2008. – С. 29 – 34. – ISBN 978-5-902872-17-7.

33. *Мелерович, А. М.* Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – 484 с. – ISBN 978-5-7591-0863-4.

34. *Они же.* Опыты фразеографической фиксации и систематизации фразеологии в художественном и публицистическом дискурсах русской речи / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // *Современная фразеология: тенденции и инновации* : монография / Н. Ф. Алефиренко [и др.] ; отв. ред. В. П. Васильев. – М. ; СПб. ; Брянск : Новый проект, 2016. – С. 123 – 195. – ISBN 978-5-9908370-0-3.

35. *Мокиенко, В. М.* Библизмы в современном русском тексте / В. М. Мокиенко // *Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц* / В. М. Мокиенко, Г. А. Лилич, О. И. Трофимкина. – М. : АСТ : Астрель, 2010. – С. 3 – 14. – ISBN 978-5-17-064999-0 (АСТ), ISBN 978-5-271-26800-7 (Астрель).

36. *Ратушная, Е. Р.* Метафоризация как способ формирования фразеологического значения / Е. Р. Ратушная // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты) : междунар. науч.-практ. конф., посвященная юбилею д-ра филолог. наук, проф. А. М. Мелерович (Кострома 20 – 22 марта 2008 г.). – М. : ЭЛПИС, 2008. – С. 258 – 260. – ISBN 978-5-902872-17-7.

37. *Семененко, Н. Н.* Проблема фразеологического статуса перемий в свете когнитивно-дискурсивного подхода / Н. Н. Семененко // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты) : междунар. науч.-практ. конф., посвященная юбилею д-ра филолог. наук, проф. А. М. Мелерович (Кострома 20 – 22 марта 2008 г.). – М. : ЭЛПИС, 2008. – С. 148 – 152. – ISBN 978-5-902872-17-7.

38. *Телия, В. Н.* Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В. Н. Телия // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. – М. : Яз. славян. культуры, 2004. – С. 19 – 30. – ISBN 5-94457-178-0.

39. *Она же.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа / В. Н. Телия // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / В. Н. Телия ; отв. ред. Л.Г. Бабенко. – М. : АСТ-ПРЕСС, 2008. – С. 776 – 782. – ISBN 978-5-462-00735-4.

40. *Она же.* Фразеология как особая область языкознания / В. Н. Телия // Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Яз. рус. культуры, 1996. – С. 11 – 83. – ISBN 5-88766-047-3.

41. *Она же.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Яз. рус. культуры, 1999. – С. 13 – 24. – ISBN 5-88766-061-9.

42. *Федуленкова, Т. Н.* Виды вариантности английских фразеологизмов с глагольным компонентом *make* / Т. Н. Федуленкова, Л. В. Шишова // *Lingua Mobilis* : науч. журн. – Челябинск : ЧелГУ, 2008. – № 1(10). – С. 86 – 92.

43. *Федуленкова, Т. Н.* Основные направления исследования фразеологизмов / Т. Н. Федуленкова // Фразеологические чтения памяти проф. В. А. Лебединской : сб. материалов междунар. науч. конф. 3 – 4 марта 2008 г. Вып. 4 ; отв. ред. Н. Б. Усачева. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2008. – С. 155 – 157. – ISBN 978-5-86328-885-4.

44. *Она же.* Прототип ФЕ – индикатор ее национально-культурной специфики (на материале современного английского языка) / Т. Н. Федуленкова // Взаимодействие и взаимопроникновение языков и культур: состояние и перспективы : материалы междунар. науч. конф. 20 – 21 марта 2008 г. Ч. 1. – Минск : Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка, 2008. – С. 268 – 270. – ISBN 978-985-501-543-8.

45. *Она же.* Фрейм как метод поиска изоморфных и алломорфных характеристик в фразеологии / Т. Н. Федуленкова // Фразеология и когнитивистика : материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4 – 6 мая 2008 г.). В 2 т. Т. 1 : Идиоматика и познание / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2008. – С. 306 – 311. – ISBN 978-5-9571-0326-4.

46. *Она же.* Понятие об идиоматическом алломорфизме / Т. Н. Федуленкова // Герценовские чтения. Иностранные языки : материалы межвуз. конф. 22 – 23 мая 2008 г. – СПб. : Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2008. – С. 103 – 104. – ISBN 978-5-8064-1340-7.

47. *Она же.* Отпословичная количественная деривация (на материале коммуникативных фразеологических единиц современного английского языка) / Т. Н. Федуленкова // Актуальные проблемы германистики и романистики : сб. ст. по материалам межвуз. науч. конф. (Смоленск, 9 – 10 окт. 2008 г.). Вып. XII. Ч. I : Слово в языке и речи / отв. ред. Г. И. Краморенко ; Смолен. гос. ун-т. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2008. – С. 78 – 90. – ISBN 978-5-88018-456-9.

48. Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте : монография / Т. Н. Федуленкова [и др.] ; отв. ред. Т. Н. Федуленкова ; Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск, 2008. – 200 с. – ISBN 5-7536-0322-X.

49. *Федуленкова, Т. Н.* От фреймового моделирования к фразеологическим универсалиям (на материале ФЕ английского, немецкого и шведского языков) / Т. Н. Федуленкова // Фразеологическая номинация: когнитивный аспект : монография / Н. Ф. Алефиренко, С. А. Загриценко, Т. Н. Федуленкова ; Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск, 2008. – С. 43 – 62. – ISBN 5-7536-0327-0.

50. Федуленкова, Т. Н. Тенденции развития английской коммуникативной фразеологии / Т. Н. Федуленкова // Фразеология и фразеодидактика: Актуальные проблемы. Вып. 1 : сб. науч. тр. / отв. ред. и сост. Т. Н. Федуленкова ; Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск, 2008. – С. 118 – 132. – ISBN 5-7536-0326-2.

51. Федуленкова, Т. Н. Англо-немецко-шведский словарь библейской фразеологии / Т. Н. Федуленкова, Е. В. Мартюшова, М. Боннемарк ; Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск, 2008. – 167 с. – ISBN 5-7536-0328-9.

52. Федуленкова, Т. Н. Элементные связи фразеологической терминологии как признак системности в языке / Т. Н. Федуленкова // Фразеология и терминология: грани пересечения : монография ; Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Архангельск, 2009. С. 8 – 22. – ISBN 5-7536-0330-0.

53. Она же. Методы и процедуры исследования фразеологии / Т. Н. Федуленкова // Res philologica: ученые записки. Вып. 6 / отв. ред., сост. Э. Я. Фесенко ; Помор. ун-т. – Архангельск, 2009. – С. 141 – 149. – ISBN 978-5-88086-841-4.

54. Она же. Межъязыковой изоморфизм внутриязыкового идиоматического алломорфизма / Т. Н. Федуленкова // Актуальные проблемы изучения комплексных языковых знаков : материалы междунар. науч. конф. к 100-летию д-ра филолог. наук, проф. А. В. Кунина. 22 – 23 апр. 2009 г. – М. : Рема, 2009. – С. 176 – 179. – ISBN 978-5-88983-267-6.

55. Она же. Изоморфизм фразеологического аферезиса / Т. Н. Федуленкова // Язык, культура, общество : материалы 5-й Междунар. науч. конф. – М. : ИИЯ, 2009. – С. 137.

56. Она же. Что такое идиоматический алломорфизм? / Т. Н. Федуленкова // Язык, культура, общество : материалы 5-й Междунар. науч. конф. – М., 2009. – С. 138.

57. Она же. Фразеология и типология / Т. Н. Федуленкова // Фразеология : Избранные труды / Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова ; отв. ред. и сост. Т. Н. Федуленкова. – Архангельск, 2009. – С. 139 – 148. – ISBN 5-7536-0355-6.

58. *Федуленкова, Т. Н.* Проблема метода в общей и сопоставительной фразеологии / Т. Н. Федуленкова // Актуальные проблемы лингвистического образования : сб. материалов 5-й Междунар. науч. конф. (Самара, 12 нояб. 2009 г.) / отв. ред. А. В. Карышева. – Самара : Самар. гуманитар. акад., 2009. – С. 221 – 225. – ISBN 978-5-98996-087-3.

59. *Она же.* Особенности знакового строения индикаторных фразеологизмов в германских языках (на материале английского, немецкого и шведского) / Т. Н. Федуленкова // Актуальные проблемы лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации : межвуз. сб. ст. / отв. ред. А. М. Поликарпов. – Архангельск : Арханг. гос. техн. ун-т, 2009. – С. 188 – 193. – ISBN 978-5-261-00474-5.

60. *Она же.* Типология фразеологии: миф или реальность? / Т. Н. Федуленкова // Slovo. Text. Czas X: Jednostka frazeologiczna w tradycyjnuch i nowych paradygmatach naukowych : материалы междунар. науч. конф. «Слово. Текст. Время. Фразеологическая единица в традиционных и новых научных парадигмах» (6 – 10 нояб. 2009 г.), посвященной проф. В. М. Мокиенко по случаю юбилея / под ред. М. Алексеенко и Х. Вальтера. – Щецин ; Грайфсвальд, 2010. – С. 557 – 565. – ISBN 978-83-61350-60-6.

61. *Она же.* Понятие изоморфизма фразеологического аферезиса / Т. Н. Федуленкова // Герценовские чтения. Иностранные языки : материалы межвуз. науч. конф. 28 – 29 апр. 2010 г. – СПб. : Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2010. – С. 243 – 244. – ISBN 978-5-8064-1537-1.

62. *Она же.* Изоморфизм и алломорфизм семного состава ведущего компонента в германской фразеологии / Т. Н. Федуленкова // Язык – общество – время : сб. материалов XIII Междунар. науч.-теорет. конф. (Ахановские чтения) 20 – 21 мая 2010 г. Т. 2. / науч. ред. Э. Д. Сулейменова. – Алматы, 2010. – С. 309 – 313. – ISBN 9965-30-554-4.

63. *Поцелуева, Н. В.* Фразеологический словарь нового типа / Н. В. Поцелуева, Т. Н. Федуленкова // Живодействующая связь языка и культуры : материалы междунар. науч. конф., посвященной юбилею д-ра филолог. наук, проф. В. Н. Телии. В 2 т. Т. 1 : Язык. Ментальность. Культура. – Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2010. – С. 239 – 243. – ISBN 978-5-87954-528-9.

64. *Хлебда, В.* Об объектах фразеологического описания в переводном словаре / В. Хлебда // *Slowo. Tekst. Czas X: Jednostka frazeologiczna w tradycyjnnych i nowych paradygmatach naukowych* : материалы междунар. науч. конф. «Слово. Текст. Время. Фразеологическая единица в традиционных и новых научных парадигмах» (6 – 10 нояб. 2009 г.), посвященной проф. В. М. Мокиенко по случаю юбилея / под ред. М. Алексеенко и Х. Вальтера. – Щецин ; Грайфсвальд, 2010. – С. 56 – 65. – ISBN 978-83-61350-60-6.

65. *Шадрин, Н. Л.* Перевод фразеологических единиц и сопоставительная стилистика : учеб. пособие / Н. Л. Шадрин. – Саратов : СГУ, 2018. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.twirpx.com/file/654502/> (дата обращения: 07.06.2018).

Научные работы, опубликованные на английском языке

66. *Aupova, R.* Types of Phraseological Unit Definition / R. Aupova // *Phraseology in Multilingual Society : Proceedings of the Europhras Conference 19 – 23 Aug. 2013, Vol. 1.* – Kazan : University of Kazan. – P. 135 – 141. – ISBN 978-5-94113-425-0.

67. *Eismann, W.* Baudouin de Courtenay und die Phraseologie / W. Eismann // *Phraseology in Multilingual Society : Proceedings of the Europhras Conference 19 – 23 Aug. 2013, Vol. 1.* – Kazan : University of Kazan. – P. 62 – 81. – ISBN 978-5-94113-425-0.

68. *Fedulenkova, T.* Phraseological Abstraction / T. N. Fedulenkova // *Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to Phraseology : ESSE-9, Aarhus, 22 – 26 Aug. 2008* / ed. T. Fedulenkova. – Arkhangelsk ; Aarhus, 2009. – P. 42 – 54. – ISBN-5-7536-0367-X.

69. *Häusermann, J.* Phraseologie und Erinnerung / J. Häusermann // *Aktuelle Probleme der modernen Lexicologie und Phraseologie. Festschrift für Professor I. I. Cernyseva zum 100. Geburtstag* / hrsg. v. G. Fadeeva et al. – M. : Рема, 2011. – С. 403 – 413. – ISBN 978-5-88983-374-1.

70. *Katamadze, M.* Phraseologismen der Deutschen Gegenwartssprache im Offiziellen Diskurs / M. Katamadze // *Modern Phraseology Issues : materials of the international phraseological conference in memory of Elizabeth Piirainen* / editor-in-chief prof. T. N. Fedulenkova. – Arkhangelsk, 2018. – S. 173 – 185. – ISBN 978-5-86773-092-3.

71. *Mendelson, V.* Biblical and Coran Phraseology : Ethical Universality and Cultural Uniqueness / V. Mendelson // Phraseology in Multilingual Society : Proceedings of the Europhras Conference 19 – 23 Aug. 2013. Vol. 2. – Kazan : University of Kazan. – P. 50 – 62. – ISBN 978-5-94113-426-7.

72. *Mieder, W.* Futuristic Paremiography and Paremiology : A Plea for the Collection and Study of Modern Proverbs / W. Mieder // Proverbs in Phraseological Field : Cognitive, Discourse and Comparative Aspects : monograph. – Vladimir, 2017. – P. 205 – 226. – ISBN 978-5-9984-0821-2.

73. *Mieder, W.* “It’s a Small World” : From Widespread Idioms to Widespread Proverbs / W. Mieder // Modern Phraseology Issues : materials of the international phraseological conference in memory of Elizabeth Piirainen / editor-in-chief prof. T. N. Fedulenkova. – Arkhangelsk, 2018. – P. 74 – 97. – ISBN 978-5-86773-092-3.

74. *Naciscione, A.* A Cognitive Approach to Instantial Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse / A. Naciscione // Phraseology in Multilingual Society : Proceedings of the Europhras Conference 19 – 23 Aug. 2013. Vol. 1. – Kazan : University of Kazan. – P. 38 – 50. – ISBN 978-5-94113-425-0.

75. *Naciscione, A.* Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse / A. Naciscione. – Amsterdam : John Benjamins, 2010. – 292 pp. – ISBN 978 9-027-21176-7.

76. *Piirainen, E.* Widespread idioms and the lesser-used languages of Europe : New insights into the figurative lexicon of European languages / E. Piirainen // Phraseology in Multilingual Society : Proceedings of the Europhras Conference 19 – 23 Aug. 2013. Vol. 1. – Kazan : University of Kazan. – P. 50 – 62. – ISBN 978-5-94113-425-0.

77. *Schweizer, H.* Phraseologie und Semantik : Pragmatik zur politischen Brisanz eines Lorient-Textes / H. Schweizer // Aktuelle Probleme der modernen Lexicologie und Phraseologie. Festschrift für Professor I. I. Cernyseva zum 100. Geburtstag / hrsg. v. G. Fadeeva et al. – M. : Pe-ma, 2011. – P. 414 – 442. – ISBN 978-5-88983-374-1.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Тема 1. Слова-сопроводители и контекст (по А. В. Кунину)	5
Тема 2. Фразеологические варианты в идиоматике современного немецкого языка (по Г. И. Краморенко).....	12
Тема 3. Способ фразеологической аппликации и классификация фразеологического материала (К вопросу о системных связях лексики и фразеологии) (по В. П. Жукову).....	33
Тема 4. Языковая мотивировка фразеологического значения и фразеологическая абстракция (по А. М. Мелерович).....	47
Тема 5. Знаковый аспект фразеологической семантики (по А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко)	54
Тема 6. К понятию дистрибуции фразеологических единиц (по Н. Л. Шадрину)	61
Тема 7. Какого цвета пословичная картина мира? (по Е. В. Ивановой).....	76
Тема 8. Фразеологизм и вопрос о единице перевода (по Н. Л. Шадрину)	97
Тема 9. Системно-функциональные характеристики фразеологических единиц библейского происхождения в английском языке (по И. С. Хостай).....	107
Тема 10. Основные роли образа в семантической структуре фразеологизма (по В. И. Зимину)	127
Тема 11. Фразеология и типология (по Т. Н. Федуленковой)	145
ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ.....	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	163
СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	164

Учебное издание

ХРЕСТОМАТИЯ ПО ФРАЗЕОЛОГИИ

Автор-составитель
ФЕДУЛЕНКОВА Татьяна Николаевна

Редактор Е. С. Глазкова

Технический редактор Т. В. Евстюничева

Корректор Н. В. Пустовойтова

Компьютерная верстка Л. В. Макаровой

Выпускающий редактор Е. В. Невская

Подписано в печать 09.08.19.

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 10,23. Тираж 50 экз.

Заказ

Издательство

Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.